

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В. В. Евсеев

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ХАСАНЕ РОУХАНИ**

Монография

МОСКВА 2013

Научное издание

В.В.Евсеев
ПЕРСПЕКТИВЫ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ХАСАНЕ РОУХАНИ
М., 2013. 226 с.

Рецензенты:

Д.и.н., главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН А.Н. Калядин

Д.и.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации В.Н. Москаленко

В книге рассмотрена иранская ядерная программа, включая ее возможные военные составляющие, потенциальные средства доставки ядерного оружия, а также взаимоотношения Тегерана с МАГАТЭ и «шестеркой» международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса. Основное внимание уделено перспективам разрешения этого кризиса при президенте Роухани и отношении Москвы и Тегерана в современных условиях.

Издание рассчитано на специалистов в данной области и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-89394-248-4

ISBN 978-5-89394-248-4

© Институт Ближнего Востока, 2013
© В.В. Евсеев, 2013

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	6
ВВЕДЕНИЕ	7

Глава 1.

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА	14
1.1. Особенности создания Ираном ядерной инфраструктуры	14
1.2. Текущее состояние иранской ядерной программы	21
1.3. Перспективы создания в ИРИ ядерного оружия	31

Глава 2.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ	41
2.1. Ракетная программа в целом	41
2.2. Закупка и производство ракет малой дальности	42
2.3. Создание ракет средней дальности	46
2.4. Другие средства доставки ядерного оружия	51

Глава 3.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕГЕРАНА С МАГАТЭ	54
---	----

Глава 4.

ПЕРЕГОВОРЫ ИРАНА С «ШЕСТЕРКОЙ» МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОСРЕДНИКОВ В 2005–2013 гг.	71
4.1. Обострение иранского кризиса при президенте Ахмадинежаде	71
4.2. Развитие кризиса в 2008–2010 гг.	82
4.3. Неудачные переговоры в Стамбуле и Ормузский кризис ..	95
4.4. Текущее состояние переговорного процесса	107

Глава 5.

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОГО КРИЗИСА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОУХАНИ	118
5.1. Взгляды Хасана Роухани на ядерную программу	118
5.2. Социально-экономическое положение ИРИ накануне президентских (2013 г.) выборов	129
5.3. Хасан Роухани и Барак Обама	132
5.4. Возможный для Ирана компромисс с Западом	143

Глава 6.

РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО	
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	150
6.1. «Настороженное партнерство» при Махмуде	
Ахмадинежаде	150
6.2. Российско-иранское партнерство в новых условиях.....	159
6.3. Сотрудничество Москвы и Тегерана в ядерной сфере ...	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	184

Об авторе

Владимир Валерьевич Евсеев – офицер запаса, кандидат технических наук, директор Центра общественно-политических исследований, начальник Отдела планирования НИР Научно-организационного управления Российской академии наук (РАН), докторант Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Сфера научных интересов – новейшая история Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Специализируется в области изучения военно-политических проблем международных отношений, глобального и регионального развития. Автор более двухсот научных трудов по актуальным проблемам международной безопасности, включая опубликованные в 2010 г. монографию «Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы», а в 2012 г. – монографию «Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы: 1991–2011».

Принятые сокращения

АПЛ – атомная подводная лодка
АЭС – атомная электрическая станция
ВВС – военно-воздушные силы
ВМС – военно-морские силы
ВОУ – высокообогащенный уран
ВС – вооруженные силы
ВСНБ – Высший совет национальной безопасности
ВТО – Всемирная торговая организация
ГЯП – Группа ядерных поставщиков
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
ЕС – Европейский Союз
ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений РАН
ИРИ – Исламская Республика Иран
ЗРК – зенитно-ракетный комплекс
КВО – круговое вероятное отклонение
КНР – Китайская Народная Республика
КСИР – Корпус стражей исламской революции
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБР – межконтинентальная баллистическая ракета
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НОУ – низкообогащенный уран
ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
ОАЭИ – Организация по атомной энергии Ирана
ОМУ – оружие массового уничтожения
ОЯТ – облученное (отработанное) ядерное топливо
ПВО – противовоздушная оборона
ПРО – противоракетная оборона
РАН – Российская академия наук
СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
ТЯНИЦ – Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр
ЦАХАЛ – Армия обороны Израиля
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЯТЦ – ядерный топливный цикл

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 2003 г. иранская ядерная проблема постоянно привлекает внимание международного сообщества. По сути, она является наиболее серьезным вызовом для глобального режима, основанного на выполнении требований Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного и ратифицированного практически всеми государствами. В решение этой проблемы активно вовлечены как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), так и наиболее авторитетная организация по вопросам войны и мира – Совет Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН). Однако согласно докладам генерального директора Агентства о выполнении Исламской Республикой Иран (ИРИ) своих вытекающих из ДНЯО обязательств, остаются еще неосвещенными вопросы деятельности Тегерана в ядерной области, которая могла и может иметь военно-прикладное значение, а также об ее исключительно мирной направленности ввиду невыполнения требований Дополнительного протокола (1997 г.) и измененного кода 3.1 к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. В результате этого Совет Безопасности ООН был вынужден принять шесть резолюций по иранской ядерной проблеме, четыре из которых ввели против Исламской Республики Иран (ИРИ) политические и финансово-экономические санкции. Аналогичные действия были предприняты со стороны отдельных государств и их групп. Как следствие, Иран оказался в серьезной политической и экономической изоляции. Конечно, это не представляет непосредственной угрозы нынешней власти в Тегеране, но значительно осложняет жизнь простых иранцев.

В настоящее время наиболее острые противоречия наблюдаются между ИРИ, с одной стороны, и Израилем, с другой. В Израиле считают, что решение иранской ядерной проблемы не может быть отложено ввиду высокой технологической готовности Тегерана к созданию атомной бомбы и активной поддержки им таких исламистских организаций, как ливанская «Хизбалла», палестинские движения ХАМАС и «Исламский джихад». По мнению израильского руководства, уже в ближайшей пер-

спектре возможна передача иранского ядерного оружия в руки исламистов, что позволит им не только диктовать свою волю правящим элитам Ближнего и Среднего Востока, но и начать ядерный шантаж в отношении ведущих государств. Причем наиболее реальной и первоочередной целью для их агрессивной деятельности станет единственная, за исключением Ливана, неисламская страна на Ближнем Востоке – Государство Израиль. Учитывая это, израильское руководство готово к любым, в том числе, силовым действиям в отношении иранских ядерных объектов. В настоящей монографии политика Израиля по отношению к ИРИ рассматривается лишь косвенно, поскольку он напрямую не вовлечен в урегулирование иранского ядерного кризиса.

Помимо этого, после захвата в ноябре 1979 г. членами мусульманской организации студентов здания американского посольства в Тегеране дипломатические отношения между ИРИ и США были прерваны. Причиной для этого стало насильственное удержание в положении заложников американских дипломатов, их семей и обслуживающего персонала в течение 444 дней – вплоть до 20 января 1981 г. Как следствие, против Ирана были введены широкомасштабные финансово-экономические санкции, сфера действия которых постоянно расширяется. Другой причиной острого американо-иранского противостояния стала враждебная Вашингтону деятельность Тегерана на Ближнем и Среднем Востоке, а также на мировой арене в целом. При этом нужно учитывать, что непродуманная, а порой самонадеянная американская политика в Афганистане и Ираке значительно усилила ИРИ, сделав ее де-факто региональной державой, что отвечает иранским национальным интересам. По-видимому, в начале 2000-х годов силовое свержение власти в Тегеране, по аналогии с режимом Саддама Хусейна в Ираке, было вполне реальным. Позднее похожие события произошли в Ливии и могут случиться в Сирии. Все это еще более убедило иранское руководство в необходимости создания собственного ракетно-ядерного потенциала для сдерживания США от возможной военной агрессии. Однако само наличие такого потенциала еще не говорит об обязательности создания в ИРИ ядерного оружия.

Следует признать, что незавершенность военной операции в Афганистане, вовлеченность США в сирийский конфликт и значительные экономические проблемы в некоторой степени ограничивают возможности американских вооруженных сил (ВС)

по силовому давлению на ИРИ. Однако военные ресурсы США столь велики, что их достаточно даже сейчас для нанесения в случае принятия такого политического решения массированных ракетно-бомбовых ударов по Ирану в течение длительного периода времени («югославский сценарий») с целью уничтожения его оборонно-промышленного потенциала. Для этого в непосредственной близости от ИРИ развернута соответствующая инфраструктура боевого и тылового обеспечения, в постоянном режиме осуществляется наблюдение за ее территорией и примыкающими акваториями Персидского и Оманского заливов и уточняется местоположение целей для возможного удара, в близлежащих к ИРИ странах разворачивается система противоракетной обороны (ПРО) для защиты от иранских ракет малой дальности, а также в регионе ведется активный поиск возможных союзников. Далее многое будет зависеть от развития сирийского кризиса, ситуации в сфере безопасности на Ближнем и Среднем Востоке в целом и способности президента ИРИ Хасана Роухани достичь компромисса с Западом. Именно последнему, а не военному сценарию уделено в книге основное внимание.

Европейские государства практически сразу оказались втянутыми в решение иранской ядерной проблемы. Поначалу «большой тройке» Европейского союза (ЕС), включающей Великобританию, Францию и Германию, удалось добиться существенного прогресса. Они убедили Тегеран в необходимости полноценного сотрудничества с Агентством, подписания Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и выполнения его требований до завершения процесса ратификации, а также добились приостановки всех работ по обогащению урана, регенерации облученного (отработанного) ядерного топлива (ОЯТ) и выделенного плутония. В обмен на это ЕС предложил Ирану широкомасштабное экономическое сотрудничество.

Переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС шел крайне сложно и медленно. Тем не менее в сентябре 2004 г. под контроль МАГАТЭ был поставлен завод по конверсии урана в г. Исфahanе, а в ноябре того же года между Ираном и ЕС были подписаны так называемые Парижские соглашения о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. Это стало кульминацией успехов Европейского союза, за которой последовали продолжительные и бесплодные попытки

«большой тройки» ЕС остановить эскалацию ядерного кризиса. Одна из причин этого состояла в том, что США тогда еще не были готовы к многостороннему обсуждению с Тегераном ядерной проблемы. С другой стороны, приход к власти в 2005 г. в ИРИ неоконсерватора Махмуда Ахмадинежада сделал иранскую позицию слишком жесткой, а порой и провокационной.

В результате возникла ситуация полного тупика, когда Тегерану делались очередные, все более заманчивые предложения, на которые он либо никак не реагировал, либо предлагал свои, не всегда приемлемые для Запада пути решения проблемы. После этого в отношении ИРИ принимались санкции со стороны Совета Безопасности ООН, и все продолжалось сначала. И даже изменение формата переговоров вначале на шестисторонний (постоянные члены СБ ООН и Германия), а затем на семисторонний с участием ИРИ не позволило принципиально изменить ситуацию ввиду нежелания как Тегерана, так и Запада идти на компромисс.

В отличие от США, отдельные европейские государства до недавнего времени зависели от поставок иранской нефти и имели с ИРИ существенный торговый оборот. Это в течение длительного времени удерживало ЕС от принятия в отношении Тегерана серьезных мер. Однако по мере углубления иранского ядерного кризиса возникла реальная угроза перекрытия Ормузского пролива, по которому осуществляются поставки 20% мировых перевозок (40% морских перевозок) нефти и значительных объемов сжиженного природного газа. Учитывая это, в июле 2010 г. ЕС впервые ввел, а в октябре того же года значительно ужесточил против ИРИ политические и финансово-экономические санкции, далеко выходящие за пределы последней резолюции Совета Безопасности ООН. По мере их реализации, а также введения подобных чрезмерно жестких санкций со стороны США, Канады и некоторых других государств не только значительно сократился экспорт иранской нефти, но и оказался практически заблокированным банковский сектор ИРИ, что крайне затруднило для страны ведение торговых отношений и получение иностранных инвестиций. Все это привело к существенному снижению жизненного уровня иранцев, что в 2013 г. способствовало приходу к власти в Тегеране умеренного консерватора Хасана Роухани.

Россия в большей степени, чем ЕС, старалась замедлить развитие иранского ядерного кризиса. Ей удалось сохранить

свое право на сотрудничество с ИРИ в области атомной энергетики, достроив энергетический реактор в Бушере и поставив для него ядерное топливо. Хоть и противоречиво, но продолжалось взаимодействие с Ираном в военно-технической сфере. В то же время Москва не оказала Тегерану содействия в освоении критичных с точки зрения ядерного распространения технологий по обогащению урана и выделению плутония, а проданные ею вооружения в основном носили оборонительный характер.

Учитывая относительную географическую близость и многие другие причины, Россия заинтересована в установлении с Ираном партнерских отношений. Она хотела бы иметь свое место на емком внутреннем рынке ИРИ, активно сотрудничать с целью разрешения сирийского кризиса, пресечения афганского наркотрафика и стабилизации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе. В то же время Москва не поддерживала проводимый во время президента Ахмадинежада ярко выраженный антизападный курс Тегерана, что создавало серьезную проблему для развития российско-иранских отношений, которые тогда рассматривались как «настороженное партнерство».

Кроме этого, Российской Федерации беспокоило стремление Исламской Республики Иран к созданию научно-технологических предпосылок для ядерного оружия и постоянное совершенствование своих баллистических ракет средней дальности как возможных средств доставки оружия массового уничтожения (ОМУ). Учитывая это, российское руководство поддерживало усилия международного сообщества по предотвращению в регионе ядерного и ракетного распространения, но выступало против силового решения иранской ядерной проблемы.

Наиболее противоречиво в отношении ИРИ вел себя Китай. С одной стороны, он сильно зависел от поставок иранской нефти и хотел бы в будущем получать из Ирана природный газ. Экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с ИРИ развивалось по многим направлениям: от чувствительных ракетных и космических технологий до строительства транспортной инфраструктуры и поставок столь необходимого в условиях экономических санкций бензина. С другой стороны, Китай старался позиционировать себя как ответственное государство, в будущем равный США мировой центр силы. Это вынуждало Пекин быть осмотрительным при передаче ядерных и ракетных технологий, укреплять режим ядерного

нераспространения и не поддерживать различного рода радикальные движения, в том числе исламистского характера. Последнее для Китая особенно актуально, учитывая крайне неспокойную внутреннюю обстановку в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Вследствие всего этого Пекин старался ослабить международное давление на ИРИ в экономической сфере, защищая свои национальные интересы, но не выступал категорически против введения в отношении Ирана новых санкций. В настоящей работе Китай практически не рассматривается ввиду его ограниченного вовлечения в разрешение иранского ядерного кризиса.

Итоги президентских выборов (2013 г.) в Исламской Республике Иран для многих стали неожиданными. При высокой активности избирателей и демократичности их проведения сразу в первом туре победил умеренный консерватор Хасан Роухани. Во многом такая победа была обусловлена тем, что иранцы поддержали предложенный им курс на существенное улучшение экономического положения страны путем нормализации отношений с Западом на основе взаимоприемлемого компромисса, в том числе в ядерной сфере.

Как следствие, в отношении президента Роухани на Западе сохраняются завышенные ожидания. Так, по мнению министра иностранных дел и вице-канцлера Германии в 1998–2005 гг. Йошки Фишера, Хасан Роухани является «вежливым и открытым человеком», который окружает себя очень умелыми и опытными дипломатами. Вместе с тем, он – реалистичный и умеренный член политической элиты ИРИ, а не представитель оппозиции¹. Как и подавляющее большинство иранцев, он считает необходимым продолжать реализацию иранской ядерной программы, которая в стране рассматривается как признак научно-технического прогресса.

На Западе в Хасане Роухани очень хотят видеть реформатора, следующего по пути Мохаммада Хатами – президента ИРИ в 1997–2005 гг. Однако даже реформатор Хатами лишь замедлил реализацию иранской ядерной программы. Причем переговоры с «большой тройкой» ЕС тогда вел Хасан Роухани, который смог уговорить духовного лидера ИРИ аятоллу Али Хаменеи приостановить процесс обогащения урана в рамках

---

¹ Фишер Й. Проблеск надежды в Иране // Project Syndicate. М., 29.06.2013.

уже указанных Парижских соглашений (2004 г.). Может ли это послужить основанием для нынешнего приостановления Ираном процесса дообогащения урана с 5 до 20%? На какой компромисс в ядерной сфере может пойти Тегеран в условиях сохраняющегося сирийского кризиса? Как на это отреагирует Запад? Наконец, насколько реально сейчас говорить о возможности разрешения иранского ядерного кризиса?

Отдельного рассмотрения заслуживают российско-иранские отношения в современных условиях. Их основа в виде противостояния Западу уже отходит в прошлое. Также уменьшается потребность в России как посреднике при урегулировании иранского ядерного кризиса, так как ИРИ выходит на прямые контакты со странами Запада, в том числе по этому вопросу. По сути, Москва теряет для Тегерана свое исключительное значение (на самом деле роль этого фактора не следует преувеличивать и в прошлом) и становится важным, но далеко не единственным партнером. В этих условиях ей крайне необходимо предложить новую повестку для развития российско-иранских отношений. Насколько Россия сможет это сделать в условиях некоторого улучшения взаимодействия между ИРИ и Западом в целом? Удастся ли ей выйти из состояния «настороженного партнерства»? Ответы на эти и многие другие вопросы нашли свое отражение в настоящей монографии, которая является развитием ранее написанной книги «Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы».

В заключение хотелось бы выразить благодарность Владимиру Сажину, Антону Хлопкову и Ефиму Жигуну за дружескую поддержку, а также Диане Сазоновой за значительную помощь при подготовке этой книги.

Глава 1.

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

1.1. Особенности создания Ираном ядерной инфраструктуры

Следует заметить, что в 1970-х годах мало кто сомневался в мирной направленности иранской ядерной программы. Монархия Пехлеви являлась проводником американских интересов на Ближнем и Среднем Востоке и, следовательно, находилась под ядерным зонтиком США. Именно поэтому Тегеран был одним из первых государств, которые присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия, подписав его 1 июля 1969 г. и ратифицировав 2 февраля 1970 г. Тем не менее существуют некоторые факты, которые говорят о возможности проведения тогда военно-прикладных исследований в ядерной области. Так, с 1975 г. в Тегеранском ядерном научно-исследовательском центре (ТЯНИЦ) проводились исследования по лазерному обогащению урана и выделению плутония из облученного (отработанного) ядерного топлива².

В 1958 г. Иран установил отношения с МАГАТЭ. 15 мая 1974 г. он подписал с Агентством Соглашение о всеобъемлющих (comprehensive) гарантиях для неядерных государств – участников ДНЯО. По Соглашению о гарантиях (первоначальный код 3.1) неядерное государство обязуется информировать МАГАТЭ о ядерных материалах, которые оно импортирует или производит внутри страны, и сообщает обо всех местах нахождения таких материалов. Инспектора Агентства, со своей стороны, проводят независимую проверку и дают оценку полноты и точности заявлений государства относительно ядерных материалов и мест их нахождения³. Согласно

---

² Cordesman A., Burke A. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. Washington Center for Strategic and International Studies. 2004. P. 74.

³ Ахтамзян И.А. и др. Ядерное нераспространение: Учебное пособие. В 2 томах. Том I / Под общ. ред. В.А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 139.

коду 3.1 этого соглашения, государства должны были информировать МАГАТЭ о новом ядерном объекте за 180 дней до появления на нем ядерного материала⁴.

Тогда никаких претензий к американскому союзнику со стороны Агентства не могло даже возникнуть, хотя в Тегеране был взят курс на разработку замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ) как технической предпосылки для создания ядерного оружия и проявлен интерес к приобретению в Канаде возможного наработчика плутония – тяжеловодного реактора типа CANDU⁵.

Кроме того, планировалось, что к 1980 г. в Исфахане французы построят предприятие по переработке ОЯТ⁶. В случае реализации этого проекта Иран становился пороговым ядерным государством, способным выделять плутоний в промышленных масштабах. Поэтому в октябре 1976 г. Министерство иностранных дел СССР сделало представление Франции в связи с ее планами поставки в Иран «чувствительной» ядерной технологии⁷.

Исламская революция (1979 г.) и последовавшая затем ирано-иракская война приостановили реализацию в стране крайне амбициозной ядерной программы. Этому же способствовало и то, что новое иранское руководство стало проводить ярко выраженную антиамериканскую внешнюю политику. Особенно ухудшились отношения с Вашингтоном и Западом в целом после захвата посольства США в Тегеране. В результате было практически прекращено сотрудничество с Ираном в ядерной области. В частности, уже в 1979 г. остановилось строительство Бушерской АЭС. Поводом для этого стала значительная задолженность иранской стороны по ранее выполненным работам⁸.

С этого периода и вплоть до начала иранского ядерного кризиса (2002 г.) со стороны МАГАТЭ в отношении Тегерана никаких серьезных действий не предпринималось. Считалось,

---

⁴ Сообщение от 7 апреля 2010 г., полученное от Постоянного представительства Исламской Республики Иран при Агентстве/Информационный циркуляр. INFCIR/791. Вена: МАГАТЭ, 2010. С. 5.

⁵ Koven R. Boom in Canadian Reactors // Washington Post, 15.07.1974.

⁶ Timmerman K. Iran's Nuclear Program: Myth and Reality // Iran Brief, 30.09.1995. <http://www.iran.org/tib/krt/castiglioncello.htm>.

⁷ Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр, 2000. С. 65.

⁸ Bonn Concern Ends Iran Nuclear Pact // New York Times, 01.08.1979.

что Иран выполняет свои обязательства согласно Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. Этому способствовало следующее обстоятельство: до середины 1980-х годов иранская ядерная программа находилась в глубокой стагнации, так как руководство страны не видело необходимости в ее реализации. Это было обусловлено экономическим кризисом в ИРИ, наличием других приоритетов и отсутствием западной поддержки, что привело к прекращению финансирования ядерной программы и массовой эмиграции иранских ученых-ядерщиков. Так, из 120 сотрудников химического и физического департаментов Тегеранского университета, в котором размещался ТЯНИЦ, осталось всего 8⁹.

Ирано-иракская война убедительно показала Тегерану возможности такого вида ОМУ, как химическое, применявшееся иракцами в ходе боевых действий. Особую обеспокоенность у иранского руководства вызывала реализуемая режимом Саддама Хусейна военная ядерная программа, которая после уничтожения ядерного исследовательского реактора в Озираке (1981 г.) получила новый импульс. В частности, Хусейн выпустил из тюрем и реабилитировал видных специалистов в этой области, в 15 раз увеличил число работающих по программе людей и полностью ее засекретил¹⁰. Однако всех этих усилий оказалось недостаточно для восстановления прежнего уровня ядерной программы. В условиях продолжавшейся войны, действия режима санкций и отсутствия экспериментальной базы от осуществления этого проекта пришлось постепенно отказаться. Тем не менее сама реализация Багдадом военной ядерной программы сильно беспокоила Тегеран.

В середине 1980-х годов иранское руководство стало рассматривать возможность восстановления собственной ядерной программы, по-видимому, не исключающей и военную составляющую. С этой целью в 1987 г. Иран по сети «черного» рынка, организованного пакистанским ученым Абдул Кадир Ханом, закупил техническую документацию и компоненты двух газовых

---

⁹ Segal D. Atomic Ayatollahs: Just What the Mideast Needs-An Iranian Bomb // Washington Post, 12.04.1987.

¹⁰ Извлекут ли США уроки из рейда на Озирак? [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт IranAtom.Ru. М., 19.06.2006. <http://www.iranatom.ru/news/media/year06/june/osi.htm>.

центрифуг малой мощности (P-1, иранское название – IR-1). Такие технологии применяются для обогащения урана и имеют двойное назначение, так как могут использоваться для наработки урана оружейного качества. Решение о приобретении оборудования для центрифужного обогащения урана, по утверждению иранской стороны, тогда было принято руководителем Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ). Одновременно было поставлено описание технических процессов перевода урана из газообразной в металлическую форму и механической обработки обогащенного металлического урана в полусферы. Тегеран официально заявил, что такая техническая документация им не запрашивалась¹¹. Тем не менее указанная информация имеет военно-прикладное назначение, а неосведомленность об этом со стороны высшего руководства ИРИ выглядит странной. Кроме того, существует письмо аятоллы Хомейни, написанное в 1988 г., в котором он указывает на необходимость Ирану получить доступ к ядерному оружию¹².

США, обеспокоенные неопределенностью целей иранского руководства, стали уделять особое внимание тем странам, которые продолжали сотрудничество с Тегераном в ядерной области. Первой под удар попала Аргентина, которая в конце 1980-х годов не только провела замену активной зоны Тегеранского исследовательского реактора в ТЯНИЦ, что позволило перевести его на использование ядерного топлива со степенью обогащения около 20%, но и поставила для этого реактора 116 кг топлива¹³. Вследствие американского давления в 1992 г. Аргентина отказалась от дальнейших поставок в ИРИ ядерного топлива и оборудования, а также от подготовки иранских технических специалистов, несмотря на достигнутые ранее договоренности¹⁴.

---

¹¹ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2007. Nov. 15. P. 3.

¹² Аятolla Хомейни: ядерное оружие нужно Ирану [Электронный ресурс] // Информационный сайт «News.IsraelInfo». Тель-Авив, 02.10.2006.

¹³ Barneby F. The invisible Bomb: the nuclear Arms Race in the Middle East. London: Tauris, 1989. P. 120.

¹⁴ Cordesman A., Burke A. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. Washington Center for Strategic and International Studies. 2004. P. 76.

В 1990 г. Иран подписал с Испанией соглашение о завершении работ на Бушерской АЭС и поставках ядерного топлива. Однако под влиянием США сотрудничество ИРИ с Испанией в ядерной области вскоре было прекращено¹⁵.

В середине 1990-х годов Вашингтон оказал сильный на-жим на Пекин по поводу заключенного в феврале 1993 г. китайско-иранского соглашения о строительстве в Дарховине двух легководных энергетических реакторов по 360 МВт. В результате Пекину также пришлось отказаться от выгодной сделки и свернуть свое сотрудничество с Тегераном в ядерной сфере¹⁶. Но к этому времени Иран уже успел получить из Китая техническую документацию по конверсии урана (перевод из твердой в газообразную форму, подготовительная стадия перед обогащением урана), а также по производству тяжелой воды. Позднее такие технологии были освоены, что позволило построить завод по конверсии урана в Исфахане и позднее в Араке предприятие по производству тяжелой воды. А также Китай продал Ирану две «подкритичные» сборки (1992 г.), миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт (1994 г.) и исследовательский тяжеловодный реактор нулевой мощности, позволяющий нарабатывать ежегодно до 100 г плутония (1995 г.)¹⁷.

Под действием американских экономических санкций и мощного политического давления от сотрудничества с Ираном в ядерной области были вынуждены отказаться Бразилия, Индия и Пакистан. И только Россия смогла отстоять свое право на такое сотрудничество, хотя и ограничилась только теми проектами, которые не относились к категории «критичной» ядерной продукции в строгом соответствии со всеми требованиями национального законодательства и международными

---

¹⁵ Саруханян С.Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 51.

¹⁶ Практически полное свертывание китайско-иранского сотрудничества в ядерной сфере приходится на 1997–1998 гг. В ответ на это США сняли ограничения на продажу Китаю чувствительных технологий, необходимых для совершенствования ядерной инфраструктуры страны.

¹⁷ Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Facilities: a Profile. 1998.
www.cns.miis.edu/pubs/reports/pdfs/iranpt.pdf.

обязательствами РФ по ДНЯО¹⁸. Так, в период 1995–2013 гг. российские специалисты достроили в Бушере АЭС с водоводяным энергетическим реактором ВВЭР-1000 (VVER-1000). Причем с декабря 2007 г. на этот объект стали распространяться гарантии МАГАТЭ.

До середины 1990-х годов руководство Тегерана старалось максимально сузить круг лиц, причастных к ядерной программе, с целью исключения любой утечки информации. При этом ставка сразу была сделана на создание замкнутого ЯТЦ. Как следствие, в 1987–1993 гг. все исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по иранской ядерной программе велись только в рамках ОАЭИ, без привлечения технических университетов и ядерных исследовательских центров¹⁹. С одной стороны, это увеличивало время на их проведение, с другой, – позволяло выполнять такие работы достаточно скрытно, постепенно налаживая собственное производство компонентов газовых центрифуг.

Особый интерес представляет тот факт, что президент ИРИ в период 1989–1997 гг. Али Акбар Хашеми-Рафсанджани утвердил, по некоторым данным, секретную директиву, по которой ядерный статус Ирана служит стратегической гарантией сохранения существовавшей власти. С целью достижения такого статуса предполагалось осуществление следующих мер:

- использование всех возможностей для приобретения необходимой технологии производства ядерного оружия;
- отправка в различные государства иранских специалистов для сбора необходимой информации;
- создание секретных ядерных центров и предприятий, которые могли бы не только дополнять друг друга, но и проводить работы в автономном режиме²⁰.

¹⁸ Наумкин В.В., Евстафьев Г.М., Новиков В.Е. Ближний и Средний Восток // Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 475–478.

¹⁹ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran/Report of the IAEA Director General. 2007. Nov. 15. P. 3.

²⁰ Головачев В.А. Ядерная программа Ирана: история создания и современное состояние [Электронный ресурс] // Информационный сайт «ЦентрАзия». М., 13.12.2004. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1102939440>.

С целью реализации установок высшего руководства в 1994–1996 гг. по сети Абдул Кадир Хана за 3 млн. долл. были закуплены два контейнера пакистанского оборудования для обогащения урана, достаточного для сборки пятисот газовых центрифуг Р-1. По-видимому, именно эта поставка стала решающей для полного освоения к 1999 г. технологий их производства иранскими специалистами. К этому времени Тегеран был вынужден расширить состав участников иранской ядерной программы за счет представителей технических университетов, а также начать производство комплектующих на предприятиях оборонно-промышленного комплекса и провести широкомасштабные закупки за рубежом вакуумного оборудования, специальных сортов стали и высокопрочного алюминия, необходимых для производства газовых центрифуг.

Достигнутые в конце 1990-х годов успехи в реализации программы обогащения урана и накопленные запасы необходимых материалов и комплектующих послужили для иранского руководства уже при президенте Хатами основанием для развертывания соответствующего опытного производства на ядерном объекте в Натанзе, который сразу создавался как хорошо укрепленное и замаскированное под сельскохозяйственное предприятие сооружение с огромными подземными площадями.

В 1996 г. Иран получил из Пакистана полную техническую документацию усовершенствованных газовых центрифуг Р-2, которые были мощнее предыдущего поколения в два–четыре раза и являлись более надежными в эксплуатации. По заявлению иранской стороны, не подтвержденной МАГАТЭ, до 2002 г. никаких работ по освоению производства газовых центрифуг Р-2 не проводилось. Только в марте 2003 г. ОАЭИ заключила соответствующий контракт с частной компанией, которая столкнулась с серьезной проблемой экспорта ряда компонентов зарубежного производства. Инспектирование этой компании со стороны МАГАТЭ не выявило попыток использования центрифужного оборудования для обогащения урана.

Одновременно создавались и другие объекты ядерной инфраструктуры. В частности, иранцы пытались освоить урановые месторождения в провинции Йезд, запасы которых в эквиваленте закиси-окиси урана составляют около 5 тыс. т при достаточно низком содержании этого химического элемента в руде (менее 0,1%). Добычу урановой руды планировалось начать в Саганде, а производство из нее уранового концентратра –

в Ардакане²¹. Однако объемы ежегодной добычи (порядка 50 т по природному урану) являлись явно недостаточными для удовлетворения собственных потребностей атомной энергетики²².

Рассмотрим далее нынешнее состояние иранской ядерной программы.

1.2. Текущее состояние иранской ядерной программы

Научно-технологическая база Ирана в ядерной области на сегодняшний день является самой мощной среди всех стран региона, исключая Израиль. В стране создан ряд крупных научных центров, подчиненных Организации по атомной энергии Ирана: Тегеранский, Исфаханский, Кереджский, Йездский и некоторые другие.

Среди названных организаций ведущее место занимает **Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр при Тегеранском университете**. Для этого центра в далеком 1967 г. США при финансовом и техническом содействии МАГАТЭ предоставили исследовательский реактор электрической мощностью 5 МВт, пуск которого был осуществлен в 1968 г. В качестве ядерного топлива для этого реактора вначале использовался высокообогащенный уран²³. Затем степень обогащения его топлива была понижена до 20%.

Несколько позднее для ТЯНИЦ США поставили «горячие камеры», позволяющие выделять плутоний из облученного ядерного топлива²⁴. Этот центр также располагает китайской лабораторной установкой по производству окиси-закиси урана из руды и лазерным оборудованием, поставленным из США в 1978 г., которое может быть использовано для обогащения

---

²¹ Урановые рудники Ирана принимают журналистов [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт IranAtom.Ru. М., 11.09.2004. <http://www.iranolatom.ru/news/aeoi/year04/september/sagand.htm>.

²² По оценкам экспертов, для работы одного энергетического реактора гигаваттного класса требуется ежегодно добывать 150 т природного урана.

²³ Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 2007. С. 219.

²⁴ Perabo B.A. Chronology of Iran's Nuclear Program // Monterey Institute of International Studies. 25.09.1995. P. 5.

урана. Последние установки, за исключением «горячих камер», по-видимому, находятся в нерабочем состоянии.

Другой значимой организацией является **Исфаханский ядерный исследовательский центр**, имеющий тяжеловодный исследовательский реактор нулевой мощности. Помимо этого там расположены: миниатюрный источник нейтронов китайского производства мощностью 27 кВт, который использует для работы порядка 900 г. высокообогащенного урана (ВОУ), и две «подкритичные» сборки. Все это оборудование было поставлено из Китая в период 1992–1995 гг. и находится под контролем МАГАТЭ.

Третьим по значимости считается **Ядерный исследовательский центр сельского хозяйства и медицины в Кередже**. Он располагает миллиамперным калютроном – электромагнитным сепаратором для разделения изотопов, импортированным из Китая в начале 1990-х годов. На этом оборудовании технически возможно получать небольшое количество высокообогащенного урана, но в ходе инспекций МАГАТЭ в 1992–1993 гг. было подтверждено, что миллиамперный калютрон используется только для получения стабильных элементов. Кроме того, центр оснащен циклотроном бельгийского производства.

С весны 2004 г. в Исфахане действует завод по конверсии урана, где производится гексафторид урана (UF_6 , это является подготовительной стадией при центрифужном способе обогащения урана). На этом предприятии получено 550 т гексафторида урана, из которых 120 т направлено на предприятие по обогащению урана в Натанзе. Здесь также выпускаются некоторые побочные продукты, включая диоксид урана, который служит материалом для производства ядерного топлива.

В Исфахане действует комплекс по производству ядерного топлива для реакторов различного типа. В ходе проведенных на этом комплексе работ иранским специалистам удалось получить 18 тепловыделяющих сборок, содержащих уран со степенью обогащения 20% (по урану-235), две такие сборки с ураном, обогащенным до 3,3%, и десять сборок на основе природного урана.

В Натанзе сейчас функционируют: предприятие по обогащению урана (ранее – опытное предприятие), где с 2007 г. нарабатывается низкообогащенный уран (НОУ), и экспериментальное предприятие по обогащению урана, на котором в основном проводятся научные исследования и осуществляются опытно-

конструкторские работы, в том числе по тестированию новых типов газовых центрифуг IR-2m, IR-4, IR-5, IR-6 и IR-6s. Только для производства и тестирования газовых центрифуг задействованы 22 иранских предприятия и организации.

В производственной зоне экспериментального предприятия по обогащению урана установлено 328 газовых центрифуг P-1, которые с февраля 2010 г. использовались для дообогащения урана с 5 до 20%. Это позволило наработать 178 кг такого ядерного материала.

Помимо этого, в Фордо, вблизи священного для шиитов иранского города Кум, создан третий объект по обогащению урана. О его тайном строительстве стало известно только 25 сентября 2009 г., что, по-видимому, стало неожиданностью для российского руководства. Это предприятие расположено на территории иранской военной базы и хорошо защищено от воздушного удара. В настоящее время здесь проводится только дообогащение урана до 20%, что позволило получить 195 кг такого материала также в виде гексафторида урана.

По данным МАГАТЭ на конец августа 2013 г., на предприятии по обогащению урана в Натанзе установлено 15 тыс. 416 газовых центрифуг P-1 (иранское название IR-1) и 1008 усовершенствованных центрифуг типа IR-2m, которые в 2–4 раза производительнее газовых центрифуг P-1. Однако центрифуги IR-2m пока находятся в стадии тестирования, на них гексафторид урана еще не подавался.

За три месяца количество центрифуг P-1 увеличилось на 1861, а IR-2m – на 319. Согласно представленной ранее информации, Тегеран планирует разместить на этом предприятии не менее 25 тыс. газовых центрифуг²⁵. При сохранении нынешних темпов ввода центрифуг это может быть осуществлено к сентябрю 2014 г. Помимо этого 2710 газовых центрифуг P-1 готово к работе на подземном предприятии по обогащению урана в Фордо. Это позволяет в случае принятия соответствующего политического решения обеспечить достаточно высокие темпы дообогащения урана, вплоть до оружейного качества.

---

²⁵ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran // Report of the IAEA Director General. 28.08.2013. P. 6.

Сейчас ИРИ располагает 16 ядерными объектами, большинство из которых задействовано в урановой программе. В частности, на месторождении Гчин вблизи Бендер-Аббаса в провинции Хормозган ведется добыча природного урана. Руды этого месторождения достаточно богаты по содержанию урана (от 0,2 до 0,5%) и находятся вблизи поверхности. В целом (в Саганде и Гчине) иранцы могут производить более 50 тонн природного урана в год.

На Западе обращают внимание на то, что в ИРИ действуют не только урановые рудники, но и два предприятия по производству уранового концентратса. Контроль за работой этих предприятий со стороны МАГАТЭ не осуществляется, так как они не стоят под гарантиями Агентства. Это позволяет допустить принципиальную возможность скрытного накопления неучтенных запасов уранового концентратса. Но для центрифужного способа обогащения урана этот материал нужно перевести в форму гексафторида. Такое можно сделать только на секретном предприятии по конверсии урана, которое достаточно сложно скрыть от технических средств разведки.

Конечно, иранскую ядерную угрозу не нужно преувеличивать. В настоящее время создается лишь научно-технологический потенциал, который вполне можно использовать в мирных целях. С другой стороны, масштабы ядерной программы ИРИ экономически плохо обоснованы²⁶, так как имеется всего один энергетический реактор мощностью 1 ГВт в Бушере, для которого Россия обязалась поставлять ядерное топливо в период всего срока его эксплуатации. Существуют планы по строительству в Иране двух энергетических и четырех исследовательских реакторов. Однако на практике эти планы все еще не реализуются. Как следствие, у международного сообщества возникают серьезные сомнения в отношении исключительно мирного использования накопленных запасов НОУ, которые уже составили 8960 кг.

---

²⁶ В Иране на это не обращают серьезного внимания, так как руководствуются политическими, а не экономическими причинами. Так, в Тегеране считают, что главная цель ядерной программы заключается в возрождении национальной гордости, обеспечении своего суверенитета и развитии научно-технического потенциала.

Согласно данным Международного института стратегических исследований в Лондоне²⁷, для наработки расщепляющегося материала на один ядерный боезаряд изначально необходимо около 1 тыс. кг НОУ в виде гексафторида со степенью обогащения 5% по урану-235. Некоторое количество такого материала было дообогащено до 20%, а затем частично использовалось для производства ядерного топлива в интересах Тегеранского исследовательского реактора (этот факт на Западе остался практически незамеченным). В результате к концу августа 2013 г. у ИРИ осталось 6774 кг гексафторида урана, обогащенного до 5%, и 186 кг гексафторида урана, обогащенного до 20%²⁸. Этого достаточно для производства (после дообогащения) семи ядерных боезарядов. При сохранении нынешних темпов обогащения природного урана к сентябрю 2014 г. ИРИ будет иметь 8,4 т НОУ со степенью обогащения до 5%. При неизменности запасов гексафторида урана 20% обогащения (скорее всего, сейчас процесс дообогащения урана приостановлен) этого будет достаточно для изготовления девяти ядерных боезарядов.

Следует учитывать, что наработка оружейного урана на основе обогащенного до 3,5% будет происходить в семь раз быстрее, чем при использовании в качестве исходного материала природного урана. Если же начинать обогащение с 20%, то этот процесс будет в пять раз быстрее, чем при обогащении с уровня 3,5%.

Принципиально иная ситуация наблюдается по отношению к атомной электростанции в Бушере, которая недавно была выведена на 100% мощности. Крайне маловероятно, что она будет использована в военных целях для наработки плутония²⁹. Однако, как будет показано в главе 6, некоторую озабоченность

²⁷ Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A Net Assessment. London: The International Institute for Strategic Studies. Feb. 2011. P. 73.

²⁸ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran // Report of the IAEA Director General. 28.08.2013. P. 4.

²⁹ На Западе обращают внимание, что в случае учащейся выгрузки ядерного топлива даже на Бушерской АЭС можно попытаться наработать некоторое количество оружейного плутония. Но эта АЭС стоит под гарантиями МАГАТЭ, поэтому изменение режима ее работы будет практически сразу выявлено инспекторами Агентства.

вызывает возможность ее безопасной эксплуатации, особенно при отсутствии на АЭС российских специалистов.

Несомненно, что в ИРИ отсутствуют серьезные причины для продолжения процесса обогащения урана, что может в перспективе создать условия для разработки ядерного оружия. Однако такие причины могут быть созданы искусственно путем, например, имитации строительства атомной подводной лодки (АПЛ). О таком намерении в середине июня 2012 г. заявил заместитель командующего Военно-морскими силами (ВМС) ИРИ контр-адмирал Аббас Замини³⁰. В начале октября это подтвердил заместитель председателя комитета по внешней политике и национальной безопасности меджлиса (парламента) ИРИ Мансур Хакикатпур.

На самом деле даже в среднесрочной перспективе Иран не может самостоятельно построить АПЛ. Во-первых, для этого нужно иметь опыт в создании хотя бы исследовательских ядерных реакторов. А такого опыта у иранцев нет.

Во-вторых, с помощью Северной Кореи в Иране освоили производство только дизельных малых подводных лодок типа «Гадир» водоизмещением около 500 т. На кораблях такого типа невозможно разместить ядерную энергетическую установку ввиду массово-габаритных ограничений и необходимости обеспечения физической защиты экипажа от смертоносного радиоактивного излучения. Как следствие, первая советская атомная подводная лодка проекта 627 «Ленинский комсомол», принятая на вооружение в 1957 г. и неспособная нести баллистические ракеты, имела подводное водоизмещение 4750 т.

В-третьих, процесс создания инфраструктуры, необходимой для обслуживания атомных подводных лодок и их утилизации после окончания сроков эксплуатации, требует значительных финансовых средств.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что при определенных условиях (например, силовом свержении США и их союзниками режима Башара Асада в Сирии) иранцы могут пойти на дальнейшее повышение степени обогащения урана. При этом следует учитывать, что водо-водянные реакторы атомных подводных лодок первого и второго поколения применяли

---

³⁰ Иран начал разработку атомных подводных лодок, сообщает Fars // РИА Новости. М., 12.06.2012.

ядерное топливо со степенью обогащения 21%, а АПЛ третьего поколения – 43–45%. В ядерных энергетических установках с жидкокометаллическим теплоносителем вообще используется ядерное топливо с обогащением 90% (по сути, это уран оружейного качества).

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы создания инфраструктуры, необходимой для обслуживания атомных подводных лодок и их утилизации после окончания сроков эксплуатации.

Конечно, АПЛ имеют такие преимущества, как воздухонезависимость двигательной установки и отсутствие потребности в значительных запасах дизельного топлива. Это позволяет им находиться в подводном положении не менее трех месяцев. В то же время для работы двигательной установки атомной подлодки первого поколения требуется 250 кг ядерного топлива, а второго – 350 кг. Учитывая полную перегрузку ядерного топлива в течение трех лет для обеспечения работы всего одной АПЛ первого поколения Ирану потребуется ежегодно нарабатывать свыше 80 кг урана, обогащенного до 21%. В действительности для обеспечения условий постоянного боевого дежурства придется строить не менее трех АПЛ, что увеличит ежегодные объемы производства ядерного топлива с указанной степенью обогащения до 250 кг. Это значительно превосходит нынешние темпы наработки в ИРИ гексафторида урана со степенью обогащения 20%, но они достижимы для уже созданной ядерной инфраструктуры.

Условия эксплуатации атомных и дизельных подводных лодок существенно различаются. Для АПЛ необходимо создавать собственную инфраструктуру на берегу, связанную, в том числе, с необходимостью перезагрузки ядерного топлива, готовить технических специалистов по обслуживанию ядерных энергетических установок на специально созданной учебной базе, сформировать и обучить команды по ликвидации возможных аварийных ситуаций, а также сделать многое другое, без чего безопасная эксплуатация АПЛ просто невозможна. К этому можно добавить, например, насущную потребность в создании для боевых кораблей, находящихся в подводном положении, специальных систем навигации и связи.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что срок службы атомной подводной лодки составляет 30 лет (возможно его продление до 40 и даже 50 лет, но это требует освоения

передовых технологий, которыми иранцы в настоящее время не располагают). После этого АПЛ нужно утилизировать путем вырезки реакторного отсека и его хранения в течение длительного периода времени. С этой целью, а также для размещения контейнеров с отработанным ядерным топливом двигательной установки АПЛ придется создавать сухое хранилище на берегу, обеспечивать его охрану и жизнедеятельность.

Учитывая все вышеизложенное, сделаем вывод, что в ИРИ отсутствует явная потребность и реальная возможность создания атомных подводных лодок. Вместо этого иранцы могут создать анаэробные энергетические установки мощностью от 100 до 300 кВт, что повысит срок автономности подводных лодок до 480–720 часов. Именно по этому пути пошли в Германии, где в конце 1990-х годов создали дизель-электрическую подводную лодку проекта 212 с воздухонезависимым двигателем на топливных элементах.

Беспокойство у международного сообщества вызывает и плутониевая программа ИРИ. Так, с сентября 2004 г. в Араке строится исследовательский тяжеловодный реактор IR-40 тепловой мощностью 40 МВт, который сможет нарабатывать ежегодно 9 кг плутония. 7 августа 2013 г. Иран предоставил инспекторам МАГАТЭ доступ к этому реактору. В ходе инспекции было выявлено завершение работ по корпусу реактора, но еще не оборудованы помещения щита управления, а также не установлены перегрузочная машина³¹ и насосы системы охлаждения реактора³². Его эксплуатация скорее всего начнется в 2015–2016 гг.

Строящийся ядерный реактор обеспечен как ядерным топливом, так и тяжелой водой. Для этого в 2006 г. в Араке запущен завод по производству тяжелой воды мощностью 16 т этого материала в год. По заявлению иранской стороны, на нем уже получено 90 т тяжелой воды. Этого достаточно для ввода в эксплуатацию рассматриваемого реактора. В отличие от тя-

---

³¹ Перегрузочная машина – это дистанционно управляемый механизм, используемый в ядерных реакторах для перегрузки (загрузки-выгрузки) тепловыделяющих сборок.

³² Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran // Report of the IAEA Director General. 28.08.2013. P. 9.

желоводного реактора завод по производству тяжелой воды под гарантиями МАГАТЭ не находится.

К февралю 2009 г. в Исфахане завершена установка технологической линии по производству соответствующих таблеток из природного урана и сборке из них топливных стержней для реактора IR-40. К 17 августа 2013 г. на эту установку поступило 9,6 т диоксида урана (UO_2) природной степени обогащения для изготовления ядерного топлива (всего было произведено 15,3 т такого материала). Это позволило изготовить десять тепловыделяющих сборок для указанного реактора.

В то же время Иран до сих пор не обладает производственными мощностями для регенерации облученного (отработанного) ядерного топлива и выделения плутония в промышленных масштабах.

В феврале 2010 г. Тегеран проинформировал о том, что он обладает лазерной технологией по обогащению урана, а в июле того же года – о начале работ в области термоядерного синтеза. Для финансирования этих исследований был создан специальный фонд. Такие исследования проводятся на базе Института по изучению ядерного синтеза. Предполагается, что к 2020 г. будет введен в эксплуатацию соответствующий ядерный объект³³. Опасность работ в этой области очевидна ввиду возможности создания в некоторой перспективе термоядерной бомбы.

На большинство упомянутого оборудования распространяются гарантии МАГАТЭ, поэтому Ирану как члену ДНЯО в 1990-е годы удалось привлечь к сотрудничеству целый ряд государств. Помимо Китая и Бельгии с ним работали в этой области Аргентина, Великобритания, Германия, Индия, Северная Корея, Пакистан, Россия и другие. С помощью этих государств ИРИ накапливала научную информацию и готовила собственные кадры. Иранские физики обучались в Аргентине, Китае, Пакистане, Северной Корее и России. Так, по некоторым данным, в конце 1980-х годов 39 сотрудников ОАЭИ выезжали на стажировку в Пакистан, а 15 специалистов из Исфа-

---

³³ Муртазаев Р. Тегеран запустил термоядерный проект [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Известия.Ру». М., 26.07.2010. <http://www.izvestia.ru/world/article3144163/>.

ханского центра в период 1988–1992 гг. совершенствовали свою квалификацию в Китае³⁴.

Россия внесла свой вклад в подготовку тех иранских специалистов, которые начинают эксплуатацию АЭС в Бушере. В 1999 г. 38 таких специалистов-ядерщиков прошли стажировку в Нововоронежском учебно-тренировочном центре³⁵. Помимо этого, иранские специалисты стажировались на Калининской и Балаковской АЭС.

Взяв курс на укрепление интеллектуального потенциала, Тегеран провел большую работу по добровольному возвращению на родину эмигрантов, работавших в научно-исследовательских организациях за границей. Другим путем использования квалификации зарубежных иранцев стало их приобщение к сотрудничеству с ИРИ в местах их проживания.

Беспокойство у международного сообщества вызывают и планы ИРИ по строительству новых ядерных объектов. Среди них:

- исследовательский ядерный реактор в районе Зарган, расположенному в 670 км от Тегерана, с целью производства радиоизотопов для медицинской и сельскохозяйственной промышленности. В настоящее время для этих целей используется вышеупомянутый Тегеранский исследовательский реактор. Необходимость его замены на новый ядерный реактор является очевидной, но иранцы не умеют строить легководные реакторы. В этих условиях ИРИ если и будет строить, то тяжеловодный исследовательский реактор, который может выступать в роли наработчика оружейного плутония;

- атомная электростанция в составе трех легководных энергетических реакторов по 360 МВт в Дарховине (провинция Хузестан).

Несмотря на неоднократные заявления иранской стороны, пока сомнительна сама возможность самостоятельного строительства такой АЭС. Более реальна попытка совместного строительства, например, с Китаем, двух легководных реакторов

---

³⁴ Наумкин В.В., Евстафьев Г.М., Новиков В.Е. Ближний и Средний Восток // Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 470.

³⁵ В Нововоронеже приступили к стажировке иранские специалисты-ядерщики // РИА Новости. М., 18.05.1999.

при условии передачи иранской стороне соответствующих технологий. Только тогда иранские специалисты имеют шанс построить третий реактор самостоятельно.

Таким образом, к настоящему времени в ИРИ создана ядерная инфраструктура, которая при определенных условиях может быть использована для разработки ядерного оружия. Рассмотрим далее некоторые особенности этого процесса.

1.3. Перспективы создания в ИРИ ядерного оружия

Созданная в ИРИ ядерная инфраструктура уже достаточна для того, чтобы в течение одного года дообогатить накопленные запасы НОУ до оружейного уровня, изготовить ядерно-взрывные устройства и провести ядерные испытания. Но для этого нужно, как минимум, разорвать отношения с МАГАТЭ, на что Тегеран в ближне- и даже среднесрочной перспективе идти явно не собирается. Затем потребуется время для создания и отработки ядерного боеприпаса. Однако и это не позволит Ирану нанести по США гипотетический ядерный удар ввиду, как будет показано в следующей главе, отсутствия носителей межконтинентального класса.

Указанные временные рамки совпадают с оценками израильского эксперта Симы Шайн, ранее руководившей профильным научно-исследовательским отделом службы внешней разведки МОССАД и являвшейся заместителем руководителя Совета национальной безопасности Израиля (сейчас она возглавляет так называемый «иранский отдел» в Министерстве стратегического планирования). По мнению Симы Шайн, Ирану потребуется в целом год – полтора, чтобы завершить процесс создания атомной бомбы³⁶, если он решит сделать это в настоящее время.

Следует заметить, что в сентябре 2012 г. премьер-министр Биньямин Нетанияху в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН предупредил, что Израиль не позволит Ирану произвести достаточно для создания одной атомной бомбы

---

³⁶ В реальности после принятия соответствующего политического решения Ирану потребуется сделать сразу несколько ядерных боезарядов, чтобы обеспечить минимальный уровень ядерного сдерживания.

количество урана, обогащенного до 20%, то есть наработать 240 кг такого ядерного материала³⁷. В апреле 2013 г. бывший начальник военной разведки Израиля (АМАН) Амос Ядлин предположил, что к лету нынешнего года ИРИ пересечет указанную «красную черту», что может потребовать нанесения по иранским ядерным объектам ракетно-бомбового удара³⁸. Но Армия обороны Израиля сможет лишь приостановить иранскую ядерную программу на несколько лет. После этого, в случае невмешательства США, приобретение ИРИ ядерного статуса станет неизбежным, а Израиль окажется в серьезной политической изоляции со стороны как мусульманских, так и западных государств.

По-видимому, в Тегеране учли израильскую позицию и не стали испытывать на себе прочность военных связей между США и Израилем. Как следствие, Иран приостановил процесс дообогащения до 20% на уровне 186 кг в виде гексафторида урана³⁹.

Помимо этого, в условиях действующих со стороны МАГАТЭ инспекций накопить значимое количество расщепляющих материалов просто невозможно⁴⁰. Следовательно, отсчет времени надо вести с момента прекращения взаимоотношений между Агентством и Тегераном (первый признак принятия политического решения о создании ядерного оружия). Но пока Иран сохраняет свои отношения с МАГАТЭ и позволяет проводить на своей территории инспекционную деятельность, говорить о каких-либо конкретных сроках получения им ядерного оружия просто несерьезно.

Конечно, ядерное оружие можно создать и на основе высокообогащенного урана со степенью обогащения около 80%, а

---

³⁷ По оценке Международного института стратегических исследований в Лондоне, для создания одного ядерного боезаряда достаточно 172 кг гексафторида урана, обогащенного до 20% по урану-235.

³⁸ Сима Шайн: Ирану до атомной бомбы 12–18 месяцев [Электронный ресурс] // 9 канал. Тель-Авив, 23 июня 2013.

<http://9tv.co.il/news/2013/06/23/153086.html>.

³⁹ Примерно такое же количество UF₆ находится в форме U₃O₈.

⁴⁰ Обычно «значимое количество» расщепляющегося материала определяется как 8 кг оружейного плутония или 25 кг высокообогащенного урана (более 90% по урану-235).

для обогащения использовать не только накопленные запасы НОУ и поставленное РФ для Бушерской АЭС ядерное топливо, но и собственное ядерное топливо со степенью обогащения 20%, предназначенное для работы Тегеранского исследовательского реактора. Однако в случае использования ядерного топлива (в виде U_3O_8) обязательно потребуется его конверсия в газообразную форму – гексафторид урана (UF_6), что необходимо для центрифужного способа обогащения. И при этом после дообогащения будет накоплен расщепляющийся материал всего на один дополнительный ядерный боезаряд.

По западным данным, для преобразования всего накопленного в ИРИ U_3O_8 20% обогащения обратно в UF_6 нужно несколько недель⁴¹. Упоминавшийся израильский военный эксперт Амос Ядлин считает, что при наихудших для ИРИ вариантах развития событий обратная конверсия может быть выполнена менее чем за неделю⁴². Если же Иран изготовит из U_3O_8 тепловыделяющие сборки и станет облучать их на Тегеранском исследовательском реакторе, то обогащенный до 20% уран действительно будет непригодным для дальнейшего обогащения.

Кроме того, обогащенный до 20% U_3O_8 находится под гарантиями МАГАТЭ. Любые преобразования его в другую форму будут выявлены. И эта информация окажется в Совете Безопасности ООН, где против Тегерана могут предпринять чрезвычайно жесткие меры.

Обозначенный выше минимальный срок, необходимый для проведения ядерного испытания, близок ко времени создания атомной бомбы начального уровня, так как ядерный боеприпас на основе оружейного урана имеет относительно простую конструкцию. В то же время его доставка к цели с помощью ракеты представляет сложную техническую задачу ввиду наличия жестких массово-геометрических ограничений на конструкцию головной части (боеголовки). Именно поэтому для изготовления ядерных боеголовок обычно используют оружейный плутоний, появление собственных запасов которого пока маловероятно. Кроме этого, следует учитывать, что изготовление ядерного

⁴¹ Hibbs M. Reconverting Iran's U_3O_8 to UF_6 . // Arms Control Wonk. 27.04.2013. <http://hibbs.armscontrolwonk.com/archive/1748/reconverting-irans-u3o8-to-uf6>.

⁴² Ibid.

боезаряда на основе плутония (имплозивного типа) настолько сложно, что эту проблему долго не мог решить Пхеньян, даже накопив достаточное количество этого ядерного материала⁴³.

С такой точкой зрения согласен известный иранист Владимир Сажин, который выражает сомнение в способности Ирана произвести ядерное оружие, учитывая сложность этой задачи и глубину проблем в иранском промышленном секторе⁴⁴. На Западе ему возражают, что для создания ядерного оружия не требуется самая передовая наука (такие технологии были созданы почти 70 назад, а ноу-хау, как полагается, можно свободно найти в Интернете). При этом считается, что если Пакистан и Северная Корея смогли освоить эту технологию, то это окажется вполне по силам Ирану, уровень промышленного развития которого не ниже, чем в указанных государствах. Одновременно заявляется, что Иран получил информацию о конструкции ядерного боеприпаса сначала по «сети» Абдула Кадир Хана, а затем практическую помощь от бывших советских физиков-ядерщиков. Среди последних выделяют украинца Вячеслава Даниленко⁴⁵.

По-видимому, вышеупомянутая информация требует дальнейшей проверки. Однако на Западе абсолютно уверены в ее достоверности, а также в том, что Тегеран уже принял решение о создании ядерного оружия. Так, по мнению Марка Фитцпатрика из Международного института стратегических исследований в Лондоне, уже сейчас можно говорить о наличии у ИРИ ядерного потенциала, поскольку она обладает обогащенным ураном в количествах, достаточных для производства нескольких единиц ядерного оружия при условии дальнейшего обогащения

---

⁴³ Так, мощность взрыва первого северокорейского ядерного устройства, испытанного в октябре 2006 г., составила всего 400–500 т в тротиловом эквиваленте. По сути, это свидетельствовало только о разбросе делящегося материала, поэтому данное ядерное испытание нельзя назвать успешным. Только в мае 2009 г. Пхеньяну удалось решить эту задачу в ходе второго ядерного испытания.

⁴⁴ Сажин В.И. К вопросу о решении иранской ядерной проблемы: уроки 2012 г. Вестник Московского Университета, октябрь 2012, № 4. Серия 25. С. 70–96.

⁴⁵ Warrick J. Russian scientist Vyacheslav Danilenko's aid to Iran offers peek a nuclear program // Washington Post, 13.11.2011.

НОУ, а также оборудованием и материалами для дополнительного обогащения урана. С его точки зрения, Иран также изучил все технологии, необходимые для производства ядерного оружия из делящихся (расщепляющихся) материалов⁴⁶.

Некоторые западные эксперты считают, что созданная ядерная инфраструктура позволяет Ирану за несколько недель произвести достаточное для изготовления одного ядерного боеприпаса количество урана с обогащением порядка 90%. По другим данным, для этого нужно два – два с половиной месяца⁴⁷. Однако на практике государству, впервые решающему подобную задачу, понадобится существенно больше времени. В любом случае Тегерану дополнительно потребуется несколько месяцев для завершения работ по конструированию ядерного взрывного устройства и подготовки полигона к проведению ядерного испытания. При этом следует учитывать, что в настоящее время факт проведения даже подземного ядерного испытания скрыть практически невозможно. Это подтвердили трети ядерные испытания Северной Кореи, которые состоялись 12 февраля 2013 г. Так, на 21-й день после их проведения станции Казахстана и Японии, входящие в Международную систему мониторинга, созданную в соответствии с Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, зафиксировали повышение концентрации радона.

Марк Фитцпатрик также отмечает, что при оценке рассматриваемых сроков необходимо учитывать процесс изготовления оружия. Теоретически, перевести гексафторид урана оружейного качества в металлическую форму и произвести из него необходимую отливку можно очень быстро. В 1945 г. США

---

⁴⁶ Фитцпатрик М. Рост ядерного оружейного потенциала Ирана // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, Монтере, 2013. М.: Национальный институт корпоративной реформы, 2013. С. 64.

⁴⁷ Witt W., Walrond C., Albright D., Wood H. Iran's Evolving Breakout Potential. ISIS Report. London, 08.10.2012; Jones G. Iran's Rapid Expansion of its Enrichment Facilities Continues as the U.S. Concedes That Iran Is Getting «Closer and Closer» to Having Nuclear Weapons. Non-Proliferation Education Policy Center. Arlington (USA), 19.03.2013.

<http://npolicy.org/article.php?aid=1206&rid=4>.

смогли изготовить ядерное оружие в течение нескольких дней после получения делящегося материала. И если даже Иран ранее экспериментировал с имитационными материалами, у него нет ученых-ядерщиков и инженеров такого уровня и в таком количестве, что были задействованы США для работы над Манхэттенским проектом⁴⁸.

Как следствие, в Вашингтоне полагают, что Ирану потребуется не менее года для того, чтобы обрести способность создать ядерное взрывное устройство, если будет принято соответствующее политическое решение⁴⁹. Это совпадает с вышеупомянутыми израильскими оценками.

Финский эксперт, а ранее заместитель генерального директора МАГАТЭ Олли Хейнонен отмечает, что в настоящее время Иран обогащает уран до 20% по изотопу урана-235. Природный уран имеет степень обогащения всего 0,7%. Обычная схема для обогащения урана заключается в повышении концентрации урана-235 от 0,7 до 3,5%, а затем с 3,5 до 20%. Для получения оружейного урана, как правило, используется следующая схема: обогащение вначале от 20 до 60%, а затем – с 60 до 90%. Однако, по его мнению, значительное количество иранских центрифуг позволяет обогащать уран непосредственно с 20 до 90% с помощью «тандем каскадов», где второй каскад производит «хвосты» или отходы и вновь вводит материал в первый каскад, что делает процесс обогащения более эффективным⁵⁰.

---

⁴⁸ Фитцпатрик М. Рост ядерного оружейного потенциала Ирана // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, Монреаль, 2013. М.: Национальный институт корпоративной реформы, 2013. С. 67.

⁴⁹ Hearing: Preventing a Nuclear Iran. House Committee on Foreign Affairs // Washington D.C. 15.05.2013.

<http://foreignaffairs.house.gov/hearing/hearing-preventing-nuclear-iran>.

⁵⁰ Heinonen O., Henderson S. Nuclear Talks with Iran: Diplomacy and Diminishing Time. Policywatch 2146. Washington Institute for Near East Policy // Washington D.C. 23.09.2013.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/nuclear-talks-with-iran-diplomacy-and-diminishing-time>.

При использовании «тандем каскадов» сразу в четырех блоках⁵¹ предприятия по обогащению урана в Натанзе Иран может дообогатить 45 кг гексафторида урана до уровня 90% в течение двух недель. Преобразование UF_6 в металлический уран потребует месяц или два и уменьшит его вес до 30 кг, а этого достаточно для изготовления ядерного взрывного устройства. Если иранские специалисты будут делать это даже на известных ядерных объектах, то потребуется время на выявление этого процесса (1–2 недели, учитывая нынешнюю частоту инспекций) и дополнительное время подтверждения и представления соответствующего отчета в Совет Безопасности ООН. В совокупности, как считает финский эксперт, если Тегеран будет использовать для производства оружейного урана материал со степенью обогащения 20% и ограничится одним ядерно-взрывным устройством, то в идеальных для ИРИ условиях международное сообщество может не успеть на это отреагировать. Именно поэтому наличие ядерного материала с 20% обогащением по урану-235 вызывает столь сильное беспокойство.

На самом деле, конечно, никто не будет ограничиваться одним ядерно-взрывным устройством. Поэтому приведенная ситуация далека от реальной. Но и не принимать подобного в расчет тоже нельзя, особенно учитывая, что на предприятии по обогащению урана в Фордо даже при использовании газовых центрифуг Р-1 «тандем каскадами» можно дообогатить за месяц 20 кг гексафторида урана с 20 до 90% (оружейного качества).

Помимо сказанного, Тегерану понадобится еще один год, если не больше, на создание ядерной головной части, которую можно будет установить на жидкостную баллистическую ракету типа «Гадр-1» или твердотопливную типа «Саджиль-2».

Приведенные расчеты справедливы только при ряде допущений. Во-первых, предполагается, что Иран грубо нарушит требования Договора о нераспространении ядерного оружия, а также религиозный запрет Верховного лидера на производство ядерного оружия. Конечно, фетва не является неизменной, а ее появление в 2003–2004 годах было обусловлено попытками

---

⁵¹ Сейчас на предприятии по обогащению урана в Натанзе газовые центрифуги расположены в блоках из восемнадцати каскадов. Каждый блок включает примерно 3 тыс. центрифуг. На указанном предприятии в Натанзе в ближайшие месяцы планируется иметь шесть таких блоков.

Тегерана выйти из ядерного кризиса. Это авторитетное мнение было сделано в устной форме и сформулировано так, что трудно понять, что именно является «харам» (запретным). Вероятно, этим объясняется то, почему некоторые действия Ирана в ядерной области несовместимы с запретом на, скажем, «разработку», в отличие от «обладания» ядерным оружием. Кроме того, фетва может быть отменена при изменении обстоятельств: например, если будет сочтено, что страна сталкивается со смертельной опасностью. Но учитывая религиозную идентичность Ирана, указанный запрет нельзя сбрасывать со счетов как несущественный.⁵²

Помимо этого, иранское руководство утверждает, что серьезной угрозой человечеству является не только ядерное оружие, но и все виды оружия массового уничтожения. И это не является случайным, так как во время ирано-иракской войны страна неоднократно подвергалась нападению с использованием химического оружия.

Во-вторых, при указанных расчетах не учитывалось реальное состояние созданной в ИРИ ядерной инфраструктуры и качество исходного ядерного материала, а также те технические проблемы, которые неизбежно возникают при внедрении новых производственных процессов. При этом нужно понимать, что при выходе на новые уровни обогащения урана технологическое оборудование никогда не работает так, как задумано.

В-третьих, если Иран примет решение на наработку оружейного урана, то вряд ли будет это делать на ядерном объекте, находящемся под гарантиями МАГАТЭ. Причина этого состоит в том, что координаты такого объекта хорошо известны военно-воздушным силам (ВВС) противника. Более разумно для производства оружейного урана было бы использовать секретные предприятия, мощности которых заранее неизвестны.

Даже на Западе понимают, что стремление Ирана к созданию ядерного оружия можно сдержать⁵³. Но этот процесс, по их

⁵² Mousavian S.H. Globalising Iran's Fatwa against Nuclear Weapons // ISIS. Survival. London, 2013. Vol. 55, No. 2. P. 147–162; Ansari A. Iran: A Nuclear ‘Fatwa’? // Chatham House Expert Comment. London, 28.09.2012. <http://www.chathamhouse.org/media/comment/view/186019>.

⁵³ Fitzpatrick M. The Iranian Nuclear Crisis: Avoiding Worst-case Outcomes. IISS. London, 2008. P. 126.

мнению, будет эффективен только до тех пор, пока Тегеран верит, что решение пересечь «красную линию» будет обязательно выявлено и повлечет за собой упреждающий удар со стороны США (возможно, совместно с Израилем). Президент Обама готов на это, когда заявляет, что обладание ядерным оружием со стороны ИРИ является недопустимым. Однако что делать, когда Тегеран вплотную подойдет к указанной черте, полагая, что он находится в безопасности?

Если Иран в своей ядерной программе продвинется настолько далеко, что установить вовремя факт внезапного выхода из режима ядерного нераспространения будет невозможно, то граница между потенциалом и производством станет практически невидимой. Именно это, по сути, и является той «красной чертой», после которой Вашингтон может принять решение на силовое разрешение иранского ядерного кризиса. Как считает Марк Фитцпатрик, до последнего времени иранская ядерная программа развивалась по такой траектории, которая могла вывести Тегеран в эту точку к середине 2014 г. Чтобы избежать силового сценария, он предлагает повысить частоту инспекций со стороны МАГАТЭ и видео мониторинга в реальном режиме времени ключевых иранских ядерных объектов. Однако, по мнению аналитика, было бы лучше ограничить объем запасов ядерного материала и соответствующие производственные мощности⁵⁴.

Таким образом, иранская ядерная программа и при шахе Пехлеви, и при нынешнем руководстве страны могла (может) иметь военную составляющую. Это, а также принципиальная возможность создания ИРИ ядерного оружия не может не вызывать беспокойства у международного сообщества. При этом особое внимание сейчас уделяется наиболее продвинутой урановой программе, в ходе реализации которой накоплено существенное количество гексафторида урана, обогащенного до 20%. В случае принятия соответствующего политического

---

⁵⁴ Фитцпатрик М. Рост ядерного оружейного потенциала Ирана // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, Монтере, 2013. М.: Национальный институт корпоративной реформы, 2013. С. 74.

решения Тегеран может в течение года дообогатить этот материал до оружейного качества и выйти на ядерное испытание. В этом случае возникнут чрезвычайно серьезные проблемы как регионального, так и глобального масштаба. Во-первых, Израиль неизбежно нанесет ракетно-бомбовый удар по иранским ядерным объектам. Если он получит военную поддержку со стороны США, то это будет означать начало региональной войны с непредсказуемыми последствиями. Во-вторых, существенно ослабнет режим глобального ядерного нераспространения, что может привести к возникновению новых ядерных государств в местах высокой региональной нестабильности. Несомненно, что такое развитие событий является крайне нежелательным для международного сообщества, что подталкивает его к поиску возможного компромисса с целью урегулирования иранского ядерного кризиса.

Вместе с тем ядерное оружие недостаточно только произвести. Его нужно еще доставить до вероятного противника. Именно этому посвящена вторая глава настоящей монографии.

Глава 2.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

2.1. Ракетная программа в целом

В настоящее время ИРИ не является ядерным государством в полном смысле этого слова. Тем не менее в некоторой перспективе никто не может исключать того, что высшее руководство примет решение о создании ядерного оружия. В этом случае закономерно возникнет вопрос о возможных средствах его доставки. Несомненно, что среди них наибольшее значение будут иметь баллистические ракеты, способные надежно доставить ядерный боезаряд к выбранной цели.

Следует заметить, что ракетная программа ИРИ базируется на прочном фундаменте ирано-северокорейского сотрудничества. Именно Пхеньян, достигнув значительных успехов в этой области, не только продавал Тегерану ракеты, но и оказывал ему помочь в реализации собственной ракетной программы. Иран же, подготовив за 20 лет квалифицированный персонал и создав хорошую технологическую базу, проявил способность самостоятельно разрабатывать баллистические ракеты на основе северокорейского и другого зарубежного опыта.

Современная военная промышленность Ирана включает практически все отрасли производства вооружения и военной техники: авиационную, артиллерийско-стрелковую, бронетанковую, боеприпасную, радиоэлектронную и кораблестроительную. Но на первое место в ИРИ поставлено ракетостроение, которому уделяется большее внимание по сравнению с разработкой и производством обычных вооружений.

Исходя из общей ситуации в иранских научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах, при реализации национальной ракетной программы Тегеран отдает приоритет копированию, модернизации, а порой и подгонке под иранские нужды северокорейской, пакистанской, китайской, российской и американской продукции. По мнению известного российского востоковеда Владимира Сажина, «первоисточники» Иран по-

лучает как путем легальных закупок, так и с помощью инструментариев мирового «черного» рынка и разведки⁵⁵.

Следует заметить, что ИРИ уже располагает семью основными центрами по разработке и производству ракетной техники (Исфахан, Семнан, Шираз, Султанатабад, Лавизан, Кух-Барджамали и Шахруд). Кроме того, имеется еще ряд более мелких предприятий, специализирующихся в той же области. Руководство данной деятельностью осуществляется Организацией аэрокосмической промышленности, в которую входят предприятия, выпускающие противотанковое вооружение, средства противовоздушной обороны (ПВО), ракетное оружие военно-морских сил, тактические и оперативно-тактические ракеты, космические системы, средства телеметрии и радиолокации. По зарубежным данным, в ракетной промышленности ИРИ действуют два крупных сборочных завода, полигон для испытания ракет и комплекс по контролю и обработке поступающей в ходе летных испытаний телеметрической информации⁵⁶.

Важным моментом, свидетельствующим об особой роли Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в системе военной промышленности и вооруженных сил Ирана, является тот факт, что ракетные войска долгое время входили в состав КСИР. Однако сейчас их статус еще более повысили. Теперь ракетные войска подчиняются непосредственно верховному главнокомандующему, то есть духовному лидеру Исламской Республики Иран.

2.2. Закупка и производство ракет малой дальности

Среди всех направлений развития иранской ракетной отрасли особого внимания заслуживает закупка, разработка и производство ракет малой дальности, то есть тактических и оперативно-тактических ракет⁵⁷.

---

⁵⁵ Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М.: Институт Ближнего Востока, 2009. С. 53.

⁵⁶ Ibid. С. 54–55.

⁵⁷ Тактические ракеты способны доставлять боезаряд на расстояние до 100 км. При большей дальности (вплоть до 1 тыс. км) в России ракеты принято относить к оперативно-тактическим.

Иран разработал большое количество неуправляемых твердотопливных **тактических ракет** мобильного базирования с дальностью стрельбы до 90 км, сравнимых по своим характеристикам с советским тактическим ракетным комплексом «Луна-М», принятым на вооружение в 1964 г. Ввиду невысокой точности основное предназначение этих ракет состояло в нанесении ударов по крупным городам, расположенным вблизи линии фронта⁵⁸. Многие из них уже сняты с вооружения.

Иранские тактические ракеты не могут быть использованы в качестве носителей ядерного оружия, так как согласно экспертным оценкам, масса ядерного боезаряда на основе оружейного урана, пригодного для размещения на ракетном носителе, составляет 415–868 кг, а его диаметр – 600–650 мм⁵⁹.

Оперативно-тактические ракеты на территории ИРИ появились в конце 1980-х годов. Тогда Тегеран закупил от 170 до 200 китайских ракет CSS-8 (ДФ-7 или М-7) с 200-килограммовой головной частью и дальностью стрельбы до 150 км⁶⁰. Это экспортный вариант ракеты, созданной на базе зенитной управляемой ракеты HQ-2 (китайский аналог советского зенитно-ракетного комплекса С-75). Ее первая ступень является жидкостной, а вторая – твердотопливной. Ракета CSS-8 имеет инерциальную систему управления, устойчивую к внешним воздействиям, и боевую часть весом 190 кг. Иранская версия ракеты CSS-8 получила название Tondar.

В 1990-е годы ИРИ при помощи китайских специалистов создала собственную твердотопливную оперативно-тактическую ракету Zelzal-2 (другое название – Mershad). Это ракета мобильного базирования имеет диаметр 610 мм, боевую часть весом 600 кг и дальность стрельбы до 200 км. На одной ПУ размещается только одна ракета этого типа. По американским данным, модернизированная версия ракеты Zelzal-2 принята

⁵⁸ Неконвенциальное и ракетное оружие Ирана [Электронный ресурс] // Информационный сайт War Online. 18 февраля 2002.

http://www.waronline.org/mideast/iran_wmd.htm.

⁵⁹ Силовое решение иранской ядерной проблемы: сценарии и последствия / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы. М., 2008. С. 4.

⁶⁰ The Military Balance 2007. London. The International Institute for Strategic Studies. 2007. P. 224.

на вооружение в 2004 г., а ее дальность полета увеличена до 300 км⁶¹.

К разработке твердотопливной ракеты Fateh-110 иранцы приступили в 1997 г., ее первые успешные летно-конструкторские испытания состоялись в мае 2001 г. Модернизированная версия этой ракеты получила название Fateh-110A. Она имеет следующие характеристики: диаметр – 610 мм, вес головной части – 500 кг. В отличие от других иранских ракет малой дальности Fateh-110A обладает аэродинамическим качеством и оснащена системой наведения (по американским данным, достаточно грубой).

Вполне возможно, что Иран закупил несколько десятков китайских оперативно-тактических ракет мобильного базирования CSS-7 (ДФ-11 или М-11). Это твердотопливная ракета с дальностью стрельбы 280–290 км, которая может снаряжаться обычной или кассетной боевой частью весом 800 кг. Пекин отвергает поставку ракет этого типа в ИРИ.

Однако главным направлением иранского ракетостроения в сфере ракет малой дальности являлись НИОКР по программе «Шехаб».

Созданная в Советском Союзе жидкостная баллистическая ракета Р-17 (по классификации НАТО – SCUD-B) и ее модернизированные аналоги (прежде всего северокорейские) послужили базой для технологических разработок в области строительства иранских баллистических ракет. Первоначально Иран закупал ракеты этого типа за границей: частично – в Ливии и Сирии⁶², но главным образом – в Северной Корее⁶³. Такие ракетные комплексы были развернуты в частях ВВС КСИР ИРИ.

В марте 1985 г. Иран провел первые боевые пуски ракет Р-17 по иракским целям. Наиболее интенсивно обстрел ракетами этого типа велся в 52-дневный период марта–апреля 1988 г., названный впоследствии «войной городов». Тогда Иран запустил 77 ракет Р-17, из которых 61 упала на Багдад, девять –

---

⁶¹ Hildreth S. Iran's Ballistic Missile Programs: An Overview. Congressional Research Service. 04.02.2009. P. 4.

⁶² Первые четыре пусковые установки и 54 ракеты Р-17 были поставлены Ливией и Сирией в 1985–1986 гг.

⁶³ В июне 1987 г. Северная Корея согласилась поставить в ИРИ 100 ракет Р-17 за 500 млн. долл.

на Мосул, пять – на Киркук, одна – на Тикрит, а одна улетела в Кувейт. В тот период иранскими военнослужащими запускалось до пяти ракет в день.

К этому времени в ИРИ уже состоялся первый испытательный пуск ракеты «Шехаб-1». При этом была подтверждена дальность полета 320 км при полезном грузе 985 кг. Серийное производство ракет этого типа началось во второй половине 1980-х годов при помощи северокорейских специалистов и продолжалось до 1991 г. Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты от точки прицеливания составляет 500–1000 м.

В начале 1990-х годов Тегеран приступил к закупкам более совершенных ракет Р-17М (по классификации НАТО – SCUD-C) с 700-килограммовой головной частью и дальностью стрельбы до 500 км. В частности, увеличение дальности полета достигалось за счет удлинения на 13–14% баков топлива и окислителя.

Практически одновременно с «Шехаб-1» иранские конструкторы начали разрабатывать ее модификацию – «Шехаб-2». Для этого в течение 1991–1994 гг. Тегеран закупил в Северной Корее от 250 до 370 ракет Р-17М, а позднее – и значительную часть технологического оборудования. Все это позволило ИРИ в 1997 г. развернуть собственное производство ракет этого типа. На протяжении 2004–2006 гг. иранцы использовали такие ракеты в ходе военных учений. Ввиду увеличения дальности полета и применения несовершенной системы управления точность стрельбы ракет «Шехаб-2» оказалась низкой: их КВО составило 1,5 км.

Ракетные программы «Шехаб-1» и «Шехаб-2» были полностью свернуты в 2007 г. Тем не менее Иран сейчас хранит в своих арсеналах до 300 ракет «Шехаб-1» и «Шехаб-2».

Иранские оперативно-тактические ракеты, за исключением китайской CSS-8 и ее иранского аналога, потенциально могут быть использованы в качестве носителей ядерного оружия. Точность стрельбы таких ракет относительно невелика, что затрудняет их применение против любых подвижных целей, но не исключает этого при массированном использовании, например, против танкеров в Персидском заливе. Однако более реально в случае принятия такого политического решения их боевое применение по протяженным наземным военным, в том числе американским, и гражданским объектам в Афганистане, Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ, Омане и Саудовской Аравии, что создает определенную уг-

розу, в первую очередь, расквартированным в регионе американским войскам.

Дальнейшим развитием иранской ракетной программы стало производство баллистических ракет средней дальности.

2.3. Создание ракет средней дальности

Новым этапом в развитии иранского ракетостроения стала реализация ракетной программы «Шехаб-3». Это позволило на основе широкого применения конструкторских решений северокорейских ракет типа «Нодон» создать жидкостную одноступенчатую баллистическую ракету с дальностью стрельбы до 1 тыс. км. К ее испытаниям Иран приступил в 1998 г. параллельно с разработкой ракеты «Шехаб-4». Первый успешный запуск «Шехаб-3», на которой был установлен новый северокорейский двигатель, состоялся в июле 2000 г. Ее серийное производство началось в конце 2003 г. при активной помощи со стороны китайских компаний.

К августу 2004 г. иранские специалисты смогли уменьшить размер головной части ракеты «Шехаб-3», модернизировать ее двигательную установку и увеличить запас топлива (для этого, например, отсек с аппаратурой наведения был помещен внутрь приборного отсека). Такая ракета, обозначаемая как «Шехаб-3М», имеет головную часть в виде бутылочного горлышка, что позволило предположить размещение там кассетных боеприпасов. Считается, что этот вариант ракеты имеет дальность полета 1,1 тыс. км при весе головной части в 1 т.

В сентябре 2007 г. на военном параде в ИРИ была показана новая баллистическая ракета «Гадр-1», дальность стрельбы которой с 750-килограммовой головной частью составляет 1,6 тыс. км. Она является модернизацией ракеты «Шехаб-3М»⁶⁴.

В настоящее время ИРИ имеет не более 32 ПУ одноступенчатых жидкостных ракет «Шехаб-3» и «Гадр-1» в составе бригады, размещенной в центральной части страны. Точность стрельбы этих ракет достаточно низка: КВО составляет 2,0–2,5 км.

---

⁶⁴ Shapir Y. Iran's Ballistic Missiles Strategic Assessment. Tel Aviv. The Institute for National Security Studies. 2009. Aug. Vol. 12. No. 2. P. 31.

Пока ИРИ используют для своих баллистических ракет только подвижные носители. Однако вблизи Тебриза и Хорремабада построены шахтные пусковые установки. Потребность в этом могла возникнуть ввиду ограниченности количества подвижных пусковых установок.

Тегеран планировал разработку баллистических ракет «Шехаб-5» и «Шехаб-6» с дальностью стрельбы 3 тыс. км и 5–6 тыс. км соответственно (программа создания ракет «Шехаб-4» с дальностью 2,2–3 тыс. км была прекращена или приостановлена в октябре 2003 г. по политическим причинам). Однако, по мнению российских и американских специалистов, возможности развития ракет в этом направлении в значительной степени исчерпаны⁶⁵. Это, конечно, не исключает создания иранцами многоступенчатых жидкостных ракет, но более вероятно, что основные ресурсы концентрируются на совершенствовании твердотопливных ракет. При этом научный задел, полученный при разработке жидкостных ракет, находит свое применение в космической сфере.

Следует заметить, что Китай оказал существенную помощь ИРИ при разработке твердотопливных ракет, но основную работу сделали иранские специалисты, которые в течение двух десятилетий осваивали технологии производства ракет этого типа. В частности, ими были созданы уже снятые с вооружения твердотопливные ракеты малой дальности Oghab (Eagle) и Nazeat, а также ракеты Fajer-5, Zelzal-2 и Fateh-110A. Все это позволило иранскому руководству в 2000 г. поставить вопрос о разработке баллистической ракеты с дальностью стрельбы 2 тыс. км, использующей твердое топливо. Такую ракету удалось создать к маю 2009 г., когда Тегеран заявил об успешном запуске двухступенчатой твердотопливной ракеты «Саджиль-2»⁶⁶.

---

⁶⁵ Iran's Nuclear and Missile Potential. A Joint Threat Assessment by U.S. and Russian Technical Experts. Washington D.C. – EastWest Institute. 2009. P. 8–9.

⁶⁶ По израильским данным, первый запуск ракеты «Саджиль» состоялся в ноябре 2007 г. Тогда иранская ракета была представлена как Ashura. Второй запуск ракеты этого типа состоялся 18 ноября 2008 г. При этом было заявлено, что ее дальность полета составила почти 2 тыс. км. Однако успешным было только третье летное испытание ракеты «Саджиль», которое состоялось 20 мая 2009 г.

Максимальная дальность стрельбы этой ракеты при весе головной части в 1 т составляет 2,2 тыс. км. При уменьшении веса головной части до 500 кг, что исключает использование ядерного боезаряда, дальность стрельбы может быть увеличена до 3 тыс. км. Ракета имеет диаметр 1,25 м, длину 18 м и взлетный вес 21,5 т, что позволяет использовать мобильный способ базирования.

Следует заметить, что твердотопливная ракета «Саджиль-2» не требует заправки перед стартом. Помимо этого, у нее короче активный участок полета, что затрудняет процесс перехвата на этом самом уязвимом участке траектории. И хотя ракета «Саджиль-2» не испытывалась с февраля 2011 г., ее принятие на вооружение в ближайшей перспективе возможно. Подтверждением этого служит факт создания в 100 км к северо-востоку от Тегерана нового стартового комплекса «Шахруд». По западным данным, на этом комплексе нет хранилища для жидкого ракетного топлива, поэтому он, скорее всего, будет использован для летной отработки баллистических ракет по программе «Саджиль-2».

Несомненно, что программы ИРИ по совершенствованию баллистических ракет средней дальности получат дальнейшее развитие. После принятия на вооружение твердотопливной ракеты «Саджиль-2» через четыре-пять лет возможно создание новой трехступенчатой баллистической ракеты, использующей твердое топливо. По имеющимся оценкам, дальность ее полета при головной части весом в 1 т составит от 2,7 до 3,5 тыс. км⁶⁷. Этого явно недостаточно, чтобы создать потенциальную угрозу для всей Европы, особенно учитывая вероятное размещение перспективных ракет в центре ИРИ (расстояние между иранским городом Йезд и расположенной в центре Европы Прагой составляет 3853 км).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что в конце августа 2011 г. министр обороны ИРИ Ахмад Вахиди сообщил о способности его страны производить углепластиковые композиционные материалы. По его мнению, это «устранит узкое место в иранском производстве современных военных средств». И он был прав, так как углепластиковые композиты играют важную роль в создании, например, современных твер-

---

⁶⁷ Iran's Ballistic Missile Capabilities. A Net Assessment. London: The International Institute for Strategic Studies, 2010. P. 110.

дотопливных ракетных двигателей. Это, несомненно, будет способствовать развитию ракетной программы «Саджиль».

По имевшимся данным, уже в 2005–2006 гг. некоторые коммерческие структуры из стран Персидского залива и зарегистрированные на иранцев осуществляли нелегальный ввоз металлокерамических композитов из Китая и Индии. Такие материалы используются, например, при создании реактивных двигателей в качестве жаропрочных материалов и конструктивных элементов тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов.

Указанные технологии имеют двойное назначение, поэтому их распространение регулируется режимом контроля за ракетными технологиями. Они не могли попасть в Иран законным путем, что говорит о недостаточной эффективности систем экспортного контроля. Овладение такими технологиями будет способствовать созданию в ИРИ современных баллистических ракет.

Есть еще одна сфера применения композиционных материалов в ракетно-космической технике, на которую не всегда обращают внимание. Это производство теплозащитного покрытия, которое крайне необходимо для создания боеголовок межконтинентальных баллистических ракет (МБР). В случае отсутствия такого покрытия при движении боеголовки в плотных слоях атмосферы на нисходящем участке траектории произойдет перегрев ее внутренних систем вплоть до нарушения работоспособности. Как следствие, боеголовка выйдет из строя, не достигнув цели. Сам факт проведения исследований в этой сфере говорит о том, что иранские специалисты могут вести работы по созданию МБР.

Таким образом, благодаря тесному сотрудничеству с Северной Кореей и Китаем Ирану удалось добиться существенных успехов в развитии национальной ракетной программы. Тем не менее, учитывая массу ядерного боезаряда на основе оружейного урана, пригодного для размещения на ракетном носителе, можно сделать вывод, что в настоящее время возможности по его доставке с помощью иранских жидкостных ракет ограничиваются дальностью 1,3–1,6 тыс. км.

Согласно подготовленному в 2009 г. совместному докладу российских и американских ученых «Иранский ядерный и ракетный потенциал»⁶⁸, для увеличения дальности доставки

---

⁶⁸ Iran's Nuclear and Missile Potential. A Joint Threat Assessment by U.S. and Russian Technical Experts. Washington D.C. EastWest Institute. 2009. P. 9.

до 2 тыс. км полезного груза весом в 1 т с помощью жидкостной ракеты Ирану требовалось не менее шести лет. Однако такой вывод, во-первых, предполагал сохранение в арсенале ИРИ только одноступенчатых ракет. Во-вторых, ограничение веса полезной нагрузки в 1 т было несколько избыточным, что позволяло увеличить дальность стрельбы ракет за счет уменьшения веса выводимого груза. В-третьих, не учитывалось возможное ирано-северокорейское сотрудничество в сфере ракетостроения.

Опубликованный 10 мая 2010 г. доклад Международного института стратегических исследований в Лондоне «Возможности иранских баллистических ракет: совместная оценка» уточнил ранее приведенные данные. Согласно этому докладу, ИРИ вряд ли удастся создать жидкостную ракету, способную поражать цели в Западной Европе, раньше 2014–2015 гг. А на разработку трехступенчатой версии твердотопливной ракеты «Саджиль», которая сможет доставить головную часть весом в 1 т на расстояние 3,7 тыс. км, уйдет не менее четырех-пяти лет (предполагалось до 2015 г.). Дальнейшее увеличение дальности стрельбы ракеты «Саджиль» (до 5 тыс. км) требовало еще пяти лет (до 2020 г.). Авторы доклада считали маловероятным создание иранскими специалистами межконтинентальной баллистической ракеты ввиду необходимости первоочередной модернизации ракет средней дальности⁶⁹. Последние до сих пор обладают низкой точностью, что делает возможным их боевое применение только против таких площадных целей, как города противника.

Несомненно, что последние годы подтвердили высокую компетентность иранских специалистов в конструировании многоступенчатых ракет. Следовательно, в некоторой перспективе они способны создать баллистические ракеты межконтинентального класса (дальность полета не менее 5,5 тыс. км). Но для этого ИРИ придется разработать современные системы наведения, обеспечить тепловую защиту головной части при ее спуске в плотных слоях атмосферы, получить ряд необходимых в ракетостроении материалов, создать морские средства сбора телеметрической информации и провести достаточное

---

⁶⁹ Iran's Ballistic Missile Capabilities. A Net Assessment. London: The International Institute for Strategic Studies, 2010. P. 110.

количество летных испытаний со стрельбой в некоторую акваторию Мирового океана (по географическим причинам Иран не может обеспечить дальность стрельбы ракет свыше 2 тыс. км по внутренней траектории). По мнению российских и американских ученых, без существенной внешней помощи на решение этих проблем иранским специалистам может понадобиться дополнительно до 10 лет.

Но даже преодолев все описанные препятствия, ИРИ получит легкоуязвимые и отчетливо видные из космоса МБР, которые после установки на стартовом столе потребуют значительного времени для подготовки к пуску (создание межконтинентальной твердотопливной пока представляется мало реальным). Такие ракеты не смогут обеспечить ИРИ ядерное сдерживание, а будут, наоборот, провоцировать к нанесению по ним превентивного удара. Следовательно, иранцам придется идти намного дальше в условиях мощнейшего давления со стороны всего международного сообщества.

Исходя из этого, скорее всего, в ИРИ решили сконцентрироваться на разработке твердотопливных ракет. Однако это создало значительные технические проблемы, в частности, по производству топливных зарядов большого диаметра, а также потребовало закупок ряда комплектующих и материалов за границей в условиях международных санкций на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и жесткого противодействия со стороны Израиля, США и ряда других западных государств. Помимо этого, завершению программы «Саджиль-2» препятствовал экономический кризис ИРИ. В результате осуществление указанной программы, возможно, было приостановлено, что требует существенной корректировки ранее сделанных прогнозов по развитию ракетного потенциала ИРИ.

2.4. Другие средства доставки ядерного оружия

Несомненно, что ИРИ может использовать и другие средства доставки ядерного оружия. В первую очередь, для этого могут подойти имеющиеся у ВВС воздушные средства, которые имеют необходимую грузоподъемность и дальность полета. Так, американский многоцелевой истребитель F-14A Tomcat имеет грузоподъемность 5,9 т, но боевой радиус 926 км. Этого явно недостаточно для достижения основного регионального

противника – Израиля, но может оказаться достаточным для доставки атомной бомбы на американские военные базы в Персидском заливе. Для этих же целей могут быть использованы физически и морально устаревшие американские многоцелевые истребители F-4 Phantom II и F-5E Tiger II. Однако технический уровень указанной авиационной техники крайне низок ввиду отказа Вашингтона поставлять к ним запасные части. Конечно, Иран широко использовал контрабандные пути их доставки, но это вряд ли решило имевшиеся проблемы. По-видимому, сохранившиеся в строю американские истребители не следует рассматривать в качестве возможных средств доставки Ираном ядерного оружия.

В 1990-е годы ИРИ была вынуждена переориентироваться на советскую (российскую) авиационную технику (Су-24, Су-25, МиГ-29). Этому способствовал перелет на территорию страны в начале 1991 г., в ходе войны в Персидском заливе, более 90 боевых самолетов ВВС Ирака советского производства. Помимо этого, в Иран поставлялись самолеты китайского производства J-7.

В настоящее время ВВС Ирана включают от 293 до 433 боевых самолетов, в том числе: 25–30 фронтовых бомбардировщиков Су-24; 30–35 истребителей МиГ-29; 13 штурмовиков Су-25; 25–65 истребителей F-14A Tomcat; 120–200 морально и технически устаревших истребителей F-4 Phantom II, F-5E Tiger II и J-7, а также около 90 советских Су-20/22, Су-25, МиГ-23 и французских «Мираж-F1». Вполне возможно, что из этого количества сохранили боеспособность не более 200 самолетов.

ВВС Ирана включают также около 100 транспортных самолетов, в том числе 10 Ил-76 и 5 «Боинг-747», и от 92 до 200 ударных вертолетов.

Значительная часть из указанной авиационной техники может быть использована для доставки ядерного оружия в виде атомных бомб, но только на близлежащие территории. Даже истребитель МиГ-29 имеет практическую дальность всего 1430 км при боевой нагрузке 2180 кг (это может оказаться явно недостаточным для доставки примитивной атомной бомбы). По видимому, в случае крайней необходимости для этих целей придется использовать транспортные самолеты Ил-76 и «Боинг-747», но вероятность преодоления ими системы ПВО Израиля ничтожно мала.

По некоторым данным, в 2000–2001 гг. украинская фирма «Прогресс» (дочернее предприятие «Укрспецэкспорта») поста-

вила в Иран несколько советских крылатых ракет воздушного базирования типа Х-55 с дальностью полета до 2,5 тыс. км⁷⁰. Однако их боевая часть составляет 410 кг, что требует овладения продвинутыми технологиями по изготовлению ядерного боезаряда, скорее всего на основе оружейного плутония. Ввиду значительного срока их эксплуатации указанные ракеты уже вряд ли могут быть использованы в боевых целях, а возможность их копирования иранскими специалистами представляется крайне сомнительной. Нет для них и штатного авиационного носителя в виде стратегических бомбардировщиков Ту-95 или Ту-160.

В качестве перспективных средств доставки ядерного оружия можно рассматривать крылатые ракеты воздушного (морского) базирования и беспилотные летательные аппараты. Но их боевое применение в ядерном оснащении вряд ли возможно в обозримой перспективе.

Таким образом, для ИРИ наиболее реальным средством доставки ядерного оружия (если оно будет создано) являются баллистические ракеты средней дальности «Гадр-1», а в ближайшей перспективе «Саджиль-2». Только они позволят гарантированно доставить до, например, Израиля ядерный боезаряд. Но для этого нужно еще создать необходимую головную часть. Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что ИРИ пока технически не готова к развертыванию ракетно-ядерного потенциала, даже в случае создания ядерного оружия. Несомненно, что это будет подталкивать Тегеран к поиску путей урегулирования иранского ядерного кризиса.

---

⁷⁰ Украина пытается замять скандал вокруг продажи ракет Ирану? (Фото документов) [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Новый Регион». Киев, 27 ноября 2006.

<http://www.nr2.ru/kiev/93615.html/print/>.

Глава 3.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕГЕРАНА С МАГАТЭ

Начало возникновения иранского ядерного кризиса следует отнести к 2002 г. Именно тогда иранскому руководству, которому в течение долгого времени удавалось скрывать истинные масштабы своей ядерной программы, впервые были предъявлены серьезные обвинения по причине его незаконной деятельности в рамках ДНЯО как безъядерного государства. А иного и быть не могло, так как в отличие от опытно-конструкторских работ этап крупного производства в ядерной области скрыть в современных условиях практически невозможно. Вследствие этого в августе 2002 г. оппозиционная иранскому режиму исламистская группировка «Организация моджахедов иранского народа»⁷¹ публично предоставила доказательства наличия в Иране двух неизвестных ранее ядерных объектов: по производству тяжелой воды в Араке и обогащению урана в Натанзе.

Позднее американские космические средства подтвердили эту информацию. В результате Вашингтон обвинил Тегеран в том, что он занимается незаявленной в МАГАТЭ деятельностью. В декабре 2002 г. американское телевидение продемонстрировало спутниковые снимки этих секретных ядерных

---

⁷¹ Организация моджахедов иранского народа (ОМИН, другое название – Моджахедин-э Халк) является оппозиционной к руководству ИРИ. В начале 2000-х годов радикально настроенные члены этой организации при сотрудничестве с режимом Саддама Хусейна вели подрывную деятельность против Ирана. После войны и оккупации Ирака ОМИН быланейтрализована и разоружена, однако она до сих пор остается политически активной. Иракские власти в конце 2003 г. объявили о решении выдворить членов ОМИН из страны, их деятельность объявлена вне закона, и сформирован специальный трибунал по расследованию совершенных этой организацией преступлений. Американские власти активно используют наиболее информированных и энергичных членов ОМИН в шпионских целях.

объектов, после чего Иран был вынужден допустить к ним инспекторов Агентства. С этого времени иранский ядерный кризис постоянно находится в центре внимания международного сообщества. Причем нарушения, допущенные Тегераном, носят в основном технический характер, но совершенно по-разному трактуются конфликтующими сторонами. Так, к 2003 г. строительство выявленных в Иране объектов еще не было завершено, и на них отсутствовали ядерные материалы. Согласно действовавшему Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий (код 3.1), Тегеран не был обязан заблаговременно сообщать Агентству о такой деятельности. В то же время тайное сооружение объектов в Араке и Натанзе позволяло усомниться в исключительно мирной направленности иранской ядерной программы.

В 2003 г. ядерный кризис продолжал углубляться. МАГАТЭ начало расследование незадекларированной деятельности ИРИ. В феврале Тегеран был вынужден признать факт установки 100 газовых центрифуг Р-1 на опытном предприятии в Натанзе и проинформировал о своих планах увеличить их количество к концу года до 900.

6 мая руководитель ОАЭИ Голямреза Агазаде на заседании Совета управляющих МАГАТЭ представил три возможных сценария развития в стране атомной энергетики: низкий, средний и высокий. Согласно первому сценарию, мощность АЭС к 2020 г. должна была составить 4 ГВт, по второму – 7 ГВт, а третьему – 11 ГВт. В Тегеране планировали выйти на средний уровень развития атомной энергетики путем строительства 6 энергетических реакторов по 1 ГВт.⁷² В действительности оказалось сложно выйти даже на низкий уровень производства электроэнергии на АЭС.

В мае Франция предоставила Группе ядерных поставщиков (ГЯП) материалы, обвиняющие Иран в осуществлении военной ядерной программы. В августе появилась информация об обнаружении инспекторами МАГАТЭ следов высокообогащенного урана на предприятии в Натанзе. К осени международное сообщество окончательно убедилось в потенциальной возможности Ирана обогащать уран.

---

⁷² Задонский С.М. Программа Исламской Республики Иран по созданию ядерного топливного цикла и анализ ее экономической обоснованности. М.: Институт Ближнего Востока, 2006. С. 2.

К этому времени завершилось строительство опытного завода, на котором были установлены 164 газовые центрифуги Р-1, а еще 1 тыс. подготовлена к установке. На этом предприятии имелись подземные заводские помещения общей площадью 60 тыс. м², что позволяло установить около 50 тыс. центрифуг.

В сентябре 2003 г. Агентство фактически предъявило Ирану ультиматум: до конца октября Тегеран должен был подписать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и ответить на все вопросы о своей ядерной программе, иначе его досье будет передано на рассмотрение Совета Безопасности ООН, что могло привести к введению против Ирана политических и экономических санкций. Тегеран решил временно отступить, что было в значительной степени обусловлено военными успехами США в Ираке. Руководство страны осознавало реальную возможность применения против ИРИ силы, поэтому пошло навстречу международному сообществу. В то время у многих возникло ощущение, что иранскую ядерную проблему можно будет решить в ближайшем будущем.

Иранский ядерный кризис стал ослабевать, после того как 21 октября 2003 г. было достигнуто предварительное соглашение между Тегераном и «большой тройкой» ЕС. В рамках этого документа Иран пошел на широкое сотрудничество с Агентством, принял обязательство подписать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, выполнять его требования до завершения процесса ратификации, а также добровольно приостановить все работы по обогащению урана, регенерации ОЯТ и выделению плутония. В обмен на это ЕС предложил Ирану масштабное экономическое сотрудничество⁷³.

Выполняя ранее взятые на себя обязательства, в ноябре 2003 г. Тегеран разрешил инспекторам МАГАТЭ проводить проверки иранских ядерных объектов без предварительного уведомления. Спустя месяц Тегеран подписал Дополнительный протокол (1997 г.) и принял на себя добровольные обязательства по его выполнению до завершения процесса ратификации, а также согласился на применение измененного

---

⁷³ Iran: is there a way out of the nuclear impasse? International Crisis Group // Middle East Report, 23.02.2006. No 51. P. 1.

кода 3.1⁷⁴ к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. Одновременно с этим Иран продолжил переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС. Причем на период ведения переговоров он ввел временный мораторий на все работы в области обогащения урана и выделения плутония, а также прекратил монтаж новых газовых центрифуг в Натанзе, а сам объект поставил под контроль МАГАТЭ.

Переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС шел крайне сложно и медленно. Прогресса удалось достичь только через год, когда в сентябре 2004 г. был поставлен под контроль МАГАТЭ завод по конверсии урана в г. Исфахане. А в ноябре того же года между Ираном и ЕС были подписаны так называемые Парижские соглашения о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. Со своей стороны, ЕС обещал возобновить переговоры по экономическому сотрудничеству, поддержать заявку Тегерана о вступлении в ВТО, рассмотреть возможность предоставления Ирану гарантий безопасности и содействовать приобретению им легководного исследовательского реактора для замены строящегося в Араке тяжеловодного реактора. В дальнейшем предполагалось согласовать новое широкомасштабное рамочное соглашение.

В соответствии с Парижскими соглашениями Тегеран добровольно ввел временный мораторий на все виды работ, связанных с обогащением урана (выделением плутония). Причем было зафиксировано, что мораторий – это шаг доброй воли со стороны Тегерана, следовательно, он может от него отказаться без всяких последствий для себя. В дальнейшем обе стороны неоднократно демонстрировали противоположное понимание ранее подписанного документа: Тегеран упирал на формулировки о временном характере моратория, а Брюссель заявлял, что это только первый шаг к полному отказу от обогащения урана (выделения плутония)⁷⁵. По-видимому, изменение перво-

⁷⁴ Измененный код 3.1 требует информировать МАГАТЭ о принятии решения относительно строительства ядерных объектов немедленно, а не за 180 дней до поступления на них ядерных материалов. Необходимость в этом является очевидной, так как строительство тайных ядерных объектов продолжается, как правило, несколько лет.

⁷⁵ Сафранчук И. Иранский ядерный кризис: политические аспекты // Экспорт вооружений. М., 2005. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 5.

начальной позиции ЕС было обусловлено давлением со стороны Вашингтона. К сожалению, было невозможно реализовать Парижские соглашения без активного участия в этом процессе США.

По мнению известного российского эксперта Антона Хлопкова, администрация Буша-младшего больше ориентировалась на использование давления, изоляцию и санкции в отношении ИРИ с целью добиться уступок в вопросе обогащения урана. Она не была готова к поиску возможного компромисса, что стало дополнительным препятствием для выхода из ядерного кризиса. Первоначальной задачей американцев стало наказание Тегерана за осуществление незадекларированной перед МАГАТЭ деятельности⁷⁶, а не создание благоприятных условий для ее расследования.

В феврале–марте 2005 г. и США, и Россия старались найти компромиссные варианты решения иранской ядерной проблемы. В тот период США допускали возможность поддержать заявку Ирана на вступление в ВТО и частично снять ограничения с американо-иранской торговли, в том числе на поставку запасных частей для самолетов гражданской авиации, если Тегеран пойдет на определенные уступки. Такой шаг Вашингтона, без сомнения, означал его нежелание усугублять раскол между США и их европейскими партнерами в отношении Ирана⁷⁷. Этот политический шаг также можно объяснить стремлением американских политико-формирующих кругов «переиграть» Россию, которая взяла курс на продолжение сотрудничества с Ираном в ядерной области и одновременно сняла последнюю озабоченность международного сообщества в направленности такого сотрудничества, подписав в конце февраля 2005 г. ряд документов, регламентирующих возврат ОЯТ с энергоблока Бушерской АЭС в Россию. Также не следует забывать и о позиции «либеральных интернационалистов», выступавших против усиления конфронтации США с Ираном и оказывавших определенное влияние на администрацию Буша-младшего.

⁷⁶ Хлопков А. Иранская проблема // Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 94.

⁷⁷ Блинов А. США сулят Ирану «морковку» // Независимая газета. М., 01.03.2005.

По данным МАГАТЭ, в 2004–2005 гг. работы по монтажу новых газовых центрифуг и обогащению урана на опытном предприятии в Натанзе были приостановлены. После разрешения иранской стороны Агентство установило мониторы и опечатало соответствующее оборудование. Однако, как утверждают в Тегеране, Германия, Франция и Великобритания, вопреки своим обещаниям, поставили вопрос об иранской ядерной программе на заседании Совета управляющих МАГАТЭ. В качестве ответной меры в марте 2005 г. секретарь Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) ИРИ Хасан Роухани заявил, что если в течение трех месяцев переговоры с «большой тройкой» ЕС по вопросу о формуле «объективных гарантий»⁷⁸ не дадут результатов, то ИРИ намерена продолжить в Натанзе работы по обогащению урана до 3,2%.

На переговорах с «большой тройкой» ЕС Иран подтвердил, что готов соблюдать ДНЯО и Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, если Запад откажется от дискриминационной политики в отношении Тегерана. Пока же иранское руководство может предоставить «объективные» гарантии только в виде временной приостановки процесса обогащения урана. При этом Тегеран потребовал от европейцев «твердых» гарантий передачи ему мирных ядерных технологий⁷⁹.

По мнению Хасана Роухани, ядерная программа Ирана была направлена на защиту и сохранение научного потенциала страны. С другой стороны, она стала неотъемлемым элементом безопасности ИРИ. По сути, это некоторый компромисс между сохранением членства в ДНЯО и выходом из Договора. По-видимому, тогда Хасан Роухани считал возможным продолжение процесса обогащения урана, но под международным контролем.

Следует заметить, что в мае меджлис (парламент) ИРИ принял программу по строительству в течение следующих

⁷⁸ ЕС настаивал на том, чтобы Иран полностью отказался от обогащения урана, строительства тяжеловодного исследовательского реактора, производства тяжелой воды и генерации ОЯТ.

⁷⁹ Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: Российский институт стратегических исследований, 2007. С. 243.

20 лет атомных электростанций общей мощностью в 20 ГВт. При этом подчеркивалось, что долгосрочной целью страны является достижение самообеспечения в производстве ядерного топлива, так как США блокируют его импорт, чем нарушают законные права Ирана как государства – члена ДНЯО. На Западе это восприняли скептически ввиду отсутствия в ИРИ существенных запасов природного урана. Так, по данным Государственного департамента США, иранские запасы урана могли тогда обеспечить эксплуатацию только одного энергетического реактора мощностью 1 ГВт в течение 6–7 лет⁸⁰.

Таким образом, весной 2005 г. переговоры по иранской ядерной проблеме зашли в тупик ввиду принципиального несовпадения занимаемых позиций. Тем не менее до июньских президентских выборов в ИРИ каждая из сторон старалась не обострять ситуацию. В ЕС надеялись, что новым президентом станет Али Акбар Хашеми-Рафсанджани (президент Ирана в 1989–1997 гг.), который ради возвращения в большую политику пойдет на расширение сотрудничества с Западом. Именно поэтому ЕС защищал Иран от критики США, а МАГАТЭ подчеркивало, что в работе с Тегераном наблюдается прогресс. Однако дальнейшее развитие событий привело только к усугублению иранского ядерного кризиса ввиду прихода к власти в Тегеране неоконсерваторов во главе с президентом Ахмадинежадом. В этих условиях МАГАТЭ попыталось найти собственный выход из сложившейся ситуации.

Несомненно, что как член ДНЯО Иран имеет полное право проводить под контролем МАГАТЭ исследования в области мирного использования ядерной энергии, а также создавать ключевые элементы ядерного топливного цикла. Тегеран является твердым сторонником создания на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Тем не менее излишняя жесткость президента-неоконсерватора Ахмадинежада привела к тому, что в сентябре 2005 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, которая констатировала факт нарушения ИРИ своих обязательств по соглашению о гарантиях

⁸⁰ Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2007. С. 631.

от 15 мая 1974 г.⁸¹ Это создавало условия для передачи иранского ядерного досье на рассмотрение Совета Безопасности ООН.

С этого времени начался процесс все большего ухудшения отношений между Агентством и Тегераном. Так, в феврале 2006 г. Совет управляющих МАГАТЭ проинформировал Совет Безопасности ООН об иранской ядерной программе. Поводом для этого стало возобновление в ИРИ исследований в области производства ядерного топлива (обогащения урана). После этого президент Ахмадинежад приостановил соблюдение Ираном Дополнительного протокола (1997) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий.

В результате возникли «объективные трудности» как для инспекций МАГАТЭ, так и для доступа к иранским специалистам, ранее проводившим закупки для ядерной программы. На Западе это сочли «вызывающим подозрения». Однако, как отмечает известный российский эксперт в области ядерного нераспространения Владимир Новиков⁸², тогда уже «имели место попытки использовать подобные подозрения для проведения инспекций на объектах, не имеющих непосредственного отношения к ядерной программе Ирана, но чувствительных с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны». В частности, инспекторам МАГАТЭ удалось добиться допуска на 27 иранских военных объектов.

В феврале 2007 г. генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эль-Барадей был вынужден сообщить Совету управляющих Агентства, что Иран вопреки резолюциям 1696 и 1737 Совета Безопасности ООН продолжает обогащение урана и другие виды чувствительной деятельности, связанный с ядерным топливным циклом. На основании этого была частично или полностью прекращена реализация 22 из 55 проектов технического сотрудничества между Агентством и Тегераном. В качестве ответной меры в марте 2007 г. ИРИ перестала выполнять измененный код 3.1 к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий,

---

⁸¹ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council. Resolution adopted on 24 September 2005. Report of the IAEA Director General. 2005.

<http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2005/gov2005-77.pdf>.

⁸² Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 2007. С. 258.

хотя в соответствии со ст. 39 соглашения Тегеран не мог этого делать в одностороннем порядке⁸³. Более того, по имеющимся данным, строительство предприятия по обогащению урана в Фордо началось в 2006 г., то есть в период действия измененного кода 3.1. Это является серьезным нарушением Соглашения с МАГАТЭ о применении гарантий.

У инспекторов МАГАТЭ имеются также сомнения в иранском происхождении шестисот 50-литровых емкостей тяжелой воды, которые хранятся в Исфахане. Эти сомнения усилились после того, как им запретили взять соответствующие пробы для последующего анализа.

Тем не менее существуют и примеры плодотворного сотрудничества. Так, в августе 2007 г. представители Ирана и МАГАТЭ выработали Рабочий план по разрешению остающихся вопросов относительно соблюдения Ираном соглашения о гарантиях. Он был подготовлен в результате серии обсуждений, состоявшихся в Тегеране между Мохаммадом Эль-Барадеем и руководителем иранской делегации на переговорах Али Лариджани. Стороны договорились, что Агентство представит к 15 сентября того же года в письменной форме все вопросы, а Иран даст к определенному сроку «требуемые пояснения и информацию»⁸⁴.

План предполагал, что Ирану и Агентству удастся завершить обсуждение и закрыть шесть оставшихся на тот момент вопросов «ядерного досье». Первый из этих вопросов, имевший отношение к незаявленным экспериментам по выделению плутония, был закрыт уже в конце августа. Но оставались следующие вопросы, требовавшие разрешения:

- а) происхождение частиц обогащенного урана, обнаруженных во взятых натурных пробах в январе 2006 г.;
- б) полученная через сеть иностранных посредников информация о конструкции, структуре и оборудовании для центрифуг Р-1 и Р-2, а также масштабы и график проведенных в Иране НИОКР в этой области;

---

⁸³ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2007. May 23. P. 3.

⁸⁴ Squassoni S., Gerami N. Iran's Plan for Nuclear Compliance. Washington, D.C. Carnegie Endowment for International Peace. 06.09.2007. P. 3.

в) происхождение документа, обнаруженного в Иране инспекторами МАГАТЭ в 2005 г., описывающего процессы конверсии гексафторида урана в металлический уран и придания обогащенному и обедненному металлическому урану формы полушария;

г) цели проведенных экспериментов с изотопами полония-210;

д) особенности некоторых видов деятельности на урановой шахте в Гчине⁸⁵.

МАГАТЭ также согласилось предоставить Тегерану следующую документацию, полученную от США:

– описание осуществляемого в ИРИ проекта «Зеленая соль» по конверсии диоксида урана в тетрафторид урана, что может быть использовано для получения как исходного материала процесса обогащения урана с помощью газовых центрифуг (гексафторид урана), так и урана в металлической форме, свидетельствующее о проведении военно-прикладных работ в ядерной области;

– проведенные в Иране экспериментальные и теоретические исследования по взрывам большой мощности и боеголовкам баллистических ракет с разделяющимися головными частями.

Тегеран отверг основанные на американских данных обвинения как бездоказательные и политически мотивированные, но согласился их рассмотреть в качестве жеста доброй воли⁸⁶. В то же время он согласился обсудить с Агентством тип инспекционных механизмов, которые могут быть использованы на предприятии по обогащению урана в Натанзе, и возобновить инспекции МАГАТЭ на строящемся исследовательском тяжеловодном реакторе IR-40 в Араке, прекращенные в ответ на принятие Советом Безопасности ООН резолюции 1747.

Заявление о принятии Рабочего плана восприняли критично в США и многих европейских странах, так как стали его рас-

⁸⁵ Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009. С. 393.

⁸⁶ Communication dated 27 August 2007 from the Permanent Mission of the Islamic Republic of Iran to the Agency concerning the text of the Understandings of the Islamic Republic of Iran and the IAEA on the Modalities of Resolution of the Outstanding Issues. Vienna. IAEA. INF/CIRC/711.

сматривать как существенную уступку Тегерану. Под огонь критики попал лично Мохаммад Эль-Барадей, которого обвинили в превышении полномочий как генерального директора МАГАТЭ. В вину ему было поставлено то, что Рабочий план не содержал требований по немедленной остановке программы по обогащению урана и исполнению Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий⁸⁷. Очевидно, что на эти требования Тегеран бы не пошел. Принятие же совместного документа позволило значительно расширить сотрудничество Ирана с МАГАТЭ и закрыть большинство имевшихся тогда вопросов. С другой стороны, ИРИ получила дополнительное время на развитие своих ядерных программ, а закрытие вопросов не могло носить окончательного характера ввиду возможности получения по ним новой информации.

В январе 2008 г. генеральный директор МАГАТЭ Мохаммад Эль-Барадей совершил визит в Иран, где встретился с высшим руководством страны. Этот визит породил надежды, что переговоры с Тегераном станут более результивными. Накануне указанного визита председатель Комиссии по национальной безопасности и внешней политике меджлиса (парламента) ИРИ заявил о том, что при условии признания международным сообществом прав ИРИ в атомной энергетике меджлис готов ратифицировать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий⁸⁸.

К этому времени Тегеран считал полностью выполненным Рабочий план по разрешению остающихся вопросов относительно соблюдения Ираном соглашения о гарантиях. Причем не за 18 месяцев, как предусматривалось Рабочим планом, а за полгода. Но в МАГАТЭ не считали закрытым вопрос, связанный с конверсией гексафторида урана и механической обработкой обогащенного металлического урана в полусфере⁸⁹.

---

⁸⁷ Webb G. Iran–IAEA Nuclear Plan Receives Qualified Western Support. // Global Security Newswire, 12.09.2007.

⁸⁸ Мамедова Н. Иранская ядерная программа в 2008 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 15 марта 2009 г.
<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/15-03-09a.htm>.

⁸⁹ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2008. Feb. 22. P. 4–7.

Помимо этого, особое беспокойство у международного сообщества вызывали проведенные в ИРИ исследования по проекту «Зеленая соль», испытания бризантных взрывчатых веществ⁹⁰ и проектирование боевой части баллистической ракеты, способной преодолевать на нисходящем участке плотные слои атмосферы⁹¹. Все эти работы могли иметь прямое отношение к разработке иранскими специалистами ядерного оружия, поэтому против Ирана были введены новые санкции на основе резолюции 1803 СБ ООН.

Постепенно закрывая имевшиеся у МАГАТЭ вопросы по иранской ядерной программе, Тегеран рассчитывал на взаимные уступки со стороны международного сообщества. Вместо этого против ИРИ были введены новые международные санкции, что вызвало крайне негативную реакцию всех слоев иранского общества. Некоторые эксперты увидели в этом попытку ослабить роль Агентства. Так, представитель ИРИ в МАГАТЭ Али Солтание заявил, что «резолюция Совета Безопасности – это кинжал, поднесенный к сердцу Агентства».⁹²

После этого в Тегеране прошли новые переговоры с МАГАТЭ, в ходе которых Иран согласился на дополнительное изучение ряда имевшихся вопросов, основанных главным образом на американских разведывательных данных. При этом иранским представителям не разрешили сделать даже выписки из этих документов, хотя все они уже в конце мая были отражены в докладе генерального директора МАГАТЭ. Как и следовало ожидать, Тегеран отверг подлинность американских данных и, по сути, прекратил сотрудничество с Агентством в рамках ранее согласованного Рабочего плана.

---

⁹⁰ Бризантные взрывчатые вещества отличаются тем, что срабатывают только в результате детонации. Это свойство используется при разработке ядерных боеприпасов имплозивного типа.

⁹¹ Такая необходимость возникает только при разработке достаточно дорогих баллистических ракет межконтинентального класса, которые обычно оснащаются ядерными боеприпасами.

⁹² Тер-Оганов Н. Очередная резолюция Совета Безопасности ООН по иранской ядерной программе и реакция Ирана [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 10 марта 2010.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/10-03-08a.htm>.

Тем не менее иранские специалисты составили письменные заключения на имевшиеся у МАГАТЭ вопросы, что было отражено в сентябрьском (2008 г.) докладе генерального директора Агентства. В частности, Тегеран представил презентацию на 117 страницах по проекту «Зеленая соль», испытаниям бризантных взрывчатых веществ и проекту боевой части баллистической ракеты. Иран подтвердил достоверность некоторой части полученной от США информации, но заявил, что в целом она носит сфальсифицированный характер. Тегеран также выразил озабоченность в связи с тем, что разрешение некоторых имеющихся у МАГАТЭ вопросов потребует доступа Агентства к чувствительной информации, связанной с военной деятельностью, не имеющей отношения к ядерной сфере⁹³.

Сентябрьский (2008 г.) доклад генерального директора МАГАТЭ по иранской ядерной программе был более жестким, чем предыдущие. В нем отмечено, что Агентство так и не смогло убедиться в отсутствии у этой ядерной программы военной составляющей и ожидает от Ирана большей транспарентности. Помимо этого, Мохаммад Эль-Барадей обратился к государствам – членам МАГАТЭ, предоставившим информацию по иранской ядерной программе, с просьбой о разрешении на ознакомление с этой информацией иранской стороны.

В дальнейшем такие доклады в основном только фиксировали рост потенциала ИРИ в ядерной области, постоянно указывая Тегерану на необходимость выполнения соответствующих резолюций МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН, выполнения требований Дополнительного (1997 г.) протокола и измененного кода 3.1 к Соглашению с Агентством о применении гарантий.

1 декабря 2009 г. генеральным директором МАГАТЭ стал Юкия Амано, которого в ИРИ восприняли как проводника американских национальных интересов. С этого времени докладам генерального директора Агентства по иранской ядерной проблеме стало не хватать объективности в изложении информации. Как следствие, переговоры ИРИ с МАГАТЭ приобрели второстепенный характер по отношению к переговорам с «шестеркой»

---

⁹³ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2008. Sep. 15. P. 3–4.

международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса.

Тем не менее все доклады МАГАТЭ тщательно изучали в Совете Безопасности ООН, что часто становилось основанием для принятия решений о введении против ИРИ новых международных санкций. Особое внимание при этом уделялось вопросам, которые могли свидетельствовать о военной направленности иранской ядерной программы. Развитием этого направления стал ноябрьский (2011 г.) доклад генерального директора МАГАТЭ о состоянии иранской ядерной программы. В приложении к этому докладу приведена конфиденциальная информация об осуществлении в ИРИ военно-прикладных исследований в ядерной области⁹⁴. Там содержится 48 параграфов с подробной информацией, собранной Агентством у государств-членов, а также в ходе его собственного расследования деятельности, которую оно называет имеющей «возможное военное измерение». Она включает в себя, например, разработку специальных взрывателей и эксперименты с многоточечными взрывателями для детонации полусферической оболочки мощных взрывных устройств.

В то же время в указанном докладе в основном рассматривается ядерная деятельность ИРИ до 2003 г. Так, было отмечено, что в 2002–2003 гг. иранские специалисты реализовывали проект 111, который заключался в модернизации головной части ракеты «Шехаб-3» с целью размещения в ней боезаряда сферической формы. Эта информация не носила принципиально нового характера, но ее распространение в СМИ создало излишнюю напряженность и, по сути, заблокировало дальнейшие переговоры по урегулированию иранской ядерной проблемы.

Достоверность же более поздних фактов внушает некоторые сомнения. В частности, отмеченные факты основывались на ограниченном количестве источников информации, а описанная деятельность иранцев не имела явной военной направленности ввиду использования технологий двойного назначения.

---

⁹⁴ Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2011. Nov. 8. Annex. PP. 1–12.

Помимо этого, выявленные незадекларированные ядерные материалы не относились к оружейному классу. Их объем, по терминологии МАГАТЭ, нельзя было отнести к «значимому количеству»⁹⁵. Исходя из этого, по мнению большинства российских экспертов, отсутствовали серьезные основания для введения против Тегерана новых санкций со стороны Совета Безопасности ООН.

С другой стороны, было бы неправильно обвинять МАГАТЭ в предвзятости по отношению к Тегерану. Больше речь шла о глубоком взаимном недоверии, которое только усилилось после назначения генеральным директором Агентства Юкия Амано. Однако на Генеральной конференции МАГАТЭ в середине сентября 2013 г. было принято решение о продлении срока полномочий Амано на следующий четырехлетний срок⁹⁶. Поэтому новому иранскому руководству все равно придется выстраивать с ним отношения с целью урегулирования ядерного кризиса.

Следует заметить, что 23 мая 2012 г., то есть за два дня до начала переговоров «шестерки» в Багдаде, генеральный директор МАГАТЭ Юкия Амано посетил Тегеран. Он попытался договориться о проведении эффективных и беспрепятственных инспекций иранских ядерных объектов. В первую очередь его интересовал вопрос о допуске инспекторов Агентства на военный объект в Парчине, где, по западным данным, ранее состоялись испытания нейтронного детонатора – инициатора для ядерного взрыва. Юкия Амано не смог решить этот вопрос, что затруднило проведение последующих переговоров между Ираном и «шестеркой» международных посредников.

Конечно, посещение военного объекта в Парчине было бы законным, если бы Тегеран выполнял требования Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. В нынешних условиях, когда Протокол подписан, но неratифицирован парламентом страны, оснований для такого посещения нет (никакой ядерный объект в Парчине Ираном не задекларирован). Инспекция указанного объекта возможна только в качестве добровольного шага со стороны

⁹⁵ Для урана с обогащением свыше 20% значимое количество составляет 25 кг.

⁹⁶ Гончаров Н. Юкия Амано вновь назначен гендиректором МАГАТЭ // ИТАР-ТАСС. М., 16 сентября 2013.

Тегерана в рамках повышения мер взаимного доверия. Но для этого нужен явный прогресс на переговорах с «шестеркой» международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса.

Таким образом, в силу как объективных, так и субъективных причин сейчас между Ираном и МАГАТЭ отсутствует конструктивный диалог в отношении ядерной программы. Так, выступая 9 сентября 2013 г. на Генеральной конференции государств-членов МАГАТЭ, ее генеральный директор Юкия Амано заявил следующее: «Иран не обеспечивает необходимого сотрудничества, которое позволит нам обрести уверенность в отсутствии незаявленного ядерного материала и деятельности в этом направлении. С учетом характера и степени достоверности информации, имеющейся в распоряжении Агентства о возможных военных составляющих в ядерной программе Ирана, остается важным и актуальным для Ирана сотрудничать с нами по существу»⁹⁷.

В своем ответном слове руководитель Организации по атомной энергии, вице-президент ИРИ Али Акбар Салехи заметил: «В последние годы Республика Иран осуществляла полностью прозрачное сотрудничество с МАГАТЭ в выполнении гарантий по своим ядерным материалам и объектам». Он напомнил, что с 2003 г. представители Агентства провели 8 тыс. человеко-часов инспекций ядерных объектов Ирана. При этом они осуществили 100 необъявленных инспекций. По его мнению, «эти частые инспекции МАГАТЭ сделали Иран второй страной в мире по посещаемости миссиями МАГАТЭ после Японии». При этом, как утверждает иранская сторона, секретариат Агентства не обнаружил ничего, что бы свидетельствовало об использовании ядерных материалов для оружейных целей⁹⁸.

Такая ситуация жесткого противостояния может измениться, если Тегерану удастся вернуть свое «ядерное досье» на рассмотрение МАГАТЭ. На словах новое руководство ИРИ желает

⁹⁷ Heinonen O., Henderson S. Nuclear Talks with Iran: Diplomacy and Diminishing Time. Policywatch 2146. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. Sep. 23. <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/nuclear-talks-with-iran-diplomacy-and-diminishing-time>.

⁹⁸ МАГАТЭ не может подтвердить мирный характер ядерной программы Ирана // РИА «Новости». М., 16 сентября 2013.

этого и готово подписать с Агентством договор о структурированном подходе к определению характера проводимых ИРИ ядерных исследований. Только в этом случае на основе предложенного Россией подхода, декларирующего принципы поэтапности и взаимности, можно будет постепенно смягчать введенные против Тегерана международные санкции со стороны Совета Безопасности ООН.

Однако в действительности иранцы всячески пытаются избежать любого сотрудничества с МАГАТЭ, считая достаточным договориться только с США. По-видимому, такой подход является ошибочным, так как решения в СБ ООН принимаются на основе представленных Агентством докладов. Несомненно, что такое пренебрежение к законной деятельности авторитетной международной организации окажет крайне негативное влияние на саму возможность смягчения в отношении ИРИ международных санкций.

Глава 4.

ПЕРЕГОВОРЫ ИРАНА С «ШЕСТЕРКОЙ» МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОСРЕДНИКОВ В 2005–2013 гг.

4.1. Обострение иранского кризиса при президенте Ахмадинежаде

В июне 2005 г. президентом Исламской Республики Иран был избран неоконсерватор Махмуд Ахмадинежад. В отличие от своего предшественника Мохаммада Хатами, пытавшегося установить с Вашингтоном неформальный диалог, Ахмадинежад занял крайне жесткую антиамериканскую позицию: сразу после своего избрания он заявил о том, что не видит смысла в восстановлении каких-либо связей ИРИ с США⁹⁹.

Одновременно с этим иранское руководство попыталось укрепить свою международную безопасность. Для этого в июле 2005 г. Тегеран вступил в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя. Это способствовало сближению Тегерана с Москвой и Пекином, обеспечило ему некоторую политическую поддержку и позволило оказывать определенное влияние на страны Центральной Азии. Однако даже членство в ШОС не давало ему гарантий безопасности, а политической поддержки могло быть недостаточно в случае перерастания противостояния с Западом в вооруженную стадию.

Следует признать, что поначалу поиск компромисса между Ираном и Западом был возможен. Так, 18 июля 2005 г., за две недели до инаугурации нового иранского президента, секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Хасан Роухани заявил, что политика Тегерана в ядерной области останется неизменной. Иран будет стремиться к заключению рамочного соглашения с ЕС, гарантирует мирную направленность

---

⁹⁹ Новый президент Ирана не намерен мириться с США [Электронный ресурс] // Информационное агентство Rambler.RU. М., 26 июня 2005. <http://www.rambler.ru/db/news-new/msg.html?s=15&mid=6167625>.

своей ядерной программы, но настаивает на своих правах как государства – участника ДНЯО.

Немного ранее (в марте) Иран представил ЕС свой поэтапный план реализации национальной ядерной программы в области обогащения урана:

1-й этап – возобновление конверсии урана на предприятии в Исфахане, но сохранение моратория на обогащение урана;

2-й этап – производство, установка и тестирование 3 тыс. газовых центрифуг на предприятии в Натанзе, при этом гарантируется, что будет производиться только низкообогащенный уран, который полностью пойдет на производство топливных сборок для АЭС;

3-й этап – промышленное обогащение урана в Натанзе на основе использования тысяч центрифуг с присутствием в Исфахане и Натанзе инспекторов МАГАТЭ и представителей ЕС;

4-й этап – продолжение промышленного обогащения урана в Натанзе и ратификация Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий¹⁰⁰.

Тогда Тегеран был готов воздержаться на неопределенный срок от регенерации ОЯТ и выделения плутония, а также рассмотреть в будущем вопрос о прекращении строительства тяжеловодного ядерного реактора в Араке. Причем ни один из этапов иранского предложения не был ограничен временными рамками. Вводя вышеупомянутые ограничения на реализацию собственной ядерной программы и обязуясь не проводить военно-прикладных исследований в этой области, Тегеран призывал ЕС предоставить ему преимущества в сфере безопасности и торговли, в том числе в области ядерных технологий. ЕС отрицательно отнесся к этим предложениям ввиду неопределенности по вопросу дальнейшего использования получаемых ядерных материалов.

В июле 2005 г., все еще возглавляя переговорный процесс по ядерной проблеме с иранской стороны, Хасан Роухани постарался получить согласие «большой тройки» ЕС на реализацию первого этапа ранее сделанных Тегераном предложений (конверсия урана в Исфахане) под контролем МАГАТЭ. Не получив из Брюсселя ответа на эти предложения и видя, что ев-

---

¹⁰⁰ Iran: is there a way out of the nuclear impasse? International Crisis Group // Middle East Report. 2006. No 51. Feb. 23. P. 90.

ропейские инициативы вели только к долговременным ограничениям в развитии национальной ядерной программы, 1 августа 2005 г. иранское руководство приостановило переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС и проинформировало о своей позиции МАГАТЭ. По мнению иранской стороны, отказ ЕС от рассмотрения мартовских (2005 г.) предложений нарушал Парижские соглашения, поэтому уже 8 августа ИРИ начала конверсию урана на предприятии в Исфахане.

Вслед за этим ЕС вновь подтвердил право Ирана на развитие мирной ядерной программы, но потребовал ограничиться созданием и эксплуатацией легководных энергетических и исследовательских реакторов. В этом случае Ирану было обещано широкое сотрудничество с ЕС в области экономики, политики и безопасности. Такое заявление иранская сторона сочла для себя оскорбительным и пошла на дальнейшее обострение ядерного кризиса.

В первую очередь президент Ахмадинежад инициировал замену команды переговорщиков с Западом. Вместо искусного Хасана Роухани руководителем переговорщиков стал Али Лариджани, который считал любые уступки по вопросу освоения ядерных технологий «равноценными величайшему предательству». В октябре 2007 г. его сменил также сторонник жесткого курса Саид Джалили.

17 сентября 2005 г. в Нью-Йорке после саммита в связи с шестидесятилетием ООН президент Ахмадинежад вначале обвинил Запад в проведении «ядерного апартеида», а затем заявил, что Иран готов, дабы снять всякие подозрения, работать над программой по обогащению урана совместно с другими странами¹⁰¹. Ранее, в ходе двухсторонней встречи с премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом он сообщил следующее: «Исламская Республика Иран никогда не стремилась к обладанию оружием массового уничтожения. При этом, принимая во внимание потребности исламских государств, мы готовы передать ядерные ноу-хау этим странам»¹⁰². На Западе это было воспринято как угроза ядерного распространения.

---

¹⁰¹ Вавилонское столпотворение // Новое время. М., 25.09.2005.

¹⁰² Румянцев Ф. Зеленый атом [Электронный ресурс] // Информационный сайт Gazeta.Ru. 15.09.2005.

http://www.gazeta.ru/2005/09/15/oa_170907.shtml.

Все вышеперечисленное не могло не осться без внимания со стороны международного сообщества. 24 сентября того же года иранскую ядерную программу обсудили на заседании Совета управляющих МАГАТЭ и большинством голосов приняли решение, допускающее передачу иранского досье в Совет Безопасности ООН. Такое решение полностью устраивало американскую администрацию, так как, по ее мнению, после прихода к власти в ИРИ президента Ахмадинежада решение иранской ядерной проблемы в рамках МАГАТЭ стало невозможным. Вопрос должен был быть окончательно решен через месяц, но 6 ноября послам Великобритании, Германии и Франции в Тегеране было вручено письмо секретаря ВСНБ ИРИ Али Лариджани с призывом возобновить переговоры по иранской ядерной программе. А 9 ноября состоялась встреча министров иностранных дел Великобритании, Германии, России и Франции, после которой министр Джек Стро (Великобритания) сообщил, что европейская тройка выступила против передачи иранского ядерного досье в Совет Безопасности ООН.

С ноября 2005 г. Россия стала принимать все более активное участие в решении иранской ядерной проблемы. В частности, Москва предложила обогащать уран для Тегерана на своей территории. Это было поддержано Западом, так как, с одной стороны, исключалась возможность передачи ИРИ технологий обогащения урана, а с другой, – был предложен реальный выход из тупиковой ситуации. Позднее иранскую сторону пригласили участвовать в работе Международного центра по обогащению урана в Ангарске Иркутской области. Однако такие предложения не устраивали иранское руководство, которое хотело иметь все звенья ядерного топливного цикла на собственной территории и, по-видимому, обладать потенциальной возможностью создания ядерного оружия. Начался безрезультатный переговорный процесс.

Следует заметить, что ряд неядерных государств – членов ДНЯО (Япония, Германия, Аргентина, Бразилия) имеют предприятия по обогащению урана, регенерации ОЯТ и выделению плутония, но не испытывают международного давления. Причина этого кроется не столько в ядерных технологиях, сколько в отсутствии к ИРИ международного доверия, особенно со стороны западных государств.

В 2006 г. эскалация ядерного кризиса продолжилась, что определялось как доминированием «ястrebов» в администрации

Буша-младшего, так и излишней жесткостью нового иранского руководства. В январе ИРИ возобновила исследования в области производства ядерного топлива (обогащения урана). На основе этого 4 февраля Совет управляющих МАГАТЭ решил проинформировать Совет Безопасности ООН об иранской ядерной программе, отложив окончательное решение до 6 марта. После этого президент Ахмадинежад приостановил соблюдение Ираном Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что сделало невозможным выявление незаявленной (нарушающей требования ДНЯО) деятельности с его стороны. Тегеран предостерег, что в случае введения против него санкций он выйдет из ДНЯО и полностью прекратит свои взаимоотношения с МАГАТЭ.¹⁰³

29 марта 2006 г. председатель СБ ООН сделал заявление, призывающее ИРИ возобновить мораторий на обогащение и переработку урана¹⁰⁴. Несмотря на это, иранское руководство продолжило курс на конфронтацию с международным сообществом. Так, в середине апреля руководитель Организации по атомной энергии Ирана Голямреза Агазаде сообщил, что на предприятии по обогащению урана в Натанзе был успешно запущен каскад из 164 газовых центрифуг типа Р-1 и получен низкообогащенный уран (3,5–4,8% по изотопу урана-235). Иран объявил о своих планах запустить там же до 21 марта 2007 г. 3 тыс. газовых центрифуг. Очевидно, что такой уровень обогащения был недостаточен для получения ядерных материалов оружейного качества (он должен составлять не менее 90%). Однако технологические процессы получения высоко- и низкообогащенного урана принципиально не различаются, а степень обогащения урана во многом определяется энергозатратами и временем получения материала нужного качества. Следовательно, даже процесс получения НОУ всегда несет потенциальную опасность для ядерного распространения. Кроме этого, руководство ИРИ

---

¹⁰³ Такой элемент давления на международное сообщество Тегеран неоднократно использовал и в дальнейшем. Однако в действительности Иран оставался безядерным государством-членом ДНЯО и продолжал сотрудничать с МАГАТЭ.

¹⁰⁴ В отличие от резолюции данное заявление не носило обязательного характера для государств-членов ООН.

заявило о том, что страна вступила в «клуб ядерных держав» и создала полный ЯТЦ¹⁰⁵.

Ведущие государства сдержанно отреагировали на сделанные иранским руководством заявления, так как отсутствовали документально подтверждающие это факты со стороны МАГАТЭ. Помимо этого, все понимали, что для вступления в «клуб ядерных держав» нужно провести испытание собственного ядерного взрывного устройства. Именно так и поступили в 1998 г. Индия и Пакистан, став де-факто ядерными государствами. А для создания ЯТЦ необходимо иметь развитую плутониевую программу, которая в Иране еще далека от своего завершения. Промышленное же обогащение урана подразумевало не эксперимент на 164 газовых центрифугах, а постоянное использование тысяч таких устройств.

Нежелание Тегерана выполнять заявление председателя СБ ООН привело к длительным дискуссиям в рамках этой организации. В начале мая 2006 г. Франция, Великобритания и США предложили проект резолюции на основе главы VII Устава ООН, требующей от ИРИ остановить любую деятельность по обогащению урана. По требованию России и Китая проект резолюции был изменен. Из него изъяли сроки выполнения Тегераном международных требований, а также пункт о мерах воздействия в случае их невыполнения.

С целью выхода из складывавшегося тупика Вашингтон пошел на изменение своей стратегии в отношении Тегерана. В конце мая государственный секретарь Кондолиза Райс заявила, что США совместно с «большой тройкой» ЕС проведут с Ираном прямые переговоры, если Тегеран «немедленно» заморозит всю деятельность по обогащению урана и радиохимической переработке ОЯТ, а также возобновит сотрудничество

---

¹⁰⁵ Ядерный топливный цикл – это цикл операций от добычи урановой руды до захоронения радиоактивных отходов. В иранском понимании полный ЯТЦ включает добычу урановой руды и производство уранового концентратата, конверсию, обогащение, реконверсию и получение диоксида урана, производство топливных таблеток, а также производство топливных сборок. Однако этого недостаточно для создания ЯТЦ, так как во время работы реакторов накапливаются радиоактивные отходы. Их можно перерабатывать для повторного использования (замкнутый ЯТЦ) или сразу осуществлять процесс захоронения (открытый ЯТЦ).

с МАГАТЭ в рамках Дополнительного протокола (1997 г.). Учитывая отсутствие консенсуса по этому вопросу среди постоянных членов СБ ООН, иранские власти отказались прекратить программу по обогащению урана в качестве предварительного условия для прямых переговоров с участием США¹⁰⁶.

С июня 2006 г. переговоры с ИРИ стали вестись от имени так называемой «шестерки» (пяти постоянных членов СБ ООН и Германии). Изменение формата переговоров стало возможным после существенного сближения позиций наиболее влиятельных внешнеполитических игроков по иранской ядерной проблеме. И оно имело положительный эффект, так как позволило полнее учитывать различные интересы и облегчало поиск возможных компромиссов.

«Шестерка» международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы объявила о новом пакете предложений для ИРИ¹⁰⁷, но потребовала от Тегерана еще до начала переговоров прояснить все остающиеся у МАГАТЭ вопросы по прошлой деятельности и вернуться к соблюдению Дополнительного протокола (1997 г.), а также на период переговоров прекратить все работы, связанные с обогащением урана и возможной наработкой плутония. Одновременно генеральный директор МАГАТЭ Мохаммад Эль-Барадей подготовил очередной доклад для Совета управляющих Агентства, где было отмечено, что Иран наращивает свой потенциал по обогащению урана, несмотря на сделанное в марте заявление председателя СБ ООН.

Первоначально предложение «шестерки» не устанавливало конкретных сроков для иранского ответа. Но уже 12 июля, обеспокоенные тем, что Тегеран сознательно затягивает время, международные посредники заявили следующее: «Иран не

---

¹⁰⁶ Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2007: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2008. С. 524.

¹⁰⁷ В частности, Ирану было предложено: создать многостороннюю корпорацию по поставкам в страну легководного энергетического реактора, предоставить право собственности на часть российского предприятия по обогащению урана и разместить на территории ИРИ пятилетние «буферные» запасы низко обогащенного урана под контролем МАГАТЭ.

сумел предпринять шаги, необходимые для начала переговоров, в особенности не прекратил любую деятельность, связанную с обогащением и радиохимической переработкой¹⁰⁸. В результате они оказались вынужденными вновь вернуться к обсуждению этого вопроса в Совете Безопасности ООН.

Несмотря на это, иранское руководство продолжило реализацию ядерной программы. Личная встреча Махмуда Ахмадинежада с Владимиром Путиным на юбилейном саммите ШОС (2006 г.), по-видимому, убедила в том, что Москва и Пекин не допустят введения против ИРИ каких-либо санкций. Однако уже в 2006 г. по вопросу иранской ядерной программы были приняты резолюции 1696 и 1737 Совета Безопасности ООН, последняя из которых ввела в отношении ИРИ международные санкции. Третья, также санкционная резолюция 1747 СБ ООН была введена 24 марта 2007 г.

В апреле 2007 г. Верховный комиссар ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана встретился с секретарем ВСНБ ИРИ Али Лариджани с целью обсуждения перспектив возобновления переговоров по ядерному вопросу. Этой встрече предшествовало решение Совета ЕС о введении дополнительных санкций против Ирана, выходящих за пределы действовавших резолюций Совета Безопасности ООН¹⁰⁹. На период переговоров по урегулированию иранской ядерной проблемы Хавьер Солана предложил «двойное приостановление»: ИРИ останавливает процесс обогащения урана, а Совет Безопасности ООН замораживает уже введенные санкции. Президент Ахмадинежад отверг это предложение, настаивая на том, что Иран будет продолжать законную ядерную деятельность¹¹⁰.

Неуступчивая позиция Тегерана привела к длительным дискуссиям между представителями «шестерки» международных посредников. «Большая тройка» ЕС и США настаивали

¹⁰⁸ Douste-Blazy P. French Foreign Minister, P5+1 statement: negotiations with Iran. Press statement // Paris. 12.07.2006.

¹⁰⁹ В частности, ЕС тогда ввел полное эмбарго на поставки оружия.

¹¹⁰ Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009. С. 389–390.

на введении против Ирана новых санкций, но были готовы предоставить ему пакет дополнительных политических и экономических стимулов. Россия и Китай предлагали продолжить переговоры с ИРИ. Так, 20 июня министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что новая резолюция Совета Безопасности ООН может быть «одобрена только после того, как генеральный директор (МАГАТЭ) сообщит, что возможность разрешения некоторых остающихся вопросов исчерпана»¹¹¹. По его мнению, ядерные противоречия могли быть разрешены только в рамках сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ.

К октябрю стало понятно, что ввести против ИРИ новые санкции со стороны СБ ООН не удастся. Поэтому Вашингтон пошел на дополнительные односторонние санкции, направленные на свертывание в Иране международной коммерческой и банковской деятельности, а также включил Корпус стражей исламской революции в список организаций, занимающихся распространением ОМУ¹¹². Одновременно США усилили давление на своих европейских партнеров с целью принятия ими ограничений для своих компаний относительно торговли и инвестиций в ИРИ. Это нашло поддержку со стороны президента Франции Саркози, который предостерег, что ядерные амбиции ИРИ могут привести к «иранской бомбе или бомбардировке Ирана»¹¹³. Однако Германия и другие европейские страны, имевшие с Тегераном тесные экономические связи, воспротивились введению против него односторонних санкций. Их поддержали страны, обеспокоенные тем, что односторонние санкции ЕС подорвут основополагающую роль Совета Безопасности ООН. Похожую позицию занимала и Российская Федерация, которая вывела из-под международных санкций строительство АЭС в Бушере.

16 декабря Москва поставила в Бушер первую партию ядерного топлива. После этого министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что у Ирана более нет экономических причин для продолжения программы по обогащению урана. Но

---

¹¹¹ Lavrov Sets Condition for New UN Move // Reuters, 20.06.2007.

¹¹² Wright R. U.S. to Impose New Sanctions Targeting Iran's Military // Washington Post, 25.10.2007.

¹¹³ Samuel H. Nicolas Sarkozy Warns of Iran's Nuclear Crisis // Daily Telegraph, 31.08.2007.

ему возразил руководитель ОАЭИ Голямреза Агазаде. По мнению последнего, ИРИ необходимо продолжить работы по обогащению урана с целью производства ядерного топлива для строящегося в Дарховине¹¹⁴ (юго-западная провинция Хузестан) по собственной (в действительности, по китайской) технологии энергетического реактора мощностью 360 МВт¹¹⁵. Однако оставалось неясным: зачем нужно было производить ядерное топливо, если введение указанного реактора в эксплуатацию ожидалось не ранее чем через десятилетие?

Переговоры Ирана с Европейским союзом были продолжены. Так, 23 октября Верховный комиссар ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана встретился в Риме с новым главным переговорщиком по ядерным вопросам со стороны Ирана – Саидом Джалили¹¹⁶. В ходе встречи Хавьер Солана предложил «двойное замораживание»: Совет Безопасности ООН прекращает рассмотрение новых санкций, а Иран в качестве меры по укреплению доверия временно приостанавливает расширение своей программы по обогащению урана. За этим могло последовать полное прекращение реализации иранской программы по обогащению урана при одновременном прекращении действия существующих резолюций СБ ООН¹¹⁷. Это означало появление нового европейского подхода, признающего реальность иранского ядерного потенциала, но стремящегося ввести максимально возможные для него ограничения. Однако Саид Джалили отверг любые уступки со стороны Тегерана в отношении программы по обогащению урана.

В декабре случилось еще одно событие, которое способствовало нормализации отношений между ИРИ и Западом в целом. Тогда был опубликован неsekретный вариант доклада

---

¹¹⁴ Иногда местоположение этого энергетического реактора приводится по названиям других близлежащих населенных пунктов, включая Ахваз, Дархунин, Эстеглал и Карун.

¹¹⁵ Iran Starts Second Atomic Power Plant: Report // Reuters, 08.02.2008.

¹¹⁶ Назначение Саида Джалили, близкого сторонника Махмуда Ахмадинежада, было расценено некоторыми экспертами как свидетельство расшущего влияния президента Ахмадинежада на процесс принятия внешне-политических решений внутри иранского руководства.

¹¹⁷ Walker S. Iran and EU Face Tough Nuclear Talks // Reuters, 29.11.2007.

«Оценка национальной разведки. Ядерные намерения и потенциал Ирана». В этом докладе, отражавшем общее мнение 16 разведывательных служб США, отмечалось «с высокой степенью уверенности», что Иран приостановил свою программу по созданию ядерного оружия осенью 2003 г. и по состоянию на середину 2007 г. ее не возобновлял¹¹⁸. Этот вывод был основан, в том числе, на американских данных по перехвату средств связи ВС ИРИ¹¹⁹. Это означало, что в Вашингтоне произошло серьезное изменение взглядов на иранскую ядерную программу. В аналогичном документе от мая 2005 г. говорилось, что Тегеран осуществлял тайную программу по созданию ядерного оружия.

В новой оценке национальной разведки был сделан вывод, что «данная приостановка прямо зависела от растущего международного подозрения и давления, возникшего из-за выявления предыдущей иранской незадекларированной ядерной деятельности». Следовательно, «Иран, возможно, более уязвим к давлению», чем предполагалось ранее. Помимо этого, оценка содержала предостережение о том, что будет сложно «убедить иранское руководство отказаться от создания в конечном итоге ядерного оружия», «принимая во внимание взаимосвязь между созданием ядерного оружия и ключевыми целями Ирана в области национальной безопасности и внешней политики». Кроме этого, в рассматриваемом документе утверждалось, что самой ранней датой, когда ИРИ будет «технически способна» выработать достаточное для производства ядерного боеприпаса количество высокообогащенного урана, является 2009 г. Однако более вероятно, что Тегеран приобретет подобный потенциал в 2010–2015 гг., а возможно, и позднее, в свете технических трудностей, испытываемых им при реализации программы по обогащению урана¹²⁰.

Появление американского доклада по Ирану вызвало в мире противоречивую реакцию. Так, израильские официальные

---

¹¹⁸ National Intelligence Estimate–Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. Washington, D.C. 2007. Nov. P. 8.

¹¹⁹ Linzer D., Warrick J. U.S. Finds That Iran Halted Nuclear Arms Bid in 2003 // Washington Post, 04.12.2007.

¹²⁰ National Intelligence Estimate–Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. Washington, D.C. 2007. Nov. P. 5–6.

лица заявили о наличии «четких и твердых разведданных» о том, что Иран продолжает создавать ядерное оружие¹²¹. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, наоборот, заявил, что нет подтверждения того, что Тегеран когда-либо осуществлял программу по созданию ядерного оружия. Он высоко оценил готовность иранского руководства к сотрудничеству с МАГАТЭ в разрешении оставшихся вопросов относительно прошлой ядерной деятельности¹²². Президент ИРИ Ахмадинежад посчитал доклад «победой» Ирана и заявил, что он подорвал правовую основу для рассмотрения «ядерного досье» в Совете Безопасности ООН¹²³.

Таким образом, в период с июня 2005 г. по июнь 2007 г. иранский ядерный кризис существенно обострился, что могло привести к перерастанию его в стадию вооруженного конфликта. Основная вина за это лежала на неоконсервативном руководстве ИРИ, которое продолжало наращивать собственный ядерный потенциал, все более приближаясь к той черте, за которой вопрос о создании ядерного оружия уже перестает быть научно-технологической проблемой. Со своей стороны, Запад тоже не проявил необходимой гибкости, а Россия и Китай не смогли удержать США от порой чрезмерного политического, экономического и военного давления на ИРИ.

В конце 2007 г. стала появляться надежда, что рассматриваемую проблему можно решить мирными средствами, а введение против Ирана новых санкций не является неизбежным. К сожалению, как будет показано ниже, улучшение ирано-западных отношений носило временный характер.

4.2. Развитие кризиса в 2008–2010 гг.

Уже в начале 2008 г. позитивные тенденции во взаимоотношениях между Ираном и Западом стали ослабевать. Однако под давлением со стороны США ведущие страны проявили некоторую поспешность, когда 3 марта по решению Совета Безопасности ООН против Ирана ввели новые санкции на основе

---

¹²¹ *Mitnik J. Israel Challenges Report on Nukes // Washington Times, 05.12.2007.*

¹²² *Lavrov: «No Proof Iran Had Nuke Program» // Jerusalem Post, 05.12.2007.*

¹²³ *Dareini A. Ahmadinejad: Report a “Victory” // Washington Times, 05.12.2007.*

резолюции 1803. В этой резолюции было отмечено, что ИРИ сотрудничает с МАГАТЭ по снятию остающихся вопросов, но подчеркивалось, что дальнейшее сотрудничество «способствовало бы восстановлению уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана»¹²⁴. Резолюция 1803 была поставлена на голосование Францией и Великобританией и поддержана всеми членами Совета Безопасности ООН, за исключением Индонезии, которая воздержалась от голосования.

Одновременно с резолюцией было принято совместное заявление стран «шестерки» международных посредников, которое продемонстрировало их готовность к восстановлению доверия к иранской ядерной программе. В случае выполнения требований резолюции 1803 в течение трех месяцев ИРИ предлагались дополнительные экономические стимулы.

Тегеран с негодованием отверг новую резолюцию Совета Безопасности ООН. Официальный представитель правительства Ирана Голам Эльхам проинформировал о приостановке переговоров с «шестеркой» международных посредников, а также о том, что «отныне Иран будет вести переговоры по ядерной энергетике только с МАГАТЭ». 8 апреля президент Ахмадинежад сообщил о начале работ по размещению на предприятии по обогащению урана в Натанзе дополнительно 6 тыс. газовых центрифуг.

Летом ситуация вокруг иранской ядерной проблемы обострилась до такой степени, что США и Израиль стали рассматривать возможность нанесения по ИРИ ракетно-бомбового удара. Учитывая это, «шестерка» международных посредников предприняла новые шаги, чтобы заинтересовать Иран в предметном обсуждении аспектов иранской ядерной программы, вызывающих озабоченность со стороны международного сообщества.

14 июня 2008 г. Ирану были переданы «расширенные» предложения «шестерки», которые охватывали вопросы политического и экономического сотрудничества, партнерства с ЕС в области энергетики, включая атомную, сотрудничества в социальной и гуманитарной сферах, сельском хозяйстве, граж-

---

¹²⁴ Резолюция 1803 (2008) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. Нью-Йорк, 3 марта 2008.

<http://www.un.org/russian/documents/scresol/res2008/res1803.htm>.

данской авиации, а также механизм имплементации, включая создание совместных мониторинговых групп в целях реализации будущих соглашений. «Шестерка» пообещала предоставить Ирану технологическую и финансовую помощь в области мирного использования атомной энергии, поддержать проекты технического сотрудничества по линии МАГАТЭ, содействовать в сооружении легководных ядерных реакторов, предоставить гарантии поставок ядерного топлива для АЭС и сотрудничать в захоронении радиоактивных отходов. В политической области «пакет поощрений» включал в себя предложения, касающиеся проведения диалога, сотрудничества в деле нераспространения ОМУ, региональной безопасности, мер укрепления доверия, создания механизма консультаций и взаимодействия, а также проведения конференции по вопросам региональной безопасности. Однако для этого от Тегерана потребовали выполнения им соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и прежде всего приостановки работ по обогащению урана¹²⁵.

Одновременно было заявлено, что к иранской ядерной программе будет такое же отношение, «как к программе любого не обладающего ядерным оружием государства – участника ДНЯО после восстановления международной уверенности в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана».

19 июля «шестерка» международных посредников провела с Ираном переговоры в Женеве. Присутствие на этой встрече заместителя государственного секретаря США Уильяма Бернса придавало ей особую значимость, что было расценено в Иране как повышение его политического веса. В ходе переговоров Тегерану были предоставлены дополнительно две недели на рассмотрение сделанных в мае со стороны «шестерки» международных посредников предложений¹²⁶. На это Иран никак не отреагировал, но, со своей стороны, инициировал обсуждение

---

¹²⁵ Калядин А. Проблемы имплементации решений СБ ООН по иранскому ядерному досье // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009. С. 671.

¹²⁶ В мае 2008 г. Тегерану были предложены выгодные экономические проекты и приостановка на шесть недель процесса подготовки новых санкций в обмен на замораживание работ по обогащению урана.

вопросов, связанных с созданием на Ближнем и Среднем Востоке безъядерной зоны и сокращением имевшихся арсеналов ядерного оружия. Очевидно, что таким образом Тегеран стремился отвлечь внимание международного сообщества от рассмотрения иранской ядерной программы.

Верховный комиссар ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана оценил проведенные переговоры как конструктивные, так как с момента встречи в октябре 2007 г. «шестерка» международных посредников вела с ИРИ лишь консультации. Но он был вынужден признать, что Тегеран не представил полной информации по имевшимся вопросам. В дальнейшем Иран продолжил реализацию своей программы по обогащению урана, проигнорировав как предложения со стороны «шестерки», так и угрозу США ввести против него новые санкции.

В начале июля в Вашингтоне прошли парламентские слушания о политике в отношении Ирана, в ходе которых американские законодатели потребовали максимального ужесточения санкций против него. Реализовать это на уровне Совета Безопасности ООН не удалось ввиду произошедшего в августе вооруженного конфликта на Кавказе и последовавшего затем серьезного ухудшения российско-западных отношений. В этих условиях США пошли на одностороннее введение санкций против Национальной судоходной компании Ирана и ее 18 дочерних фирм, обвинив их в причастности к осуществлению иранской ядерной программы. Одновременно американские санкции были введены против ряда компаний и отдельных лиц в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Малайзии, Великобритании и Германии.

В середине сентября генеральный директор МАГАТЭ опубликовал новый, гораздо более жесткий доклад по иранской ядерной программе. Это вызвало всеобщую обеспокоенность. Но условия для введения в тот момент против ИРИ дополнительных санкций были неблагоприятные, в том числе из-за нейтральной позиции Тегерана по вопросу российско-грузинского конфликта. В результате 27 сентября была принята резолюция 1835 СБ ООН, которая подтвердила единство общего подхода к иранской ядерной программе и потребовала от Ирана выполнения всех более ранних резолюций, но не ввела в отношении него новых санкций.

Сам факт принятия очередной резолюции Совета Безопасности ООН вызвал в ИРИ негативную реакцию. Иранская делегация распространила в ООН заявление, в котором отвергла новую резолюцию СБ ООН как «безосновательную и неконструктивную». Как всегда, на разном уровне были сделаны достаточно жесткие заявления, вплоть до угрозы выхода из ДНЯО. Однако уже вскоре Тегеран заявил о своем намерении продолжить переговоры как с МАГАТЭ, так и с «шестеркой» международных посредников. Так, в октябре представитель ИРИ при Агентстве Али Солтание проинформировал о готовности Ирана рассмотреть вопрос о прекращении работ по обогащению урана, если международное сообщество предоставит гарантии поставок ядерного топлива для иранских АЭС в форме четких международных соглашений. По-видимому, выступление Али Солтание носило формальный характер и преследовало единственную цель – затягивание процесса переговоров путем политического маневрирования. Официального подтверждения со стороны руководства страны эта инициатива не получила¹²⁷.

Нежелание Тегерана идти на взаимные уступки завело в тупик весь переговорный процесс. Учитывая это, 16 декабря члены «шестерки» международных посредников провели встречу с представителями ряда арабских стран: Бахрейна, Египта, Иордании, Кувейта, Ирака, ОАЭ и Саудовской Аравии. Арабские страны выразили единодушную озабоченность в отношении иранской ядерной программы и изъявили готовность сделать такие встречи регулярными.

В начале 2009 г. в Белом доме начала работать новая демократическая администрация, которая стала отдавать больший приоритет дипломатии и переговорам, а не давлению и угрозам применения силы. В частности, Вашингтон проявил готовность к прямому диалогу с Тегераном. Это создавало благоприятные условия для решения иранской ядерной проблемы. Однако влияние стереотипов было слишком велико. Как следствие, уже в феврале постоянный представитель США при ООН Сьюзан Райс обвинила Тегеран в поддержке терроризма и стремлении к ядерному оружию. В качестве ответной

---

¹²⁷ Мамедова Н. Иранская ядерная программа в 2008 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 15 марта 2009.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/15-03-09a.htm>.

меры ее иранский коллега Мохаммад Хазаи обнародовал свое послание на имя председателя Совета Безопасности ООН, в котором он назвал заявления американского посла «необоснованными и абсурдными». Помимо этого, Мохаммад Хазаи заметил следующее: «Вместо того чтобы выдвигать обвинения против других, Соединенным Штатам следует предпринять конкретные и целенаправленные шаги по исправлению своей неправильной прежней внешней политики... в том числе в отношении Ирана»¹²⁸.

Тем не менее руководство США было готово к переменам. Об этом свидетельствовал тот факт, что в марте президент Обама обратился к лидерам и народу Ирана с видеообращением. А в мае он проинформировал, что хотел бы увидеть до конца года хоть какой-то прогресс в деле сворачивания Ираном своей программы по обогащению урана. Тогда он полагал, что нет необходимости устанавливать какие-либо крайние сроки для достижения прорыва в этой сфере на основе дипломатии. В то же время Барак Обама был готов пойти на ряд дополнительных шагов против ИРИ, включая санкции, если станет очевидно, что Тегеран намерен и дальше игнорировать призывы международного сообщества¹²⁹.

До июньских (2009 г.) президентских выборов в Иране представители американской администрации только собирали информацию и вырабатывали предложения по корректировке внешнеполитического курса. Это было вполне естественным, так как существовали надежды на уход Махмуда Ахмадинежада с поста президента. И хотя было понятно, что Мир-Хосейн Мусави не сможет остановить иранскую ядерную программу, в Вашингтоне рассчитывали на смягчение иранской позиции по этому вопросу. Результаты президентских выборов привели к обратному эффекту. С одной стороны, эти выборы выявили определенный раскол среди иранской элиты, что говорило об ослаблении власти консерваторов. С другой стороны, президентские выборы не были справедливыми и привели к массовым выступлениям

---

¹²⁸ Иран ответил США на критику в свой адрес [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Вести.Ru». 27 февраля 2009.

<http://www.vesti.ru/doc.html?id=257610&tid=51134>.

¹²⁹ Обама и Нетаньяху обсудили ядерную проблему Ирана [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Вести.Ru». 18 мая 2009.

<http://www.vesti.ru/doc.html?id=285936&tid=51134>.

иранцев в крупных городах страны. Комментируя эти события, Вашингтон старался быть предельно сдержаным. Но он был вынужден осудить недемократичный характер июньских выборов.

В сентябре случилось очередное событие, ухудшившее американо-иранские отношения: Тегеран признал строительство третьего объекта по обогащению урана в Фордо, вблизи г. Кум. В условиях прекращения действия Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, необязательности заблаговременного уведомления Агентства о строительстве ядерных объектов, а также наличия значительных запасов НОУ и развитой инфраструктуры по обогащению урана информация о тайном создании такого объекта еще более усилила подозрения, касающиеся исключительно мирной направленности иранской ядерной программы.

Но даже в таких условиях международное сообщество проявило необходимую гибкость, согласившись осенью 2009 г. на прямые многосторонние переговоры с Тегераном. Ранее «шестерка» международных посредников прямых переговоров с ИРИ, как правило, не вела¹³⁰, а вырабатываемые ею предложения доводились до Тегерана через Верховного комиссара ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Солану. Все это бесконечно удлиняло процесс переговоров ввиду крайне неуступчивой позиции Тегерана.

Учитывая это, 1 октября того же года в Женеве прошли переговоры уже в семистороннем формате: «пятерка» постоянных членов Совета Безопасности ООН, Германия и Иран. Причем американская сторона была представлена заместителем государственного секретаря Уильямом Бернсом, а Европейский союз в целом – Хавьером Соланой¹³¹. И хотя от иранской стороны не удалось добиться прекращения строительства нового ядерного объекта, результаты переговоров можно оценить

---

¹³⁰ Справедливости ради надо заметить, что впервые переговоры с Ираном в семистороннем формате прошли в Женеве 19 июля 2008 г. Результаты этой встречи не были успешными, поэтому международное сообщество вернулось к шестистороннему формату переговоров.

¹³¹ В Женеве начались переговоры по ядерной программе Ирана [Электронный ресурс] // Балтийское информационное агентство BaltInfo. Санкт-Петербург, 1 октября 2009. <http://www.baltinfo.ru/news/V-Zheneve-nachalis-peregovory-po-yadernoi-programme-Irana-107387>.

как успешные. Во-первых, Тегеран согласился на проведение инспекции строящегося объекта в Фордо. Такая инспекция была осуществлена уже в конце октября¹³². Во-вторых, было решено продолжить переговоры, что позволило специалистам МАГАТЭ 21 октября 2009 г. в Вене представить схему по вывозу из ИРИ 75% наработанного НОУ в обмен на обязательство стран «шестерки» предоставить ядерное топливо для Тегеранского исследовательского реактора. В частности, 15 января 2010 г. было предложено вывезти из Ирана в Россию 1,2 т НОУ со степенью обогащения до 5%, что составляло 75% от накопленной к этому времени 1,5 т НОУ¹³³. Далее гексафторид урана должен был пройти очистку от примесей и дообогатиться на одном из российских предприятий до 19,75%¹³⁴. Полученный продукт планировалось доставить во Францию, где имелись технологии производства ядерного топлива для Тегеранского исследовательского реактора. Такое ядерное топливо в конце 2010 г. через Россию должно было поступить в Иран. Весь проект собирались реализовать на коммерческой основе в рамках соответствующего соглашения.

Вскоре секретарь ВСНБ ИРИ Саид Джалили представил в Тегеране схему по вывозу из ИРИ 75% наработанного НОУ. За это он подвергся ожесточенным нападкам со всех сторон политического спектра, так как иранцы посчитали чрезмерными уступки Западу. Именно консервативный Саид Джалили и президент Ахмадинежад оказались среди немногих иранских политиков, которые поддержали соглашение с «шестеркой» международных посредников по обмену иранского НОУ на ядерное топливо. И это несмотря на то, что закупить ядерное топливо для этого исследовательского реактора Тегеран не мог ввиду соответствующих ограничений со стороны Группы ядерных поставщиков.

Следует заметить, что тогда серьезное беспокойство у международного сообщества вызывало состояние Тегеранского

¹³² Инспекторы МАГАТЭ осмотрят ядерный объект в Куме [Электронный ресурс] // Информационный сайт All-News.Net. 25 октября 2009. <http://www.all-news.net/?id=50520>.

¹³³ Иран не намерен отдавать низкообогащенный уран за рубеж [Электронный ресурс] // Информационное агентство Trend. Баку, 7 ноября 2009. <http://www.trend.az/print/1575276.html>.

¹³⁴ Такой уран считается низкообогащенным, поэтому на него не распространяются какие-либо ограничения со стороны МАГАТЭ.

исследовательского реактора, построенного в далеком 1967 г. Причем ядерное топливо для него не поставлялось с конца 1980-х годов. Как следствие, этот реактор использовался только на 60% от своей проектной мощности (3 МВт вместо 5 МВт). При дальнейшей эксплуатации действовавшей системы безопасности реактора были возможны самые серьезные последствия, учитывая расположение исследовательского реактора в многомиллионном городе. С другой стороны, уже созданная в ИРИ инфраструктура и накопленные запасы гексафторида урана позволяли при необходимости наработать дополнительно не менее 1,5 т НОУ со степенью обогащения до 5% в течение одного года.

23 октября Россия, США и Франция согласились с проектом МАГАТЭ по обмену иранского НОУ на ядерное топливо для исследовательского реактора. Тегеран по истечении нескольких недель проинформировал Агентство о своей заинтересованности участвовать в этом проекте, но предложил внести в него некоторую корректировку. В частности, Иран настаивал на том, что НОУ должен вывозиться из страны отдельными партиями. Одна из причин этого состояла в том, что в 1974 г. Организация по атомной энергии Ирана за 1 млрд. долл. приобрела 10% акций строившегося во французском г. Трикастане газодиффузационного завода по обогащению урана, принадлежавшего международному консорциуму Eurodif. По результатам сделки Иран получал право выкупать продукцию завода и иметь полный доступ к разработанной консорциумом технологии обогащения урана. До Исламской революции воспользоваться этим правом Тегеран не успел, а позднее не смог.

Западные страны отказались рассматривать иранские встречные предложения. В ответ Тегеран заявил о начале самостоятельных работ по обогащению урана до 19,75%, что привело к дальнейшему обострению ядерного кризиса.

Ввиду недоверия к выполнению обязательств со стороны Франции в ноябре 2009 г. Тегеран предложил вывезти в Турцию за два этапа на «ответственное хранение» под контролем МАГАТЭ только 800 кг НОУ¹³⁵. Кроме того, иранское руководство на-

---

¹³⁵ Джсафаров Т., Остапенко Е. Ядерная программа – не предмет разногласий в политической элите Ирана – эксперты [Электронный ресурс] // Информационное агентство Trend. Баку, 17 ноября 2009. <http://ru.trend.az/news/politics/foreign/1582231.html>.

стаивало на одновременном обмене НОУ на тепловыделяющие элементы.

Ответная реакция Вашингтона была вполне ожидаемой. Он стал настаивать на введении против ИРИ новых международных санкций, что свидетельствовало о продолжении в отношении Ирана того же курса, который реализовывался при президенте Буше-младшем: непрерывного ужесточения санкций.

К маю 2010 г. неизбежность введения Советом Безопасности ООН против ИРИ новых санкций стала очевидной. Тегеран постарался избежать этого, согласившись обменять на территории Турции 1,2 т НОУ на 120 кг ядерного топлива для Тегеранского исследовательского реактора. В соответствии с подписанным 17 мая соглашением Иран изъявил готовность вывезти на «ответственное хранение», а Турция по требованию Тегерана вернуть низкообогащенный уран. В качестве третьего участника подписанного соглашения и его гаранта выступила Бразилия, обеспечив необходимую политическую поддержку, в том числе в СБ ООН¹³⁶. Предполагалось, что в течение месяца после подписания соответствующего соглашения между ИРИ и МАГАТЭ иранский НОУ будет направлен в Турцию¹³⁷.

Подписание трехстороннего соглашения по обмену НОУ не вызвало на Западе большого энтузиазма. Этому были следующие причины:

а) указанное соглашение на фоне экспериментов по добогащению урана до 19,75% стало рассматриваться как очередная уловка со стороны Тегерана, пытающегося избежать новых международных санкций;

б) количество предлагаемого на обмен низкообогащенного урана в мае 2010 г. составило всего 50% от имевшихся запасов НОУ (2,4 т), которые продолжали наращиваться. Это позволяло Тегерану в случае принятия соответствующего политического решения выйти на ядерное испытание вне зависимости от реализации рассматриваемого соглашения. Именно поэтому уже 19 мая США внесли на рассмотрение Совета Безопасности

---

¹³⁶ В этот период Бразилия, как и Турция, была непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

¹³⁷ Коняева Т. Обмен урана на территории Турции принесет ей немало преференций – эксперты [Электронный ресурс] // Информационное агентство Trend. Баку, 18 мая 2010. <http://ru.trend.az/print/1689267.html>.

ООН проект новой резолюции против ИРИ. Конечно, правильнее было дождаться официального письма из Тегерана с предложениями об обмене иранского НОУ на ядерное топливо для Тегеранского исследовательского реактора (25 мая такое письмо в МАГАТЭ поступило), но Вашингтон решил перехватить инициативу, опасаясь существенного затягивания переговорного процесса.

Россия приняла активное участие в подготовке трехстороннего соглашения по обмену иранского НОУ. Об этом свидетельствовал как визит в Турцию президента Дмитрия Медведева, который состоялся 11–12 мая, так и переговоры российского руководства с президентом Бразилии Луисом Лула да Сильва накануне его прибытия в Тегеран. На тот момент в Москве считали, что подписание указанного соглашения позволит Тегерану избежать международных санкций¹³⁸.

В целом следует признать, что иранский ядерный кризис продолжал усугубляться. В этих условиях международному сообществу было необходимо предложить Тегерану новые пути выхода из складывавшейся ситуации. Один из них был разработан известным российским экспертом Алексеем Арбатовым. По его мнению, следовало предложить ИРИ заключить соглашение об ограничении под контролем МАГАТЭ иранского комплекса по обогащению урана (например, до 5 тыс. газовых центрифуг типа Р-1) сроком на десять лет и потребовать ратификации Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантiiй. В обмен на это Тегеран мог бы получить широкий набор позитивных стимулов: гарантiiи безопасности со стороны ядерных держав, восстановление дипломатических отношений с США, принятие в ВТО, строительство новых энергетических реакторов, гарантированные поставки ядерного топлива по самым низким рыночным ценам и вывоз ОЯТ, а также инвестиции в газовую отрасль и транспортную инфраструктуру. В результате ИРИ могла укрепить собственный престиж и национальное достоинство, получить возможность поддерживать высокий технологический и интеллектуальный уровень, но при этом лишалась возможности бы-

---

¹³⁸ Д. Медведев: визит главы Бразилии в Тегеран – последняя возможность решить иранскую ядерную проблему без санкций // РБК. М., 14.05.2010.

строго (в течение, например, шести месяцев) создания ядерного оружия в случае нарушения этих договоренностей¹³⁹.

Другой путь был предложен экспертом из МГИМО Виктором Мизиным. По его мнению, на территории Ирана нужно было создать международный консорциум по предоставлению услуг ядерного топливного цикла в составе России, ЕС, возможно, США и монархий Персидского залива. В этом случае международное сообщество могло бы установить своего рода «протекторат» над иранской ядерной программой, не поставляя туда передовых ядерных технологий, но активно стимулируя приток новых технологий и инвестиций в неядерный сектор экономики ИРИ¹⁴⁰.

Международная комиссия по ОМУ, которую возглавлял известный эксперт из Швеции Ханс Бликс, предложила всем государствам поддержать усилия по созданию на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от ОМУ, как элемента всеобъемлющего процесса мирного урегулирования, в первую очередь иранской ядерной проблемы. Для этого, по мнению членов комиссии, следовало убедить Иран и Израиль принять подлежащее проверке обязательство об отказе в течение длительного периода времени от обогащения урана, радиохимической переработки и другой деятельности, связанной с ЯТЦ, на своей территории¹⁴¹.

По мнению Александра Калядина из ИМЭМО РАН, было необходимо развязать формулу «ноль обогащения до снятия всех вопросов МАГАТЭ» и сделать основной акцент на безусловном восстановлении в полном объеме гарантий и деятельности Агентства на основе Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и снятии всех оставшихся вопросов прошлых нарушений и ликвидации их последствий. Александр Калядин считал, что проблема прекращения или ограничения программы обогащения урана и других

---

¹³⁹ Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2010. С. 155.

¹⁴⁰ Мизин В.И. Иранская ядерная программа: возможные варианты? // Вестник МГИМО–Университета. М., 2010. № 1 (10). С. 5–12.

¹⁴¹ Оружие террора: освободить мир от ядерного, биологического и химического оружия. М.: Комиссия по оружию массового уничтожения, 2007. С. 211.

работ по ЯТЦ может стать отдельным предметом переговоров, для продвижения которых следует применять как все позитивные стимулы, так и более эффективные санкции. Учитывая многократные заверения Ирана об исключительно мирном характере его ядерной программы и о его приверженности духу и букве ДНЯО, Совет Безопасности ООН одновременно мог бы принять рамочную резолюцию, предусматривающую коллективные действия согласно ст. 41 и 42 Устава ООН в случае грубого нарушения Ираном его обязательств¹⁴².

Таким образом, в период правления президента Ахмадинежада вплоть до конца 2010 г. сохранялся высокий уровень конфронтации Ирана с международным сообществом. Тегеран отказывался выполнять требования резолюций Совета Безопасности ООН, продолжал наращивать мощности по производству обогащенного урана в Натанзе, строил аналогичный объект в Фордо и тяжеловодный исследовательский реактор в Араке.

Как следствие, в июне 2010 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1929, в соответствии с которой было полностью прекращено любое сотрудничество с Ираном в сферах, связанных с обогащением урана, наработкой и выделением плутония. В том числе, запрещены торговля, оказание технической и материальной помощи, подготовка научно-технического персонала; введены ограничения на въезд связанных с такой деятельностью лиц; заморожены зарубежные финансовые счета соответствующих иранских физических лиц и организаций. Помимо этого, было запрещено предоставление иранскому правительству финансовой помощи и льготных кредитов, а также затруднены финансовые операции с иранскими банками и предоставлено право на досмотр грузов, как следующих в ИРИ, так и отправляемых из нее. Все вышеперечисленное, а также чрезмерные затраты на ядерную программу оказали свое негативное влияние на развитие экономики Ирана в условиях общемирового кризиса и последовавшей затем стагнации экономического развития во многих странах.

---

¹⁴² Калядин А. Проблемы имплементации решений СБ ООН по иранскому ядерному досье // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009. С. 675.

Все это не могло не учитывать и российское руководство. Это способствовало появлению Указа Президента РФ № 1154 от 22 сентября 2010 г. «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.», в котором подтверждена решимость Москвы добиваться выполнения требований настоящей резолюции. Помимо этого, президентским указом была запрещена поставка в Иран зенитных ракетных систем среднего и дальнего радиуса действия С-300ПМУ-1¹⁴³. В дальнейшем это привело к появлению в Международном арбитражном суде г. Женевы иска на 4 млрд. долл. к российской государственной компании по импорту и экспорту вооружений ОАО «Рособоронэкспорт»¹⁴⁴. На Западе этого всячески стараются не замечать.

4.3. Неудачные переговоры в Стамбуле и Ормузский кризис

В 2011 г. иранский кризис продолжал углубляться. Поскольку в данном вопросе Совет Безопасности ООН не поддержал США и их союзников, последние стали вводить финансово-экономические санкции против Тегерана в одностороннем порядке.

21–22 января 2011 г. в Стамбуле прошел очередной раунд переговоров по разрешению иранского ядерного кризиса. В качестве его основных участников выступили верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон и секретарь ВСНБ ИРИ Сайд Джалили. В процессе переговоров приняли участие представители «шестерки» международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы, которые по-разному оценили как ход их проведения, так и полученные результаты.

---

¹⁴³ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.» // Российская газета. М., 24.09.2010.

¹⁴⁴ Иран отзовет иск к России в случае поставки ЗРС [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Азиатский репортер». М., 7 июля 2013. <http://asiareport.ru/index.php/news/30076-iran-otzovet-isk-k-rossii-v-sluchae-postavki-zrs-.html>.

По мнению западных государств, переговоры закончились безрезультатно: ИРИ отказалась от обсуждения с США иранской ядерной проблемы на двусторонней основе и от обмена наработанного НОУ на ядерное топливо для Тегеранского исследовательского реактора. В частности, Кэтрин Эштон заявила, что она была разочарована предварительными условиями, выдвинутыми Тегераном. Помимо этого, иранская сторона настаивала на отмене санкций ООН в отношении ИРИ и подписании соглашения, в соответствии с которым Тегеран смог бы продолжать свои исследования в области атомной энергетики¹⁴⁵. Следовательно, против Ирана надо вводить новые санкции со стороны Совета Безопасности ООН.

При этом на Западе продолжали верить в способность значительно ограничить масштабы иранской ядерной программы. Но это было возможно только в 2003 г., поскольку после свержения режима Саддама Хусейна в Ираке многие в ИРИ полагали, что их страна станет следующей целью для американского военного удара. Только в этих условиях Тегеран согласился на широкое сотрудничество с международным сообществом. Как следствие, все сделанные Ирану предложения увязывались с полным прекращением им процесса дообогащения НОУ. Это вызвало неприятие с иранской стороны и служило серьезным препятствием для проведения переговоров.

Тем не менее в Пекине и Москве стали настаивать на продолжении процесса переговоров с целью укрепления взаимного доверия и поиска приемлемых компромиссов. Даже после вскрытия факта тайного строительства с 2006 г. в Фордо очередного объекта по обогащению урана руководство наших стран полагало, что в Тегеране политического решения о создании ядерного оружия еще не приняли. Осуществляемый же в ИРИ процесс создания ЯТЦ можно направить в мирное русло, если предложить реальные пути решения существующей проблемы.

Интерес представляет реакция иранской стороны на проведенные переговоры. Так, помощник главы иранской делегации Аболфазл Зохреванд заявил, что Иран даже не обсуждает возможность временной остановки работы своих объектов по

---

¹⁴⁵ Переговоры по ядерной программе Ирана провалились [Электронный ресурс] // РБК, 22 января 2011.

<http://top.rbc.ru/politics/22/01/2011/531860.shtml>.

обогащению урана. Для ИРИ оказались неприемлемыми предложения «шестерки» о контроле ядерных разработок ИРИ со стороны МАГАТЭ, обмене НОУ на обогащенное ядерное топливо и прекращении процесса дообогащения урана до уровня 20%. Иран также отказался от предложения провести двусторонние переговоры с США. С его точки зрения, нет никакой необходимости в проведении таких переговоров, если они не входят в рамки встречи в Стамбуле.

В ходе переговоров представители Ирана также затрагивали такие вопросы безопасности в мире в целом, как, например, обладание Израилем ядерным оружием и проблемы всеобщего разоружения. Кроме того, Иран выразил обеспокоенность по поводу наличия американских военных баз на территории Ирака и в других регионах планеты. Это показало недостаточно конструктивную позицию Тегерана, который попытался переключить переговоры на обсуждение более общих или региональных проблем. Но и Запад проявил чрезмерную жесткость в отношении иранской программы обогащения урана, реализация которой под контролем МАГАТЭ не нарушала его международных обязательств.

В свете изложенного Россия могла бы проявить инициативу и предложить реальный выход из ядерного тупика, в качестве которого можно было рассматривать создание на территории ИРИ совместного российско-иранского предприятия по производству ядерного топлива для Бушерской атомной электростанции. В этом случае Иран имел бы сертифицированное топливо для единственной АЭС, а международное сообщество на постоянной основе выводило из оборота накапливаемые в ИРИ запасы НОУ и контролировало расход произведенных там ядерных материалов на основе урана.

Серьезным доводом для осуществления указанного предложения являлось то, что в феврале 2005 г. вступил в силу дополнительный протокол к соглашению между правительствами РФ и ИРИ о сотрудничестве в сооружении на территории Ирана атомной электростанции. Этот протокол регламентирует возврат облученного (отработанного) ядерного топлива в Россию с Бушерской АЭС, что предотвращает потенциальную угрозу для создания в Иране ядерного взрывного устройства на основе плутония.

Следует заметить, что рассматриваемые переговоры имели ряд особенностей. Во-первых, они прошли в Стамбуле, чего

не случалось ранее. Это можно расценить как серьезную внешнеполитическую победу Тегерана в условиях все более нараставшей его политической изоляции. Ведь именно Турция оказала ИРИ в 2010 г. столь необходимую поддержку, соглашившись в мае принять на «ответственное хранение» иранский НОУ с целью его последующего обмена на ядерное топливо для Тегеранского исследовательского реактора, а в июне отказавшись поддержать резолюцию 1929 Совета Безопасности ООН, на основании которой против Ирана были введены новые, достаточно жесткие политические и финансово-экономические санкции.

Во-вторых, перед проведением переговоров Тегеран пытался внести раскол в ряды международных посредников. Для этого постоянный представитель Ирана при МАГАТЭ Али Асгар Солтание предложил своим коллегам из России и Китая, а также руководству ЕС посетить предприятия по обогащению урана в Натанзе и строившийся исследовательский тяжеловодный реактор в Араке. Но эти ядерные объекты и так хорошо контролируются инспекторами Агентства, поэтому их посещение ничего не давало, кроме демонстрации кажущейся открытости иранской ядерной программы. Учитывая это, 7 января 2011 г. от своего участия в этом мероприятии отказался ЕС.

Спустя неделю аналогичное решение приняли Китай и Россия. В целесообразности такого визита удалось убедить только дипломатов Венесуэлы и Сирии, а также представителей «Группы 77» развивающихся государств, Движения неприсоединения и Лиги арабских государств, которые 16 января посетили указанные ядерные объекты. Вместо этого представители «шестерки» международных посредников и ЕС провели встречу в Лондоне, где согласовали свои позиции по иранской ядерной проблеме.

В-третьих, за четыре дня до начала переговоров состоялся телефонный разговор президентов Дмитрия Медведева и Махмуда Ахмадинежада, в ходе которого была подтверждена важность расширения двустороннего сотрудничества, в первую очередь в сфере топливно-энергетического комплекса и транспорта. В контексте обмена мнениями по иранской ядерной проблеме было отмечено значение предстоящей встречи в Стамбуле.

19 января в Москве состоялись переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел между Мохаммадом Мехди Ахунд-заде и Сергеем Рябковым. Во время этой встречи стороны отметили важность коллективного участия в решении

проблем уничтожения ОМУ, а также полной и недискриминационной реализации международных конвенций в этой сфере. В частности, Сергей Рябков отметил, что Россия одинаково с Ираном мыслит по широкому спектру региональных и международных вопросов. Подразумевалось, по-видимому, военное присутствие НАТО вблизи национальных границ, что являлось нежелательным для обеих сторон.

В-четвертых, в преддверии переговоров посольство ИРИ в РФ развернуло мощную информационную кампанию с целью показа исключительно мирной направленности иранской ядерной программы.

В целом иранская и российская стороны сделали многое перед проведением в Стамбуле очередного раунда переговоров. Но эффективность такой деятельности оказалась достаточно низкой ввиду отсутствия доверия между ИРИ и Западом в целом. Тем не менее некоторое окно возможностей для международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы продолжало существовать. По мнению бывшего высокопоставленного сотрудника МАГАТЭ Олли Хейнонена, тогда у международного сообщества было не менее года на поиски дипломатического решения этой проблемы.

Спустя год (в конце января 2012 г.) в Брюсселе министры иностранных дел всех стран ЕС договорились о введении эмбарго на импорт нефти из Ирана и замораживании активов его Центрального банка. Причиной для этого стала не столько возможность создания в ИРИ ядерного оружия, сколько озвученная некоторыми представителями законодательной и исполнительной власти этой страны угроза перекрыть Ормузский пролив. Именно по этому проливу осуществляется экспорт 20% всей нефти и нефтепродуктов, а также значительного количества сжиженного газа.

На Западе иранскую угрозу восприняли чрезвычайно серьезно. Там учли, что ИРИ располагает 3,5 тыс. мин, в том числе донных, для постановки которых могут быть использованы военные корабли и гражданские суда, катера, самолеты и вертолеты. Осуществить минные постановки ВС Ирана могли достаточно оперативно и скрытно, а провести траление многочисленных и плотных минных заграждений, состоявших из различных по типу и времени изготовления мин, даже без огневого и авиационного воздействия со стороны противника очень сложно. По американским оценкам, для этого требовалось не менее

одного месяца. В результате чаша терпения международного сообщества была переполнена.

С февраля европейские компании перестали заключать с ИРИ новые контракты на поставки нефти. Полный запрет на такие торговые операции вступил в силу с 1 июля 2012 г. Такой шаг был крайне болезнен для ряда стран ЕС. Так, стоявшая на грани дефолта Греция 35% своих потребностей в нефти покрывала за счет поставок из Ирана. Переживавшие сложные времена Испания и Италия оказались в похожей ситуации. Но и их удалось убедить в необходимости этого шага, чего в Тегеране никак не ожидали.

Конечно, вся Европа потребляла только 20% иранского нефтяного экспорта. Если бы все ограничилось только нефтью, то экономическая ситуация в ИРИ не стала столь критичной. Но к этому добавились серьезные санкции в области страхования перевозок морских грузов и в банковской сфере, что, например, крайне затруднило сам процесс оплаты за поставленную Ираном нефть. Как следствие, в июне ежедневный экспорт иранской нефти сократился до 1,8 млн. баррелей (в 2011 г. он составлял 2,5 млн.). Причина этого заключается в том, что сокращение импорта иранской нефти Европой, Японией и ЮАР не удалось компенсировать за счет Китая, Индии и Турции. Это оказалось особенно чувствительно на фоне существенного сокращения мировых цен на сырую нефть и заявления Сеула о прекращении импорта иранской нефти ввиду нежелания страховывать танкеры за свой счет.

С другой стороны, стала меняться внутриполитическая ситуация ИРИ. В конце марта 2012 г. в Иране прошли выборы в меджлис (парламент) страны. Несмотря на призывы оппозиции их бойкотировать, явка избирателей составила 64% (одна из самых высоких за всю историю выборов в парламент). Такую активность можно расценить как вотум доверия руководству исламской республики. При этом убедительную победу одержали консерваторы – сторонники духовного лидера ИРИ Али Хаменеи, которые получили более 60% голосов избирателей¹⁴⁶. Неоконсерваторы, поддерживающие президента Махмуда Ах-

---

¹⁴⁶ Дунаева Е.В. Итоги парламентских выборов в ИРИ [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока, 16 марта 2012.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/16-03-12a.htm>.

мадинежада, получили не более 4% мест в новом парламенте. Конечно, при определенных условиях их могли поддержать независимые кандидаты (30% мест в меджлисе), но это ситуацию принципиально не меняло. Как следствие, новый парламент стал блокировать попытки президента Ахмадинежада расширить полномочия исполнительной власти и попытался взять под свой контроль деятельность правительства. По сути, это означало прекращение некоторого двоевластия в стране. Теперь основные властные рычаги перешли к духовному лидеру ИРИ.

Победа в ходе парламентских выборов позволила духовному лидеру Али Хаменеи, в том числе, взять инициативу при разрешении иранского ядерного кризиса. Так, в ходе Стамбульской встречи, которая состоялась в середине апреля 2012 г., Тегеран согласился ограничить процесс дообогащения урана с 3,5 до 20% по изотопу урана-235. Такое предложение было сделано впервые за последние годы, что было связано как с усилением власти Али Хаменеи, так и с достижением существенных успехов в реализации иранской ядерной программы, среди которых можно отметить следующие:

- начало эксплуатации высокозащищенного предприятия по обогащению урана в Фордо, его расположение внутри горы делало бессмысленным применение против него обычных средств поражения;

- накопление обогащенного до 20% урана, достаточного для обеспечения ядерным топливом Тегеранского исследовательского реактора, и изготовление для него двух тепловыделяющих сборок;

- начало производства уранового концентрата на месторождении Гчин вблизи Бендер-Аббаса в провинции Хормозган;

- выход на 90% проектной мощности Бушерской АЭС.

Адекватного ответа со стороны Запада инициатива духовного лидера ИРИ не получила. Вместо этого Запад стал настаивать на необходимости обмена НОУ, накопленного в ИРИ. Однако этот вопрос уже потерял свою актуальность.

Конечно, в интересах обеспечения ядерной безопасности было желательно осуществлять контроль над работой Тегеранского исследовательского реактора со стороны МАГАТЭ. При этом следовало учитывать, что указанный реактор имел значительную степень выгорания ядерного топлива, а иранские специалисты не обладали опытом в производстве ядерного топлива. Тем не менее иранцы убедительно показали прин-

ципиальную способность без внешней помощи осуществить процесс перезагрузки ядерного топлива для рассматриваемого реактора.

23–24 мая в Багдаде прошла новая встреча «шестерки» международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса. В ходе ее проведения выявилось существенное несовпадение позиций по вопросу запасов расщепляющегося материала и строительству новых ядерных объектов.

Как уже указывалось ранее, непосредственно перед проведением переговоров в Багдаде генеральный директор МАГАТЭ Юкия Амано посетил Тегеран, но ему не удалось договориться о проведении эффективных и беспрепятственных инспекций иранских ядерных объектов (в первую очередь его интересовал вопрос о допуске инспекторов Агентства на военный объект в Парчине), что затруднило проведение последующих переговоров.

В качестве других причин недостаточной успешности переговоров в Багдаде можно отметить следующие. Во-первых, ИРИ еще раз предложили обменять накопленный низкообогащенный уран на ядерное топливо для Тегеранского исследовательского реактора.

Во-вторых, по мнению иранской стороны, предложения, сделанные в ходе Стамбульской встречи, были в значительной степени изменены, что сделало их менее привлекательными для Тегерана. В частности, Запад отказался приостановить введенные против ИРИ односторонние чрезвычайно жесткие финансово-экономические санкции. Речь шла только о том, что против Тегерана не будут вводиться новые санкции и улучшится режим в сфере торговли путем, например, приостановки запрета ЕС на страхование морской транспортировки иранской нефти.

В-третьих, накопленные в ИРИ 6 т НОУ со степенью обогащения 3,5% и более 150 кг урана со степенью обогащения около 20% позволяли после дообогащения произвести семь ядерных боезарядов. Именно поэтому на Западе считали, что Иран должен начать выполнение Дополнительного протокола (1997 г.) и измененного кода 3.1 к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий.

В-четвертых, на Западе заявили о необходимости полного прекращения Ираном процесса дообогащения урана до 20% и установления тщательного контроля со стороны МАГАТЭ

за его ядерными объектами. В Тегеране это восприняли как ограничение собственного права на использование атомной энергии в мирных целях.

Суть сделанных Ирану предложений можно обозначить следующим образом: «прекратить, отправить и закрыть». То есть в обмен на незначительное смягчение санкций ИРИ должна была прекратить производство обогащенного до 20% урана, отправить за пределы страны накопленные запасы НОУ и закрыть производство по обогащению урана в Фордо. Очевидно, что Тегеран не пошел на такие предложения.

К середине мая 2012 г. в Иране было накоплено 146 кг гексафторида урана, обогащенного до 20%. Для обеспечения ядерным топливом Тегеранского исследовательского реактора было необходимо 177 кг такого расщепляющегося материала. Другие имевшиеся или создававшиеся в ИРИ ядерные объекты не требовали для своей работы столь высокой степени обогащения по урану-235, поэтому отсутствовали реальные причины для продолжения процесса дообогащения урана. Однако такие причины могли быть созданы искусственно путем, например, имитации строительства легководного исследовательского реактора или атомной подводной лодки (см. подраздел 1.2).

18–19 июня в Москве прошел новый раунд переговоров по иранской ядерной проблеме. По-видимому, можно говорить об относительном успехе переговоров в Москве. Во-первых, переговорный процесс не был остановлен. Во-вторых, сторонам удалось выйти на предметное обсуждение конкретных предложений, выдвинутых как «шестеркой», так и Ираном. Ранее все ограничивалось взаимными обвинениями или обсуждением вопросов, не имевших прямого отношения к иранской ядерной программе.

Тем не менее в ходе переговоров было подтверждено существенное недопонимание между сторонами. Так, на Западе не могли смириться с тем, что на территории ИРИ остаются значительные запасы расщепляющегося материала и продолжается процесс дообогащения урана. В Тегеране надеялись, что международное сообщество признает право иранцев на обогащение урана вопреки действующим резолюциям Совета Безопасности ООН и, как минимум, смягчит введенные против них финансово-экономические санкции, в первую очередь со стороны ЕС. Такой подход не способствовал поиску возможного компромисса. Помимо этого продолжались провокационные

заявления иранских высокопоставленных политиков и военных, а инспектора МАГАТЭ обнаружили на предприятии по обогащению урана в Фордо частицы урана, обогащенного до 27% (такой уран считается высокообогащенным).

Учитывая вышеизложенное, все более важное значение приобретал временной фактор: в сентябре 2012 г. началось выдвижение основных кандидатов на пост президента США, а в весной следующего года стартовала аналогичная избирательная кампания в ИРИ. За оставшиеся до этого времени месяцы стороны так и не смогли договориться, что привело к паузе в переговорном процессе до февраля 2013 г. Как следствие, ядерный кризис продолжал усугубляться. Ярким подтверждением этого стало принятие 20 июля меджлисом (парламентом) ИРИ законопроекта о перекрытии Ормузского пролива¹⁴⁷ (за него проголосовали 150 из 290 депутатов) в том случае, если ЕС не отменит санкции, введенные против Тегерана 1 июля 2012 г.¹⁴⁸

В качестве ответной реакции с 16 по 27 сентября 2012 г. Объединенное центральное командование ВС США провело в Персидском заливе Международные учения IMCMEX-12, посвященные отработке задач поиска (траления) морских мин и подводных самодельных взрывных устройств. В них приняли участие порядка 3 тыс. военнослужащих из 33 стран¹⁴⁹.

Следует заметить, что в результате введенных тогда ЕС, США и рядом других государств санкций на закупку, транспортировку, финансирование и страхование иранской нефти объемы ее экспорта сократились до 1,5 млн. баррелей в сутки, что уменьшило валютные поступления на 50 млрд. долл. в год. За первую половину 2012 г. падение курса иранского риала соста-

---

¹⁴⁷ Согласно этому законопроекту, иранский флот должен был топить в Ормузском проливе любое судно тех государств, которые поддержали санкции против ИРИ, введенные ЕС с 1 июля 2012 г.

¹⁴⁸ Иранская ядерная программа в 2008 г. [Электронный ресурс] // Информационный сайт NEWSru.com. М., 20 июля 2012.

<http://newsru.com/world/20jul2012/ormuz.html>.

¹⁴⁹ Военные различных государств завершили учения по борьбе с минными заграждениями [Электронный ресурс] // Штаб-квартира Центрального командования ВС США. Тампа (США), 27 сентября 2012.

<http://www.centcom.mil/ru/press-releases/international-militaries-conclude-mine-countermeasures-exercise>.

вило 38%. Как следствие, значительно повысилась стоимость продуктов первой необходимости. Так, для многих иранских семей покупка даже куриного мяса стала затруднительной. По-видимому, такое развитие событий для руководства ИРИ стало неожиданностью, что и привело к принятию указанного законопроекта.

Конечно, даже вступление в силу закона о перекрытии Ормузского пролива (чего так и не произошло в действительности) не требовало от ВС ИРИ немедленной его реализации. Имея ограниченные возможности, иранские военно-морские силы не могли противостоять 5-му оперативному флоту США, в составе которого находилось около 20 боевых кораблей, включая авианосец, экспедиционную ударную группу, минно-тралльные и вспомогательные силы. Многие надводные корабли и подводные лодки, действовавшие в составе флота, были оснащены крылатыми ракетами типа «Томагавк», способными поражать как морские, так и расположенные далеко от берега цели. Корабельные соединения имели мощную систему противовоздушной и противоракетной обороны, позволявшую успешно бороться с современными средствами нападения. В составе 5-го флота США находилось до 20 тыс. личного состава на боевых кораблях и вспомогательных судах и около 3 тыс. чел. в различных береговых службах¹⁵⁰.

Иранские ВМС имели большое количество ракетных катеров и малых (сверхмалых) подводных лодок. Они располагали береговыми ракетными и артиллерийскими комплексами, авиацией и подготовленными морскими диверсантами. Однако все это было уязвимо для американских средств воздушного (ракетного) нападения и ведения противолодочной борьбы. В связи с этим иранцам в случае принятия соответствующего политического решения пришлось бы пойти лишь на скрытное минирование Ормузского пролива.

Нужно заметить, что для Вашингтона перекрытие Ормузского пролива служило такой «красной линией», после пересечения которой следовало применить против Тегерана силу. И это не является случайным, через указанный пролив ежедневно вывозится от 17 до 19 млн. баррелей нефти и до 95 млн. куб. м сжиженного природного газа. Руководство ИРИ это отчетливо

---

¹⁵⁰ Федоров В. 5-й оперативный флот – на острие внешней политики США // Зарубежное военное обозрение. М., 2012. № 2. С. 83–86.

понимало, поэтому рассматривало перекрытие Ормузского пролива как крайнюю меру в случае полного прекращения экспорта иранской нефти. В результате дальше взаимных угроз дело не дошло. Это позволило в середине осени, когда в США прошли президентские выборы, несколько снизить остроту американо-иранских противоречий.

Помимо этого, в качестве другой «красной линии» американцы рассматривают создание Ираном ядерного оружия. Согласно отчету разведслужб США «Оценка национальной разведкой ситуации в Иране», представленному в августе 2012 г., полагалось, что «по-прежнему есть время и возможность решить иранскую ядерную проблему дипломатическим путем через международное давление на власти Ирана». В отчете также утверждалось, что «Иран не приблизится к созданию ядерного оружия в ближайшем будущем»¹⁵¹. Это способствовало диалогу между Вашингтоном и Тегераном.

Несколько иной точки зрения придерживались в Израиле. Там не верили в возможность дипломатического решения иранской ядерной проблемы и считали, что подготовка к проведению ядерного испытания является «красной линией». Как следствие, не стоит сомневаться, что получив такую информацию и убедившись в ее достоверности, Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) с высокой степенью вероятности нанесет удар по иранским ядерным объектам, вне зависимости от мнения Вашингтона по этому вопросу.

Некоторые высокопоставленные военные и бывшие руководители спецслужб Израиля тогда выступили против самостоятельного, без поддержки со стороны США, ракетно-бомбового удара по Ирану. Так, начальник Генерального штаба ЦАХАЛ генерал-лейтенант Бени Ганц полагал, что возможности израильской армии по уничтожению иранских ядерных объектов ограничены, поэтому Израиль не сможет силой остановить ядерную программу ИРИ. Помимо этого, он обратил внимание на неготовность израильского тыла к массированному обстрелу иранскими баллистическими ракетами, а также на возможность утраты потенциала сдерживания в случае неудачной атаки ядерных объектов ИРИ. По мнению бывшего руководителя

---

¹⁵¹ Разведка США: Иран по-прежнему далек от создания ядерного оружия // РБК. М., 10.08.2013.

военной разведки Израиля (АМАН) генерал-майора запаса Аарона Фаркаш-Зеэви, такая атака приведет к выходу ИРИ из ДНЯО и сплочению иранцев вокруг действующей власти¹⁵².

Стараясь удержать Израиль от ракетно-бомбового удара, США активно участвовали в кибервойне против ИРИ, частично финансировали создававшуюся в Израиле многоуровневую систему противоракетной обороны, оказывали значительную военную помощь путем безвозмездной поставки современных образцов вооружений и военной техники. Все это не гарантировало согласования срока израильского удара по иранским объектам, но предполагало, как минимум, краткосрочное уведомление американской стороны перед таким ударом.

Рассмотрим далее нынешнее состояние переговорного процесса по урегулированию иранского ядерного кризиса.

4.4. Текущее состояние переговорного процесса

Вторая победа Барака Обамы на президентских выборах (2012 г.) не могла привести к существенному изменению внешнеполитического курса США по отношению к ИРИ. Тем не менее со стороны Вашингтона была высказана инициатива провести прямые американо-иранские переговоры. Однако Тегеран не увидел в этом необходимости и решил дождаться формирования в Вашингтоне новой администрации. Как следствие, возникла пауза в развитии американо-иранских отношений.

Очередной раунд переговоров ИРИ и «шестерки» международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы состоялся 27 февраля 2013 г. в Алматы (Казахстан). Тогда Ирану мало что пообещали в отношении смягчения финансово-экономических санкций: только ослабление запрета на оплату золотом экспортаемой нефти и нефтехимической продукции. При этом ничего не было предложено в нефтегазовом секторе, представлявшем для Тегерана наибольший интерес. Считалось, что этого достаточно для создания атмосферы доверия на переговорах и уменьшения оснований для Израиля (США) задуматься о возможных вариантах военных действий

---

¹⁵² Бывшие руководители спецслужб: Израиль готов атаковать // Едиот Ахронот. Тель-Авив, 05.08.2012.

против ИРИ. Вопрос об оставшихся запасах иранского НОУ, не имеющего гражданского применения в обозримом будущем, а также о тяжеловодном исследовательском реакторе в Араке собирались рассмотреть на следующей стадии переговоров.

В ходе этой встречи Иран предложил обсуждать только возможность приостановки процесса дообогащения урана до 20%. Взамен он хотел получить отмену всех санкций и признания права на обогащение урана.

Ряд западных экспертов считает, что Ирану следует предоставить право на обогащение урана. В этом предложении есть своя логика, так как оно предусматривает некоторый уровень обогащения урана на территории ИРИ. Только это позволит иранскому руководству представить достигнутую договоренность внутри собственной страны как свою победу.

В начале апреля там же в Алматы переговоры были продолжены. Информация об их итогах крайне скучна. Известно, что раунд прошел достаточно успешно и продуктивно, но позиции сторон сблизить не удалось.

По окончании переговоров секретарь ВСНБ ИРИ Саид Джалили отметил, что стороны обсудили вопрос о возможности прекращения в Иране процесса обогащения урана. По-видимому, преувеличивая эффективность введенных против Тегерана финансово-экономических и политических санкций, Запад стал настаивать на полном прекращении этого процесса либо запрещении дообогащения урана с 5 до 20% по урану-235. Одновременно был поставлен вопрос о закрытии подземного предприятия по обогащению урана в Фордо.

Такой подход не выглядит разумным. И причина этого состоит не в том, что ИРИ создает атомную бомбу. На самом деле речь идет лишь о научно-техническом потенциале в ядерной сфере, которым, например, обладают Япония или Бразилия. При наличии хороших отношений с США никто бы на это не обратил серьезного внимания. В условиях же жесткого противостояния ядерная проблема становится для Вашингтона рычагом воздействия, а для Тегерана — гарантией, что не будут предприняты силовые меры по свержению нынешнего режима. Как следствие, в ходе переговоров представитель ИРИ поднял вопрос о враждебности к иранскому народу.

Несомненно, что Договор о нераспространении ядерного оружия не отказывает его участникам в праве на обогащение урана. Однако потребность реализации такой программы в ИРИ

экономически плохо обоснована. Подобное имеет место и по отношению к Тегеранскому исследовательскому реактору, для работы которого накоплено достаточное количество обогащенного до 20% урана. Продолжение этого процесса может свидетельствовать о военной направленности иранской ядерной программы.

С формальной точки зрения в Тегеране соглашались пойти на приостановку процесса дообогащения урана до 20% с целью повышения степени взаимного доверия, но требовали отмены всех односторонних санкций и признания своего права на обогащение урана. Последнее противоречило принятым резолюциям Совета Безопасности ООН, поэтому вряд ли могло быть принято со стороны международного сообщества до отмены (приостановки действия) этих резолюций.

По-видимому, уже тогда «шестерка» международных посредников должна была согласиться на приостановку в ИРИ процесса дообогащения урана с 5 до 20%, что, по сути, ограничивало количество урана, обогащенного до 20% (как показано в подглаве 1.3, такой ядерный материал можно достаточно быстро дообогатить до оружейного уровня), и исключало саму возможность дальнейшего повышения степени обогащения урана. Именно это являлось главной целью для международного сообщества, так как устанавливало явный предел для развития иранской ядерной программы. Все же остальное – количество газовых центрифуг и их тип, объемы производства уранового концентрата, гексафторида урана и урана со степенью обогащения до 5% – не имело столь принципиального значения.

При указанном ограничении на количество 20% обогащенного урана ИРИ не сможет относительно быстро создать атомную бомбу в рамках урановой программы (плутониевая программа в Иране пока лишь ограничивается созданием тяжеловодного исследовательского реактора в Араке). Останется лишь контролировать этот процесс с помощью установленного инспекторами МАГАТЭ оборудования на иранских ядерных объектах и проводить внеплановые их инспекции. Тегеран от такого сотрудничества не отказывается, что является залогом мирной направленности его ядерной программы.

Вместо этого в Алматы Запад предложил Тегерану незначительное смягчение ранее введенных санкций в ответ на допуск инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчине и полное прекращение работ по дообогащению урана до 20%. Такой

подход, основанный на завышенных ожиданиях и недостижимости последнего требования, сразу приостановил переговорный процесс. В результате не удалось добиться ничего, кроме повышения меры взаимного доверия, лучшего понимания занимаемых позиций и согласия продолжить переговоры. И это при том, что добиться посещения указанной военной базы было вполне реальным при сравнительно небольших уступках со стороны Запада.

По мнению известного американского эксперта Марка Фитцпатрика, «по прошествии десяти лет с начала иранского ядерного кризиса нерешенной остается основополагающая проблема: ИРИ стремится обрести способность быстро произвести ядерное оружие, а международное сообщество, представленное Советом Безопасности ООН, стремится не допустить этого». По его мнению, этим и объясняется настойчивость, с которой СБ ООН в шести резолюциях и Совет управляющих МАГАТЭ в еще большем числе резолюций требуют от ИРИ приостановить всю деятельность, связанную с обогащением урана»¹⁵³. Такой подход больше отражает американскую позицию, так как исходит из того, что в Тегеране уже приняли решение о создании ядерного оружия. В России большинство экспертов придерживается противоположной точки зрения.

15–16 октября 2013 г. в Женеве после длительного перерыва вновь прошли переговоры представителей ИРИ с «шестеркой» международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса. В этих переговорах приняли участие Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон, министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Зариф и представители «шестерки» на уровне заместителей министров иностранных дел¹⁵⁴.

От прошедших переговоров ожидали многоного, так как президент Роухани практически полностью сменил команду перего-

---

¹⁵³ Фитцпатрик М. Рост ядерного оружейного потенциала Ирана // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, Монре, 2013. М.: Национальный институт корпоративной реформы, 2013. С. 63.

¹⁵⁴ Рябков прибыл в Женеву для участия в переговорах Ирана и «шестерки» 15–16 октября // ИТАР-ТАСС. М., 15.10.2013.

ворщиков, а ранее неоднократно заявлял о желании Тегерана разрешить все имевшиеся у международного сообщества вопросы в ядерной сфере в течение шести месяцев. Однако в ходе переговоров «революционного прорыва» не произошло, хотя стороны и продемонстрировали нацеленность на разрешение иранской ядерной проблемы.

Как отмечает известный иранист Владимир Сажин, в центре внимания этих переговоров стал предложенный Тегераном план под названием: «Конец ненужного кризиса и начало новых горизонтов». Указанный план включает следующие требования к Западу:

- 1) «шестерка» международных посредников признает право Тегерана на обогащение урана;
- 2) Иран получает право на обладание ядерными технологиями в мирных целях;
- 3) с ИРИ снимаются все односторонние и приостанавливаются международные санкции¹⁵⁵.

В целом эти требования не вызывают серьезных возражений. Однако санкционные меры были введены международным сообществом именно для того, чтобы побудить Тегеран к выполнению требований Совета Безопасности ООН и МАГАТЭ. После их выполнения такие санкции, конечно, должны быть сняты, но нужно согласовать соответствующий механизм. Причем в силу огромного количества причин все односторонние санкции, а тем более сразу в принципе снять нельзя (в отношении санкций СБ ООН ситуация еще хуже). Как следствие, американцы заявили, что санкции могут быть смягчены пропорционально предложениям, которые Иран положит на стол переговоров, и на основании конкретных действий иранского правительства.

Одновременно с требованиями Иран сделал достаточно серьезные предложения. Во-первых, он проинформировал о своей готовности приостановить процесс обогащения урана с 5 до 20%. Во-вторых, Тегеран согласился не наращивать количества имеющихся газовых центрифуг и обсудить с международным

---

¹⁵⁵ Сажин В. Эксперт: разрешение иранской ядерной проблемы должно быть поэтапным [Электронный ресурс] // Голос России. М., 17.10.2013. http://rus.ruvr.ru/2013_10_17/LEkspert-razreshenie-iranskoy-jadernoj-problemi-dolzhno-bit-pojetapnim-6074/.

сообществом формы контроля над иранскими ядерными объектами. В-третьих, ИРИ согласилась выполнять требования подписанного, но не ратифицированного меджлисом (парламентом страны) Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. В-четвертых, Тегеран готов отказаться от излишков урана, обогащенного до 20%, но без вывоза его за рубеж¹⁵⁶. По-видимому, речь идет о его складировании на территории ИРИ и установлении международного контроля за таким ядерным материалом.

Из этих предложений наибольший интерес для международного сообщества вызывают вопросы приостановки процесса дообогащения урана и выполнения Тегераном требований Дополнительного протокола (1997 г.). В частности, последнее предполагает внезапные проверки инспекторами МАГАТЭ всех иранских объектов, даже не задекларированных как ядерные.

Возможны два сценария дальнейшего развития событий. Первый – это пакетное соглашение между ИРИ и Западом: иранцы обеспечивают полную открытость своей ядерной программы, за что с них сразу снимают все санкции. Такой подход трудно реализуем ввиду чрезвычайно высокого уровня взаимного недоверия и обширности введенных против Тегерана санкций со стороны СБ ООН, ЕС, США и их союзников.

Помимо этого, указанный подход основан на максимализме иранцев, уставших жить под мощным давлением односторонних санкций. Однако «шестерка» международных посредников старается перестраховаться на тот случай, что приостановка ЕС финансовых и нефтяных санкций лишит их реальных рычагов давления на Тегеран при проведении дальнейших переговоров по выработке с ним долгосрочного соглашения.

С другой стороны, иранские переговорщики не могут не учитывать тот факт, что многие представители правящей элиты ИРИ согласны на серьезные уступки Западу только в обмен на полное снятие всех санкций.

Второй сценарий – это подход, основанный на «поэтапности и взаимности». Его реализация достаточно сложна, так как

---

¹⁵⁶ Комментарий Иран.ру [Электронный ресурс] // Российское информ. агентство «Iran.RU», 17.10.2013.

http://www.iran.ru/news/analytics/90631/Zheneva_i_iranskiy_atom_Novye_nadezhdy_i_novye_slozhnosti.

Запад настойчиво требует от ИРИ первых, то есть односторонних шагов в отношении национальной ядерной программы. В качестве таких шагов рассматривается, например, приостановка процесса дообогащения урана до 20% и допуск инспекторов МАГАТЭ на военную базу Парчин. В обмен на это Запад готов пойти лишь на символическое смягчение санкций, что не может устраивать иранское руководство.

Серьезная проблема наблюдается и в отношении восприятия каждой стороной ценности собственных шагов. Это неизбежно удлиняет процесс переговоров и усиливает взаимную подозрительность.

Существуют и другие факторы, которые препятствуют разрешению иранского ядерного кризиса. Среди них бывший посол Великобритании в Исламской Республике Иран Ричард Далтон отмечал следующие¹⁵⁷:

1. Двойственность проводимой политики.

Запад в целом серьезно подорвал к себе доверие Тегерана, когда «параллельно с заявлениями об отсутствии предубеждения в отношении иранского народа, нефтяными и финансовыми санкциями подталкивал к кризису экономику» ИРИ, искусственно создавал дефицит некоторых лекарств и товаров первой необходимости, участвовал в кибервойне и осуществлял диверсионные операции¹⁵⁸.

Иран, со своей стороны, в ходе переговоров порой делал серьезные предложения в отношении ядерной программы, но полностью их обесценивал требованиями несоизмеримых уступок по вопросам санкций и нормализации отношений с МАГАТЭ.

2. Отсутствие единства позиций всех сторон, вовлеченных в разрешение ядерного кризиса.

Россия и Китай придерживаются разумного подхода, предполагающего поэтапное разрешение иранского ядерного кризиса. В случае его реализации ИРИ получит обычную для государства-члена ДНЯО, но строго контролируемую программу развития атомной энергетики, включающую обогащение урана для будущих энергетических реакторов. Однако Запад продолжает настаивать на полном прекращении, как минимум, про-

¹⁵⁷ Далтон Р. Ядерные переговоры с Ираном: уроки 10 лет неудач // Ядерный клуб. М., 2013. № 1–2.

¹⁵⁸ Ibid.

цесса дообогащения урана в соответствии с действующими резолюциями Совета Безопасности ООН. В этих условиях Иран не уверен, что даже в случае полной открытости ядерной программы к нему будет такое же отношение международного сообщества, как к другим государствам, владеющим технологиями обогащения урана.

Отсутствует единство и внутри иранского общества, что является следствием противоречий между существующими центрами влияния: духовным лидером, правительством, КСИР, меджлисом (парламентом) и вооруженными силами.

3. Неготовность политических элит предоставить дипломатам достаточные полномочия для заключения долгосрочного соглашения.

Существует высокая вероятность того, что в случае выхода на конкретные соглашения иранских переговорщиков обвинят в предательстве идеалов Исламской Революции. Подобные ограничения действуют и внутри «шестерки» международных посредников, что обусловлено «громоздкими координационными механизмами, предвыборными соображениями и чрезвычайно чувствительным израильским фактором»¹⁵⁹.

4. Недостаточная уверенность Запада в возможности разрешения иранского ядерного кризиса дипломатическим путем.

Многие американские эксперты считают, что в лучшем удастся заключить соглашение по начальному этапу нормализации отношений, что лишь отложит решение этой проблемы. В Израиле вообще сомневаются в самой возможности ее дипломатического урегулирования, поэтому требуют полного прекращения процесса обогащения урана и вывоза за пределы ИРИ накопленных запасов ядерного материала. В результате крайне тяжело добиться согласия всех сторон на ядерный компромисс с Ираном по принципу «доверяй, но проверяй» и вовлечение ИРИ в разрешение региональных проблем.

5. Озабоченность Ирана и других расположенных в регионе стран вопросами собственной безопасности.

На Ближнем и Среднем Востоке нет коллективных механизмов безопасности, а существующая напряженность усугубляется военными программами всех участничающих сторон. Так, разработка и принятие на вооружение в ИРИ баллистических ракет

---

¹⁵⁹ Ibid.

малой и средней дальности привели к созданию системы противоракетной обороны Израиля и ряда аравийских монархий.

Учитывая вышеизложенное, хотелось бы верить, что, как утверждает директор российского Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров, Иран действительно готов к поэтапной отмене санкций¹⁶⁰. Только в этом случае возможен прогресс на переговорах ИРИ с «шестеркой» международных посредников.

Следует заметить, что по итогам прошедших переговоров заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков заявил, что «Россия удовлетворена тем, на какой ноте и с каким результатом закончился нынешний раунд, но можно было достичь большего результата». С его точки зрения, «половодов аплодировать нет. Можно было сработать и лучше. Но сравнение с Алма-Атой (где прошли предыдущие переговоры с Ираном) в пользу Женевы»¹⁶¹. В то же время был отмечен низкий уровень взаимного доверия между «шестеркой» международных посредников и Ираном.

Принципиально иной (излишне жесткой) на этих переговорах выглядела позиция французского представителя, «не увидевшего» в иранских предложениях «ничего принципиально нового»¹⁶². Скорее всего, она была обусловлена израильским влиянием, что в дальнейшем затруднит проведение переговоров с иранской стороной.

В целом Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон отметила, что на прошедших в Женеве переговорах сторонам удалось представить свои позиции по большому количеству вопросов «с такой детализацией, которой не было прежде». В то же время она считает, что «пока будет причина для санкций, они оста-

---

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Сажин В. Эксперт: разрешение иранской ядерной проблемы должно быть поэтапным [Электронный ресурс] // Голос России. М., 17.10.2013. http://rus.ruvr.ru/2013_10_17/JEkspert-razreshenie-iranskoy-jadernoj-problemi-dolzhno-bit-pojetapnim-6074/.

¹⁶² Комментарий Иран.ру [Электронный ресурс] // Российское информ. агентство «Iran.RU», 17.10.2013.

http://www.iran.ru/news/analytics/90631/Zheneva_i_iranskiy_atom_Novye_nadezhdy_i_novye_slozhnosti.

нутся. Только когда мы увидим реальные изменения, будет возможность пересмотреть режим санкций»¹⁶³.

На 7–8 ноября 2013 г. был запланирован новый раунд переговоров. Трудно надеяться, что он будет прорывным ввиду сложности реализации принципа «поэтапности и взаимности», глубокого недоверия между ИРИ и Западом, большого количества технических и политических проблем, а также наличия в американском и иранском руководстве противников как сближения ИРИ и США, так и решения ядерной проблемы в целом. Однако существует некоторая надежда, что удастся согласовать «дорожную карту» для дальнейшей работы по устранению существующих разногласий. Это подтверждают слова заместителя министра иностранных дел ИРИ Аббаса Аракчи: «Мы встали на тот путь, который позволит сблизить позиции»¹⁶⁴.

Таким образом, последние годы переговорный процесс между Тегераном и «шестеркой» международных посредников по урегулированию иранского ядерного кризиса шел крайне трудно, что было обусловлено завышенными ожиданиями заинтересованных сторон и их излишне жесткими позициями, исключающими поиск взаимного компромисса. В дальнейшем многое будет зависеть от Ирана и США. Если в Тегеране действительно пойдут на реализацию принципа «поэтапности и взаимности» и проявят готовность к диалогу с МАГАТЭ, а в Вашингтоне осознают бесперспективность курса на перманентное ужесточение санкций и согласятся на приостановку процесса дообогащения урана с 5 до 20%, в совокупности с другими шагами по повышению мер взаимного доверия, то прогресс на переговорах возможен, что полностью отвечает интересам европейских союзников США. В противном случае

---

¹⁶³ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (14–20 октября 2013 года) [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 21 октября 2013.

<http://www.iimes.ru/?p=18482>.

¹⁶⁴ Сажин В. Эксперт: разрешение иранской ядерной проблемы должно быть поэтапным [Электронный ресурс] // Голос России. М., 17.10.2013. http://rus.ruvr.ru/2013_10_17/LEkspert-razreshenie-iranskoy-jadernoj-problemi-dolzhno-bit-pojetapnim-6074/.

международное сообщество может продолжить движение к силовому решению иранского ядерного кризиса с непредсказуемыми последствиями.

В связи с этим следует обратить внимание на реакцию американской стороны на успешное окончание в середине сентября 2013 г. переговоров в Женеве между министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и государственным секретарем США Джоном Керри по вопросу постановки сирийского химического оружия под международный контроль. Практически сразу после этого президент США Барак Обама заявил, что подход его администрации к решению проблемы сирийского химического оружия должен показать Тегерану преимущества дипломатического решения проблем перед военным. Однако он также сказал, что Ирану не следует думать, что США в случае необходимости не смогут нанести по нему удар. При этом в Вашингтоне учитывают, что стремление иранцев обрести ядерное оружие является «гораздо более важной проблемой», нежели использование химического оружия в Сирии. При такой постановке вопроса крайне сложно отрицать саму возможность попытки силового разрешения иранского ядерного кризиса¹⁶⁵ даже при президентах Обаме и Роухани.

---

¹⁶⁵ Б.Обама: Решение по Сирии должно стать дипломатическим уроком для Ирана // РБК daily, 15.09.2013.

Глава 5.

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОГО КРИЗИСА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОУХАНИ

5.1. Взгляды Хасана Роухани на ядерную программу

Нынешний президент ИРИ Хасан Роухани имеет чрезвычайно богатый жизненный опыт. Он родился 12 ноября 1948 г. в городе Сорхе на севере Ирана в семье, которая не поддерживала политику шаха Мохаммада Резы Пехлеви. С 12 лет Роухани изучал ислам сначала в Семнанской семинарии, потом в священном городе Кум. Параллельно с религиозным он получил светское образование в Тегеранском университете, где он стал бакалавром юридических наук.

Активно окунувшись в Исламскую Революцию и заняв в ИРИ высокие посты, он продолжал свое образование. Так, в 1995 г. в Каледонском университете в Глазго (Шотландия) он защитил магистерскую диссертацию на тему «Исламская законодательная власть на примере опыта Ирана». Спустя четыре года в этом же университете Хасан Роухани получил ученую степень доктора философии в области государственного права.

Следует заметить, что уже в 1965 г. Хасан Роухани начал борьбу против шаха Пехлеви. Его арестовывали, запрещали публичные выступления. В 1977 г. ему пришлось эмигрировать, и Роухани присоединился к находившемуся тогда в Париже аятолле Хомейни. После победы Исламской Революции ему была поручена реорганизация иранской армии¹⁶⁶. В годы ирано-иракской войны Хасан Роухани входил в состав Высшего совета обороны, командовал силами противовоздушной обороны Ирана и был заместителем главнокомандующего вооруженными силами.

По свидетельству многих знающих его людей, Хасан Роухани является изысканным и высокопрофессиональным интеллектуалом. Он владеет арабским и английским, возможно, французским

---

¹⁶⁶ Персидский код // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 24–25.

и немецким языками. Роухани написал значительное количество книг и статей, посвященных проблемам национальной и глобальной безопасности, внешней и внутренней политики ИРИ, ядерной программе страны, а также вопросам шиитского богословия.

В 1992 г. Хасан Роухани возглавил Центр стратегических исследований при Совете по целесообразности принимаемых решений (аналитический и консультативный орган аппарата духовного лидера ИРИ). Неоднократно избирался в меджлис, возглавлял парламентский комитет по оборонной политике и комитет по иностранным делам, а в 1992–2000 гг. был вице-спикером меджлиса.

В 1989–2005 гг. Роухани являлся секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана. В это время он получил дипломатический опыт: при президенте Хатами, как уже указывалось, он представлял Иран на переговорах по ядерной программе. После этого стал представителем Верховного лидера Ирана Али Хаменеи в ВСНБ.

До последнего времени Роухани являлся редактором трех серьезных ежеквартальных журналов, посвященных научным и стратегическим исследованиям, а также вопросам внешней политики. Среди написанных Хасаном Роухани книг можно отметить следующие:

а) на персидском языке – «Национальная безопасность и ядерная дипломатия» (октябрь 2011 г.), «Национальная безопасность и экономическая система Ирана» (август 2010 г.), «Исламское политическое мышление. Том 1–3. Концептуальные основы. Внешняя политика. Вопросы культуры и социальной жизни» (декабрь 2009 г.), «Мемуары Доктора Хасана Роухани. Том. 1. Исламская Революция» (2008 г.), «Повествование предвидения и надежды» (2013 г.), «Введение в историю шиитских имамов» (2012 г.), «Правосубъектность и ответственность» (октябрь 2012 г.), «Представление исламских стран» (2008 г.), «Исламская Революция; причины и вызовы» (1997 г.), «Характеристика политического мышления Имама Хомейни» (1999 г.), «Роль семинарии в воспитании морали и политического развития общества» (ноябрь 2011 г.), «Национальная безопасность и внешняя политика» (находится в печати), «Национальная безопасность и окружающая среда» (находится в печати), «Мемуары Доктора Хасана Роухани. Том. 2. Священная оборона» (находится в печати);

б) на английском языке – «Исламская законодательная власть» (1994 г.) и «Гибкость шариата; исламский закон» (1996 г.).

Помимо этого находится в печати ряд книг религиозной направленности на арабском языке¹⁶⁷.

Как отмечает американский эксперт Патрик Клосон из Вашингтонского института ближневосточной политики, общедоступны 10 написанных Хасаном Роухани книг и свыше 50 статей, которые в общем содержат более 7 тыс. страниц. Такие его произведения, как, например, книга «Национальная безопасность и экономическая система Ирана» или статья «Политика Хомейни в области национальной безопасности и внешней политики», достаточно трудны для своего восприятия, в том числе из-за большого объема (указанная книга содержит 860 стр., а статья – 60 стр.). Среди трудов Роухани особое место занимает книга «Национальная безопасность и ядерная дипломатия», опубликованная в 2011 г. на персидском языке. В ней выражены взгляды автора в ядерной сфере¹⁶⁸. В частности, Хасан Роухани подробно описал, какой вклад он внес в разрешение иранской ядерной проблемы за последние 24 года, включая непосредственное участие в переговорах с «большой тройкой» ЕС и представителями других государств в 2003–2005 гг. в качестве секретаря ВСНБ ИРИ. При этом отмечено, что ядерная проблема стала центральной в его политической карьере.

По словам Роухани, при возобновлении иранской ядерной программы в середине 1980-х сразу было решено создавать полный (в иранском понимании, см. подглаву 1.1) ядерный топливный цикл, который позволил бы, в том числе, производить высокообогащенный уран. При этом автор не сомневается в важности ядерных технологий для собственной страны, но старается уходить от рассмотрения вопроса экономической обоснованности их освоения. Такой подход является вполне разумным ввиду сложности подобного обоснования, если исходить только из принципа экономической целесообразности.

Далее Хасан Роухани показал те сложности, с которыми столкнулась страна в 1988–1989 гг., когда попыталась полу-

---

¹⁶⁷ Dr. Hassan Rouhani. Center for Strategic Research. Tehran.

<http://www.csr.ir/departments.aspx?abtid=09&depid=106&Ing=en&semid=283>.

¹⁶⁸ Clawson P. Rouhani's Nuclear Views: An Open Book? Policywatch 2093. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. June 19. <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/rouhanis-nuclear-views-an-open-book>.

чить иностранную помощь в ядерной сфере. Китай, например, не стал строить в ИРИ завод по обогащению урана как составную часть ЯТЦ и сооружать АЭС на основе двух энергетических реакторов по 360 МВт в Дарховине. Аналогичную позицию заняли тогда и в Москве, так как не хотели передавать Тегерану чувствительные в области ядерного распространения технологии обогащения урана. С подобной просьбой в 1988–1990 гг. иранское руководство обратилось и к премьер-министру Пакистана Беназир Бхутто, но тоже получило отказ.

В таких условиях Тегеран был вынужден обратиться за нужными ядерными технологиями к частным компаниям: вначале в Германии, а затем в Швейцарии. Так он вышел на «черный» рынок ядерных материалов и технологий пакистанского ученого Абдул Кадир Хана, где смог закупить две уже бывшие в употреблении газовые центрифуги малой мощности Р-1. Далее по этому же каналу ИРИ закупила сотни таких центрифуг в разобранном виде, но, не смогла запустить их в работу из-за отсутствия необходимого технического опыта¹⁶⁹. По словам Хасана Роухани, только в ходе более позднего расследования со стороны МАГАТЭ выяснилось, что эти центрифуги имели пакистанское происхождение.

Рассматриваемая книга содержит большое количество подробностей о переговорах по ядерной проблеме в период 2003–2005 гг., когда Роухани представлял иранскую сторону. В частности, Роухани отмечает следующее: «Я обратился (2003 г.) к президенту Хатами и известил его о проблемах в переговорах, о своем собственном мнении и мнении экспертов. Он сказал: «Действуй по обстоятельствам, но избегай провала переговоров». Затем я обратился в кабинет Верховного лидера и изложил детали обсуждения и попросил известить меня о его мнении. Однако ответа не последовало. Поэтому та ситуация дала некоторую возможность для маневрирования по формулированию проекта договора»¹⁷⁰. Позднее за принятное решение Хасан Роухани попал под сильный огонь критики внутри страны, в том числе со стороны Верховного лидера¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ У автора настоящей монографии на этот вопрос есть отличное от Хасана Роухани мнение. Оно подробно изложено в подглаве 1.1.

¹⁷⁰ Rouhani H. National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council. Center for Strategic Research. Tehran, 2011. P. 181.

¹⁷¹ Great Expectations: Iran's New President and the Nuclear Talks. Crisis Group Middle East Briefing. No. 36. Washington/Brussels. 2013. Aug. 13. P. 11.

Роухани также отмечает, насколько ему было сложно вести переговоры: «Из-за давления внутри страны и пессимистического взгляда по поводу международных отношений, делегация по переговорам (Ирана) должна была согласовывать каждый шаг с вышестоящими официальными лицами. Многие полагали, что (иранская) делегация обладает всеми полномочиями, но в реальности это было не так»¹⁷². «К сожалению, некоторые ожидали, что ядерный вопрос будет решен в течение нескольких месяцев. Но мне было сразу понятно, что такая сложная проблема не может быть решена за короткий срок»¹⁷³.

Помимо этого, Хасан Роухани вынужден констатировать: «Судя по опыту, жесткие решения и обслуживание политических интересов одной группы подрывает национальные интересы и наносит ущерб стране. Во время переговоров по ядерной тематике я многократно наблюдал критику, направленную на решение сугубо политических вопросов»¹⁷⁴.

С другой стороны, уже в декабре 2003 г. Хасан Роухани в одной из своих статей написал следующее: «Фундаментальный принцип в отношениях Ирана с Америкой - это национальная сила. Сила в политике, культуре, экономике и обороне – особенно в области передовых технологий – это основа для сохранения и всестороннего развития системы, что заставит противника сдаться». Эта цитата показывает Роухани как идеолога и защитника нынешней формы правления ИРИ. По мнению американского эксперта Стивена Дитто из Вашингтонского института ближневосточной политики, это красной нитью проходило на протяжении всей его жизни, стало ярким проявлением его деятельности в рамках политической карьеры и ведущей силой его риторики, что определяет нынешнюю мотивацию действий Хасана Роухани¹⁷⁵.

Несомненно, что Роухани являлся единоличным архитектором Парижских соглашений, которые в 2004 г. удалось заключить

---

¹⁷² Rouhani H. National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council. Center for Strategic Research. Tehran. 2011, P. 342.

¹⁷³ Ibid. P. 181.

¹⁷⁴ Ibid. P. 686.

¹⁷⁵ Ditto S. Who is Hassan Rouhani? Policywatch 2147. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. Sep. 24.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-is-hassan-rouhani>.

между ИРИ и Западом. Он открыто защищает эти соглашения, позволившие Ирану продолжать реализовывать национальную ядерную программу. В то же время Роухани критиковал представителей своей команды за ведение переговоров в излишне свободном стиле и без учета первоочередных целей. И как он полагает, «с большим благородствием страна могла бы понести меньшие расходы на эти ядерные достижения»¹⁷⁶.

В ходе переговоров 2003–2004 гг. Роухани постоянно находился под огнем критики внутри страны, что сделало его более осторожным в своих суждениях. Это подтверждает один из коллег Хасана Роухани: «Он пошел на все уступки для европейцев в 2003 и 2004 г. Запад оставил его с пустыми руками и под огнем критики со стороны жестких политиков Ирана»¹⁷⁷.

В то время позиция Тегерана по ядерному вопросу была тщательно выверена на основе консультаций со всеми влиятельными центрами силы. Это потребовало значительных усилий по определению точек соприкосновения между позициями Ирана и международного сообщества, что позволило в ноябре 2004 г. выйти на подписание уже упоминавшихся Парижских соглашений о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. Это стало кульминацией успехов не только ЕС, но и ИРИ.

Придя к власти летом 2005 г., Махмуд Ахмадинежад сменил команду переговорщиков с «большой тройкой» ЕС. В результате иранская сторона отказалась от проводимого Хасаном Роухани принципа консенсуса в пользу конфронтации. Сами переговоры стали вести небрежно и непродуманно, что серьезно мешало Тегерану отстаивать собственные национальные интересы и углубляло ядерный кризис.

Акцент на консенсус ярко проявился и во время избирательной кампании (2013 г.) Хасана Роухани. В перспективе, скорее всего, он действительно попытается добиться широкого консенсуса по ядерной проблеме. С другой стороны, Роухани не может не учитывать озабоченности Верховного лидера Али Хаменеи и ключевых фигур основополагающей в ИРИ организации – Корпуса стражей исламской революции.

---

¹⁷⁶ Interview with Hassan Rouhani // Iranian Diplomacy. Tehran, 27.05.2013.

¹⁷⁷ Crisis Group telephone interview. Tehran, 13.07.2013.

Тем не менее Роухани – это не пассивный политик, который только ждет достижения консенсуса. Пример этого – процесс заключения указанных Парижских соглашений (2004 г.), в соответствии с которыми Тегеран приостановил процесс обогащения урана. Духовный лидер Али Хаменеи был серьезно недоволен этими соглашениями и считал их ошибкой, но все же пошел навстречу Хасану Роухани. В нынешней ситуации уже будучи президентом ИРИ ему будет легче убедить духовного лидера пойти на диалог в Западом с целью смягчения чрезвычайно жестких финансово-экономических санкций ЕС, США и их союзников.

В рассматриваемой книге отмечено, что Парижские соглашения для Ирана были выгодными. Во-первых, Тегеран получил определенные экономические дивиденды: США и европейские страны поддержали ИРИ по вопросу присоединения к Всемирной торговой организации, Иран находился на пути к достижению соглашения о торговско-экономическом сотрудничестве с ЕС.

Во-вторых, Тегеран смог отстоять свою позицию и не согласился на полное прекращение обогащения урана. Речь шла только о приостановке этого процесса на добровольной основе. Как следствие, «большая тройка» ЕС (Великобритания, Франция и Германия) признала, что такая приостановка была «добровольной мерой укрепления доверия, а не юридическим обязательством».

В-третьих, Иран сумел избежать тупика на переговорах по ядерной проблеме. Этот вопрос не был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН, несмотря на настойчивое давление со стороны США. Помимо этого, удалось достичь существенных успехов во взаимоотношениях с МАГАТЭ.

Действительно, 29 ноября 2004 г., вскоре после подписания Парижских соглашений, Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, в которой отметил, что после октября 2003 г. был достигнут «хороший прогресс» во взаимоотношениях с ИРИ. В ней были упомянуты только два «нерешенных вопроса»: происхождение загрязнения, то есть наличие частиц с низко- или высокообогащенным ураном на некоторых газовых центрифугах, и уровень реализации программы по разработке в Иране центрифуг нового типа. Совет управляющих Агентства также подтвердил необходимость полного выполнения требований Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий.

В то время казалось, что Тегеран находится на пути к решению этих проблем. Поэтому МАГАТЭ было готово пойти на уступки по многим другим открытым вопросам. Для США и их союзников складывалась трудная ситуация: они не хотели предоставлять Ирану право на возобновление процесса обогащения урана, но не имели для запрета такой деятельности достаточной поддержки со стороны международного сообщества. Особенно в том случае, если Тегеран действительно смог бы удовлетворить требования МАГАТЭ по оставшимся вопросам.

Следует заметить, что Иран, ведя успешные переговоры с «большой тройкой» ЕС, продолжал модернизацию своих ядерных объектов. Так, в 2005 г. Хасан Роухани написал: «Пока мы разговаривали с европейцами в Тегеране, мы занимались установкой оборудования в Исфахане. На самом деле в спокойной обстановке мы смогли завершить работу в Исфахане»¹⁷⁸.

В своей книге Роухани убедительно показал, что плодотворное сотрудничество с МАГАТЭ и успешные переговоры с «большой тройкой» ЕС позволили Ирану продолжать реализацию своей ядерной программы. Такой политический курс сейчас осуществить труднее ввиду высокой степени взаимного недоверия и наличия новых подозрений, появившихся в период с 2005 г. Тем не менее Тегеран может добиться с Западом такого соглашения, при котором он сохранит ядерный потенциал. Для этого Ирану надо будет стать более прозрачным в своих действиях и пойти на некоторые, возможно, скромные ограничения в ядерной сфере.

Другими словами, ИРИ может достичь такого соглашения с Западом, которое поставит многих в США, аравийских монархиях и Израиле в очень неудобное положение. По мнению Патрика Клосона, вопрос заключается в следующем: готов ли Иран идти по тому пути, который активно защищает в своей книге Хасан Роухани?¹⁷⁹

---

¹⁷⁸ Rouhani H. Beyond the challenges facing Iran and the IAEA concerning the nuclear dossier. Center for Strategic Research. Rahbord. Tehran, 30.09.2005.

¹⁷⁹ Clawson P. Rouhani's Nuclear Views: An Open Book? Policywatch 2093. Washington Institute for Near East Policy. 2013. June 19.
<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/rouhanis-nuclear-views-an-open-book>.

По словам одного из бывших членов делегации Ирана, участвовавших в переговорах с «большой тройкой» ЕС, «Роухани был защитником (ядерной) программы. Поэтому в 2003 г. он свел приостановление программы к введению гексафторида урана в центрифуги, чтобы усилия по завершению нашей ядерной программы были продолжены. Ядерная программа – это «детище» Роухани. С самого начала – после посещения АЭС в Бушере, которая впоследствии была атакована со стороны Ирака, до проведения переговоров с Россией и Китаем по поводу строительства ядерных объектов в конце 1980-х. И все 678 дней во главе делегации на переговорах он всегда очень внимательно и трепетно занимался этим вопросом»¹⁸⁰.

Приведенные слова коллеги Хасана Роухани лишь подтверждают тот факт, что во время его президентства ИРИ не пойдет на свертывание собственной ядерной программы. Такие надежды совершенно беспочвенны. Именно поэтому Западу нужно настраиваться на трудный диалог, а не уступки под давлением жестких финансово-экономических санкций.

В свете вышеизложенного нужно обратить внимание на цитату из рассмотренной книги «Национальная безопасность и ядерная дипломатия»: «Научно-технический прогресс страны путем приобретения ядерных ноу-хау не является задачей конкретного правительства, или группы людей, или работы в избирательном округе. Каждое правительство со временем революции, в зависимости от своих возможностей и обстоятельств, прилагало усилия для реализации ядерной программы»¹⁸¹.

Следовательно, Тегеран никогда не откажется от своих ядерных ноу-хау, как бы этого ни хотели на Западе. Это подтверждает телефонное интервью для Crisis Group, которое Хасан Роухани дал еще в период предвыборной гонки: «Исламская Республика Иран решительно настроена на строительство предприятий по производству ядерного топлива для удовлетворения потребностей в энергии. К счастью, этот национальный проект значительно продвинулся в этой области за последние несколько лет, на сегодняшний день процесс обогащения достиг

¹⁸⁰ Great Expectations: Iran's New President and the Nuclear Talks. Crisis Group Middle East Briefing. No. 36. Washington/Brussels, 2013. Aug. 13. P. 10.

¹⁸¹ Rouhani H. National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council. Center for Strategic Research. Tehran. 2011, P. 21.

необходимого технологического уровня, а также различные части ядерного топливного цикла были завершены. Основная стратегия Ирана всегда подразумевала поддержание и завершение своей собственной технологии и ноу-хау. Ядерная программа Ирана является коренной, мирной и необратимой»¹⁸².

Скорее всего, такая точка зрения преобладает в иранском обществе, в котором ядерная проблематика рассматривается в широком смысле этого слова. По мнению Андрея Бакланова¹⁸³ из Совета Федерации Федерального собрания РФ, под этим понимается «обеспечение на деле неотъемлемого права страны на полный суверенитет во всех его проявлениях, желание занять заметное, всеми уважаемое и признаваемое место в системе региональных отношений, да и в более широком международном контексте, выход на самый высокий современный уровень технологического развития».

С другой стороны, Тегеран по-прежнему не видит реальной возможности обеспечения суверенитета и свободы выбора политическими средствами. Отсюда возникает желание подкрепить свои международные и региональные позиции силовой составляющей, то есть создать фактор сдерживания против возможного вооруженного вмешательства. Самый короткий и радикальный путь к этому – обретение ядерного статуса.

Следует также учитывать, что согласно опубликованным материалам Центра общей и информационной дипломатии МИД ИРИ, мирные атомные технологии являются одним из самых знаковых достижений человечества. Успехи в этой области удовлетворяют большой спектр потребностей человека в медицине, сельском хозяйстве, промышленности, энергетике и других сферах, которые по значимости ничем не уступают друг другу. Более того, значение ядерной науки со временем повышается. Иранский народ, как и народы других стран мира, стремится к развитию, прогрессу и безопасности. Вследствие этого он старается при помощи ядерных технологий доказать и гарантировать себе и своим гря-

---

¹⁸² Interview with Hassan Rouhani // Iranian Diplomacy. Tehran, 27.05.2013.

¹⁸³ Бакланов А.Г. Иранский ключ к ближневосточной двери [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. М., 31 августа 2013.

<http://www.globalaffairs.ru/number/Iranskii-klyuch-k-blizhnevostochnoi-dveri-16119>.

дущим поколениям достойное место в научно-экономическом мире¹⁸⁴.

Недавно это подтвердил духовный лидер ИРИ Али Хаменеи, по мнению которого, развитие науки и технологии является ключевым направлением национального возрождения и служит отправной точкой для усиления влияния Тегерана на события в регионе и в мире в целом. Аятолла Али Хаменеи считает: «Главное... мы не должны допускать ситуации, при которой будут создаваться препятствия нашему движению вперед»¹⁸⁵.

Несколько ранее (в 2000 г.) в своем интервью Хасан Роухани заявил, что «если связь между народом и правящей верхушкой становится сильнее и более обширной, то наши возможности, силы и национальная безопасность будут только укрепляться». Для достижения этой цели (укрепления действующей власти), по мнению Роухани, нужно облегчить внешнее давление на Иран, что означает достижение соглашения с Западом в ядерной сфере как необходимый, но временный компромисс в интересах идеалов Исламской Революции. Спустя три года (за четыре месяца до президентских выборов) Хасан Роухани стал утверждать, что следующий президент ИРИ должен быть «кризисным менеджером..., который будет способен вести переговоры с зарубежными партнерами»¹⁸⁶. Вскоре именно эту роль пришлось играть ему самому.

Вышеприведенная информация раскрыла взгляды Хасана Роухани на иранскую ядерную программу к моменту президентской (2013 г.) избирательной кампании в ИРИ. Однако ее реализация зависела от социально-экономического положения внутри страны.

---

¹⁸⁴ Кольчугин Н.П. Переговоры по ядерной программе Ирана: идеологические основы иранской дипломатии [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 12 мая 2012.

<http://www.iiimes.ru/rus/stat/2012/12-05-12.htm>.

¹⁸⁵ Бакланов А.Г. Иранский ключ к ближневосточной двери [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. М., 31 августа 2013.

<http://www.globalaffairs.ru/number/Iranskii-klyuch-k-blizhnevostochnoi-dveri-16119>

¹⁸⁶ Ditto S. Who is Hassan Rouhani? Policywatch 2147. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. Sep. 24.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-is-hassan-rouhani>.

5.2. Социально-экономическое положение ИРИ накануне президентских (2013 г.) выборов

По данным Международного валютного фонда, под действием введенных в отношении Тегерана односторонних финансово-экономических санкций в 2012 г. темпы роста национальной экономики снизились до 0,4%, стоимость валютной единицы – риала упала на 40%, а индекс роста потребительских цен составил 32%.

В настоящее время до 60% населения ИРИ живет за чертой бедности, и сохраняется значительное социальное расслоение. Так, доходы самых богатых трех децилей населения в 15–16 раз превосходят доходы трех самых бедных децилей. По данным Центрального банка ИРИ, уровень безработицы в стране составляет 12,2% (по неофициальным данным, 19–20%, а среди молодежи до 40%).

С марта 2012 г. по март 2013 г. инфляция в стране составила 30,5% (по другим данным, 41%¹⁸⁷), хотя в марте 2012 г. она достигала лишь 21,5%. Столь высоких масштабов инфляция достигла только при президенте Ахмадинежаде ввиду реализации популистских проектов по поддержке малого бизнеса, строительству социально доступного жилья (проект «Мехр») и монетизации льгот. Это стало теми бюджетными дырами, через которые денежные средства бесконтрольно утекали в свободное обращение, способствуя росту инфляции.

За этот же период, уже по данным Торгово-промышленной палаты ИРИ, более 6 тыс. производственных предприятий (примерно 67% от их общей численности) оказались на грани банкротства¹⁸⁸. Для изменения этой ситуации новому иранскому руководству придется, по-видимому, воспользоваться средствами, накопленными в Фонде национального развития (ФНР,

---

¹⁸⁷ Сажин В. Иран: Роухани получил тяжелое наследство [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Рамблер». М., 16 июля 2013.
<http://news.rambler.ru/20110904/>.

¹⁸⁸ Кожанов Н.А. Социально-экономическая ситуация в Иране: май 2013 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 8 июля 2013.
<http://www.iimes.ru/?p=17884>.

до 2011 г. он назывался Нефтяной стабилизационный фонд), в который ежегодно перечисляется 20% от нефтяных доходов Ирана. Ныне размер этого фонда достиг 52 млрд. долл. В феврале 2013 г. правительство уже заняло у ФНР 2,7 млрд. долл. на выплаты праздничных пособий по случаю наступления Ноуруза – праздника иранского нового года.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в период с января 2012 г. по март 2013 г. объем нефтедобычи в Иране сократился с 3,8 до 2,7 млн. баррелей в сутки при снижении объемов ее экспорта с 2,4 до 1,3 млн. баррелей (ныне эта величина составляет 1,1 млн. баррелей). В нынешнем году нефтяные доходы ИРИ составят всего 30–35 млрд. долл. (уровень доходов десятилетней давности)¹⁸⁹, что вызывает серьезный дефицит в бюджете страны.

Все это подтверждает, что эффективность введенных против ИРИ односторонних финансово-экономических санкций существенно повысилась. Иран оказался практически отрезан от международной банковской сферы и области страховых услуг. Его доступ к иностранным инвестициям, зарубежным технологиям и системе международных морских перевозок был также затруднен.

С другой стороны, Тегеран научился выживать под существующим санкционным давлением. Во-первых, помимо использования различных полулегальных и нелегальных методов обхода санкций, иранское руководство наконец-то стало жить по средствам. Новый национальный бюджет на период с марта 2013 г. по март 2014 г. был разработан правительством ИРИ с учетом того, что объем экспорта иранской нефти не превысит отметку в 1,33 млн. баррелей в сутки при цене в 90–91 долл. за баррель. Помимо этого, доходы от продажи нефти должны будут покрыть только 40% бюджетных расходов, остальные средства придется привлекать из других источников. Подобного низкого показателя участия нефтедолларов в формировании структуры доходов и расходов государства в ИРИ ранее не было (в последнее десятилетие он колебался в коридоре 60–80%).

Помимо активизации фискальной политики правительство ИРИ смогло достичь существенных успехов в развитии тех от-

---

¹⁸⁹ Clawson P. Talk Is Cheap // Foreign Affairs. N.Y., 24.09.2013.

раслей экономики, где негативное влияние санкционных мер менее всего ощущалось. В первую очередь это касается транспортной инфраструктуры. Так, в последние два года через ИРИ транзитом проходило до 11 млн. т грузов из 100–110 стран общей стоимостью до 35 млрд. долл., что ежегодно приносило Тегерану до 3 млрд. долл. К 2025 г. иранцы планируют увеличить этот показатель до 12 млрд. долл. при транзите 40 млн. т. Для этого активно ведутся работы по прокладке 2 тыс. км шоссейных и 8–12 тыс. км железных дорог, осуществляется электрификация ключевых железнодорожных магистралей. По официальным данным, Иран собственными силами удовлетворяет до 90% своих потребностей в товарных вагонах и 50% в пассажирских, а также до 90% в оборудовании, необходимом для функционирования железных дорог. По технологии немецкой компании «Сименс» начато производство современных локомотивов.

Помимо этого, власти ИРИ активизировали развитие ненефтяных базовых отраслей иранской экономики, таких как сталелитейная, цементная, электроэнергетическая и горнорудная промышленность. В частности, в 2012 г. Иран произвел 64,1 млн. т цемента и 64,4 млн. т клинкера, что было на 5,6% и 4,7% соответственно больше по сравнению с 2011 г. Причем в указанном году 14 млн. т цемента было продано за рубеж, в основном в Афghanistan и Ирак. Ежегодные темпы роста производства электроэнергии достигли 7%, что позволяет ее поставлять в Арmenию, Азербайджан, Аfghanistan, Ирак, Пакистан, Турцию, Туркменистан и даже Индию. Всего же, по официальным данным, объем экспорта электроэнергии из Ирана в 2012 г. вырос на 29% по сравнению с 2011 г.

Даже в условиях санкций продолжают развиваться нефтехимический сектор экономики и газовая отрасль ИРИ. В частности, иранский магистральный газопровод вышел на пакистанскую территорию, активно обсуждается возможность продаж природного газа в Ирак. При этом Тегеран переключился с развития мощностей по производству сжиженного природного газа на развитие трубопроводной инфраструктуры с выходом исключительно на региональные рынки. Последнее, с одной стороны, не требует использования технологий, поставки которых в ИРИ запрещены, а с другой, делает торговлю сырьем менее подверженной влиянию односторонних санкций.

Особые надежды иранцы возлагают на развитие собственного нефтехимического сектора, объемы экспорта продукции которого в 2011–2012 гг. достигали 14 млрд. долл. в год. Такое развитие планируется осуществить, в том числе, благодаря строительству малых нефтеперерабатывающих заводов.

По расчетам иранского правительства, уже по итогам 2013 г. стране удастся увеличить объемы ненефтяного экспорта до 59 млрд. долл., к 2014 г. этот показатель должен выйти на уровень 74,1 млрд. долл., а к 2015 г. – на уровень 81,1 млрд. долл.

Помимо этого, в начале июля 2013 г. Центробанк ИРИ инициировал масштабную девальвацию национальной валюты. Фиксированный курс риала упал на 102%: с 12,3 тыс. до 24,8 тыс. риалов за доллар. Тем не менее по сравнению с обменным курсом на неформальном рынке (33,2 тыс. риалов за доллар) официальная ставка по-прежнему остается завышенной. Действие нового курса распространяется лишь на основных импортеров, ввозящих в страну продовольствие, медикаменты, комплектующие и сырье. Остальные участники рынка по-прежнему не имеют прямого доступа к валютным операциям. Указанная мера во многом является вынужденной, так как введенное осенью 2012 г. субсидирование импорта за счет фиксированного курса оказалось крайне затратным: на покрытие растущего разрыва с реальным курсом риала требуется все больше валютной выручки, получаемой от экспорта нефти.

В таких сложных социально-экономических условиях в иранском обществе все более стала ощущаться необходимость серьезных перемен. Во многом это способствовало победе на президентских выборах Хасана Роухани.

5.3. Хасан Роухани и Барак Обама

В начале июня 2013 г., незадолго до проведения президентских выборов в Исламской Республике Иран, духовный лидер страны аятолла Али Хаменеи призвал будущего президента не идти на уступки международному сообществу по вопросу иранской ядерной программы. Высшее иранское руководство было готово только к компромиссу с Западом.

И это являлось вполне логичным, учитывая очередное введение Вашингтоном против Тегерана новых финансово-экономических санкций¹⁹⁰.

Победа на выборах 2013 г. умеренного консерватора Хасана Роухани создала двойственную ситуацию. С одной стороны, на Западе от него слишком многое ждут. И действительно, президент Роухани заявил о готовности к прямому диалогу с США, но на основе создания мер взаимного доверия. С другой, иранцы надеются, что США и ЕС полностью отменят введенные против них незаконные, с их точки зрения, санкции.

Как утверждает Хасан Роухани, принципами нового правительства Ирана станут «умеренность и постепенное развитие». В отношении ядерной проблемы новый президент намерен сглаживать острые углы, но он не подвергает сомнению право ИРИ на освоение ядерных технологий, хотя и обещает сделать соответствующую национальную программу мирной и более прозрачной для зарубежных наблюдателей. Во внешней политике «это значит ни капитуляция, ни конфликт, ни пассивность, ни конфронтация. Умеренность – это эффективное и конструктивное общение с миром»¹⁹¹.

С избранием нового президента ИРИ в Вашингтоне появились надежды, что внешняя политика Ирана может претерпеть изменения в сторону нормализации отношений с США и Западом в целом, а также уступок в области иранской ядерной программы. Так, в Институте Брукингса отмечают: «В условиях, когда власти

---

¹⁹⁰ В частности, с 1 июля 2013 г. были введены санкции против иностранных финансовых структур, которые сознательно осуществляют или содействуют крупным сделкам по продаже или приобретению риала, а также держат за пределами ИРИ крупные счета в этой валюте. Под американские санкции попадали также продажи или поставки больших объемов товаров и услуг, связанных с производством или сборкой в Иране легковых автомобилей, грузовиков, автобусов и мотоциклов, а также запчастей к ним. И это при том, что в 2012 г. за счет введенных односторонних санкций спад производства в автомобильной промышленности ИРИ составил почти 40%, что сделало безработными 126 тыс. иранцев. По сути, новый пакет американских санкций затрагивает практически все отрасли, в которых Ирану удалось достичь роста экономических показателей за последние годы.

¹⁹¹ Персидский код // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 25.

США, КНР, России и европейских государств готовятся к последующим шагам на переговорах с Ираном, возникают новые возможности в связи с преобладанием умеренных тенденций во внешней политике Тегерана»¹⁹². Кроме того, 118 депутатов Конгресса США направили президенту Обаме письмо с призывом приложить усилия для начала прямых переговоров с Тегераном. А 29 американских отставных высокопоставленных дипломатов и чиновников обратились с письмом к президенту США с призывом начать новые многосторонние и двусторонние переговоры с Ираном после вступления в должность президента Роухани.

Осторожный оптимизм в оценке смены президента в Иране отмечается и в Европе¹⁹³. В частности, министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг, выступая в комитете по внешним связям Палаты общин, заявил о готовности к улучшению взаимоотношений с Тегераном на пошаговой основе вплоть до восстановления дипломатических отношений. В ближайшее время возможно назначение временных поверенных в делах и возобновление деятельности посольств. Сейчас интересы Тегерана в Великобритании представляет Швейцария, а интересы Лондона в Иране – Оман.

Существуют и противоположные точки зрения. Так, Джон Болтон, ранее постоянный представитель США в ООН, уверен, что избрание Роухани – не что иное, как ловушка, которая дает Америке ложное чувство безопасности и ведет к затягиванию сроков переговоров, и это ни на минуту не остановит разработку в ИРИ ядерного оружия. С его точки зрения, разница между Роухани и Ахмадинежадом лишь в риторике.

1 августа 2013 г. Палата представителей Конгресса США проголосовала за введение новых экономических санкций против Тегерана в связи с разработкой им ядерного оружия (400 конгрессменов высказались за введение новых санкций, и только 20 были против). Согласно этому законопроекту, от администрации Обамы требуется в течение года добиться дополнительного сокращения ежесуточного экспорта иранской нефти на 1 млн. баррелей. Учитывая нынешние объемы нефтяного экспорта, речь идет, по сути, о полном прекращении в ИРИ указанного экспорта.

---

¹⁹² Бобкин Н. США – Иран: возможен ли отказ от политики угроз и санкций // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 17.

¹⁹³ Ibid. С. 18.

Примечательно, что голосование в Палате представителей состоялось до инаугурации президента Роухани, что свидетельствовало об оказании давления на новое руководство ИРИ. По этому поводу Национальный совет американцев иранского происхождения заявил, что новые санкции контрпродуктивны, поскольку подрывают возможности для возобновления дипломатических усилий в отношении Ирана. По мнению российской стороны, такая деятельность направлена на «экономическое удушение» ИРИ, так как против Тегерана было принято уже достаточное количество ограничительных мер¹⁹⁴.

Известный российский эксперт Алексей Арбатов считает указанную инициативу Конгресса США «абсолютно нелепой»: «В Иране сменилась власть, пришел новый президент, умеренный деятель, который в прошлом вел успешные переговоры по ограничению ядерной программы в 2003–2005 гг. Надо было бы подождать и посмотреть, что он будет предлагать, потому что против Ирана уже принятые достаточно жесткие санкции, особенно со стороны ЕС, которые привели к тяжелейшим экономическим последствиям и повлияли на исход выборов»¹⁹⁵.

Алексей Арбатов рассматривает «этую акцию конгресса как очередной выпад против администрации Обамы. Как будто нарочно принимается решение, которое затруднит Обаме переговоры с новым президентом Роухани, которые могли бы принести успех». Эксперт считает возможным «злонамеренность» конгресса, так как Республиканская партия там действует по принципу «чем хуже – тем лучше». Арбатов также отмечает: «Они хотят даже сорвать переговоры с Ираном и помешать мирному решению этого вопроса, лишь бы президент Обама не записал в свой служебной список еще один внешнеполитический успех»¹⁹⁶.

Основанием для принятия Палатой представителей Конгресса США решения по санкциям против Тегерана стал доклад американского Института науки и международной безопасности. В нем было указано, что Иран будет обладать запасами урана, достаточными для создания ядерного оружия, уже к се-

---

¹⁹⁴ Кузнецова Е. Тегеран как яблоко раздора между Обамой и Конгрессом // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 26–27.

¹⁹⁵ Ibid. C. 27.

¹⁹⁶ Ibid. C. 28.

редине 2014 г. Для этого могут быть задействованы тысячи газовых центрифуг по обогащению урана на соответствующих предприятиях в Натанзе и Фордо. Поэтому американские эксперты рекомендовали МАГАТЭ проводить инспекции иранских предприятий по обогащению урана, как минимум, два раза в неделю. Авторы доклада также считают, что «бездействие или излишняя осторожность МАГАТЭ могут не позволить международному сообществу отреагировать до того, как Иран произведет достаточно (для производства ядерного боезаряда) урана»¹⁹⁷.

Очевидно, что доклад американских экспертов носил субъективный характер. Само наличие технической возможности еще не говорит об обязательности ее реализации. В настоящие времена ИРИ имеет запасы НОУ, достаточные (после дообогащения) для изготовления до 6–7 ядерных боезарядов. Однако политическое решение о создании ядерного оружия в Тегеране не принято. В противном случае Иран не стал бы продолжать сотрудничество с МАГАТЭ, а нашел бы веские причины его прекратить. Именно по такому пути пошла Северная Корея, что позволило ей провести несколько ядерных испытаний. Более того, сейчас Тегеран обещает, что развитие его ядерной программы будет носить невоенный характер.

Нужно также понимать, что категорически против любого улучшения американо-иранских отношений выступает основной союзник США на Ближнем Востоке – Израиль. Во время своей встречи с Бараком Обамой премьер-министр Биньямин Нетаньяху постарался «рассказать правду» о политике Ирана «перед лицом сладких речей и наступления улыбок» и представил факты, доказывающие обоснованность израильской недоверчивости по отношению к президенту Роухани. По мнению Израиля, «даже в наступившую новую эпоху Иран стоит за глобальной террористической деятельностью»¹⁹⁸.

Как считает российский эксперт Николай Бобкин из Института США и Канады РАН, у американцев преобладает мнение, что победа Роухани на выборах отражает недовольство иранцев правящим режимом. Однако это не может кардинально повлиять

---

¹⁹⁷ Ibid. С. 26.

¹⁹⁸ Премьер Израиля попытается отговорить президента США от уступок Ирану // РИА «Новости». М., 30 августа 2013.

на политический курс ИРИ, а предложения о перезагрузке отношений с Тегераном еще не нашли значительной поддержки у администрации Обамы. К тому же последнее слово в вопросах внешней политики в ИРИ принадлежит не президенту, а верховному лидеру аятолле Али Хаменеи, который полагает, что Вашингтон «не заслуживает доверия Исламской Республики». Но это, конечно, не исключает самой возможности американо-иранского диалога как в ядерной сфере, так и по отдельным проблемам, представляющим взаимный интерес (Ирак, Афганистан, Сирия).

В результате в сегодняшней ситуации Вашингтон продолжает придерживаться «двойного подхода» к иранской ядерной проблеме, участвуя вместе с другими постоянными членами СБ ООН и Германией в переговорах с Тегераном и одновременно сохраняя против него жесткие политические и финансово-экономические санкции.

До сих пор нет ясности, какие дополнительные полномочия, необходимые для переговоров Тегерана с Западом, получил Хасан Роухани от аятоллы Али Хаменеи, который непосредственно контролирует ядерную программу. Именно поэтому сразу после победы Хасана Роухани на президентских выборах многие на Западе старались оценить уровень его возможного влияния во властных структурах ИРИ.

Затем на Западе начались дебаты по поводу взглядов Роухани, в частности на проблему иранского ядерного досье. Некоторые считают, что новый президент пришел к власти, «чтобы спасти Исламскую Республику от самой себя»¹⁹⁹. Такой точки зрения, в частности, придерживается директор-основатель Центра иранских исследований Тель-Авивского университета Давид Менашири, который заявил, что Роухани был избран в первую очередь и главным образом для сохранения самой идеи Исламской Революции. По его мнению, «Роухани – это золотое дитя революции и всегда был частью его аппарата. Ошибочно думать, что он либо умеренный, либо реформатор». Менашири считает, что «в иранской политике Роухани может

---

¹⁹⁹ Nasr V. Regime change Obama can believe in. Foreign Policy. Washington, D.C. 2013. July 16.

http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/16/regime_change_iran_nuclear_weapons_deal?page=0,1.

рассматриваться как центрист. Он был на стороне режима, занимая высокие правительственные посты. Он был в течение 16 лет главой Высшего совета национальной безопасности»²⁰⁰ и до последнего времени являлся представителем Верховного лидера в этой организации.

Подобной точки зрения придерживается директор российского Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров: «Роухани характеризуется как надежный и заслуживающий доверия человек, который хочет восстановить экономику Ирана, изменить отношение мирового сообщества к своей стране и установить равные и здоровые отношения с Западом. Он обладает острым умом и богатым жизненным опытом, не тратит время на лишние слова. Он хорошо осведомлен о нынешних проблемах иранского общества и понимает их, а также хорошо разбирается в животрепещущих региональных и глобальных проблемах. Но он не либерал в западном смысле этого слова и не будет поддерживать проамериканскую политику. Он является неотъемлемой частью исламского консервативного духовенства и останется до конца верным принципам Исламской Революции»²⁰¹.

Возможно, все это объясняет преобладающие на Западе настроения: опасений больше, чем оптимизма.

В отношении ядерной программы Роухани полагает, что «эра (приостановки) закончилась. Существует много путей для восстановления международного доверия»²⁰². Для этого, по-видимому, президент Роухани сосредоточится на повышении уровня ее прозрачности путем, например, добровольного выполнения требований Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий. Это вскоре подтвердилось, когда Хасан Роухани заявил, что Иран предпримет два шага для прекращения действия международных санкций. Во-первых, он удвоит прозрачность собственной ядерной программы. Во-вторых, предпримет меры для укреп-

²⁰⁰ Что можно ждать от нового лидера Ирана // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 71–72.

²⁰¹ Ibid. С. 72.

²⁰² Rouhani: First Presser on US, Reforms, Nukes. Iran Primer. United States Institute of Peace. Washington, D.C. 2013. Jun. 17.

<http://iranprimer.usip.org/blog/2013/jun/17/rouhani-first-presser-us-reforms-nukes>.

ления доверия между Ираном и международным сообществом. Пока неясно, будет ли это на практике означать, например, допуск инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин? Тем более что Тегерану в основном мешают не международные, а односторонние санкции со стороны ЕС, США и их союзников.

Следует заметить, что в первой половине сентября 2013 г. президенты Обама и Роухани обменялись письмами. В частности, Барак Обама проинформировал о своем желании задействовать потенциал Тегерана для стабилизации обстановки в Сирии²⁰³. Со своей стороны Хасан Роухани заявил следующее: «За кого бы ни проголосовали граждане Сирии, мы согласимся с этим. Иран поддерживает права народа везде, в том числе в Сирии, Ираке и Палестине. Иран сделает все, чтобы предотвратить войну в Сирии. США ошибочно думают, что мы стремимся к военному доминированию в регионе. Если Иран и является влиятельной державой в регионе, то это благодаря его умению вести диалог»²⁰⁴.

Помимо этого, в своем письме президент Обама выдвинул предложения по урегулированию иранской ядерной проблемы. В частности, он обозначил готовность США решить эту проблему путем предоставления Тегерану возможности продемонстрировать, что его ядерная программа преследует исключительно мирные цели.

По мнению Хасана Роухани, переписка с Бараком Обамой имела позитивный настрой и содержала конструктивные предложения. «Это, возможно, лишь совсем незаметная и незначительная подвижка, однако она может приблизить к большому будущему, - отметил президент Роухани. - Считаю, что лидерам всех государств следует действовать в соответствии с национальными интересами и не поддаваться давлению со стороны». В данном случае Хасан Роухани имел в виду, конечно, израильское давление.

Подобная активность была проявлена и со стороны Великобритании. Так, выступая в парламенте, премьер-министр Дэвид Кэмерон сообщил, что направил послание Хасану Роухани. Именно британская сторона стала инициатором прямых контак-

---

²⁰³ Мартинычев П. Обама установил контакт с руководством Ирана // РИА «Новости». М., 15 сентября 2013.

²⁰⁴ Хасан Роухани: Иран признает любого президента, избранного народом Сирии // ИТАР-ТАСС. М., 16 сентября 2013.

тов в Нью-Йорке министра иностранных дел Великобритании Уильяма Хейга с его иранским коллегой Джавадом Зарифом²⁰⁵.

Все это свидетельствует о принципиальной возможности выстраивания диалога с Тегераном ведущих стран Запада, в том числе по ядерной программе.

По мнению Барака Обамы, Хасан Роухани – это человек, настроенный на «открытый диалог с Западом и Соединенными Штатами, чего мы не наблюдали в прошлом». И он понимает преимущества дипломатического урегулирования проблем вокруг ядерной программы своей страны, но «не пойдет так просто на уступки»²⁰⁶. Следовательно, на Тегеран нужно продолжать оказывать как финансово-экономическое, так и военное давление.

Несколько иной точки зрения придерживается президент Роухани. В своем интервью американской телекомпании NBC он заявил: «Мы являемся одной из тех стран, которые выступают за мир, стабильность и ликвидацию ОМУ во всем регионе. Мы ни при каких обстоятельствах не пытались бы заполучить ОМУ, в том числе атомную бомбу, и никогда не попытаемся. Мы заинтересованы лишь в использовании ядерных технологий в мирных целях»²⁰⁷. Такой подход предполагает конструктивный диалог, а не осуществление американской политики кнута и пряника.

Тем не менее во время проведения 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН наметился явный прогресс в сфере улучшения американо-иранских отношений. Во-первых, в своей речи на Генеральной Ассамблее ООН Хасан Роухани заявил следующее: «Иран не представляет абсолютно никакой угрозы ни для региона, ни для мира в целом... Иранская ядерная программа так же, как ядерные программы всех других стран, должна преследовать исключительно мирные цели. Я заявляю здесь открыто и недвусмысленно, что это всегда было и будет целью Исламской Республики Иран. Ядерному оружию и другому оружию массового уничтожения нет места в обеспечении безопасности Ирана и иранской военной доктрине. Это противоречит нашим фундаментальным религиозным и моральным убеждениям...

---

²⁰⁵ Строкань С. Разговор с позиции Сирии // Коммерсантъ, 18.09.2013.

²⁰⁶ Б. Обама: решение по Сирии должно стать дипломатическим уроком для Ирана // РБК daily, 15.09.2013.

²⁰⁷ Пильщиков И. Президент Ирана выступил за ликвидацию всего оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке // ИТАР-ТАСС. М., 19 сентября 2013.

Второй целью является уважение к праву Ирана на обогащение урана внутри страны и использованию других относящихся к этому разделу ядерных прав. Это единственный путь достичь первой цели. Ядерные знания освоены Ираном, а ядерное обогащение уже достигло промышленного масштаба. Крайне нереалистичной иллюзией было бы полагать, что навязать изменения в ядерной программе Ирана можно с помощью беззаконного давления²⁰⁸».

Приведенная цитата, как и все выступление в целом, явно показали, что ИРИ готова к диалогу с Западом (в первую очередь с США), но на основе своего права на использование ядерных технологий в мирных целях, в том числе по обогащению урана.

Во-вторых, в отличие от своего предшественника, в интервью американскому телеканалу CNN Хасан Роухани косвенно признал факт геноцида евреев со стороны нацистов. Он назвал Холокост «достойным осуждения» преступлением, но заявил, что о его масштабах «должны судить историки»²⁰⁹.

Во-третьих, 27 сентября 2013 г. (впервые с 1979 г.) состоялась двусторонняя встреча государственного секретаря США Джона Керри и министра иностранных дел ИРИ Джавада Зарифа, которую последний оценил как «положительную». По словам Керри, он дал понять иранцам, что до полной нормализации отношений между Вашингтоном и Тегераном еще далеко, а «США не будут отменять санкции, пока не появится верифицируемый, очень надежный и прозрачный механизм, благодаря которому мы будем в точности знать, что делает Иран со своей ядерной программой»²¹⁰.

В дальнейшем формат переговоров был расширен за счет представителей «шестерки» международных посредников по урегулированию ядерного кризиса на уровне министров иностранных

²⁰⁸ Statement by H. E. Dr. Hassan Rouhani, President of the Islamic Republic of Iran. Islamic Republic of Iran, Permanent Mission to the United Nations. N.Y. 2013. Sep 24.

http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/68/IR_en.pdf.

²⁰⁹ Бекренев А. Хасан Роухани признал Холокост историческим фактом // ИТАР-ТАСС. М., 25 сентября 2013.

²¹⁰ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (23–30 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 30 сентября 2013.

<http://www.iimes.ru/?p=18299>.

дел. В результате была достигнута договоренность о следующей встрече 15–16 октября 2013 г. в Женеве.

В-четвертых, что самое важное, в тот же день по инициативе с американской стороны также впервые за 34 года состоялся телефонный разговор президентов Обамы и Роухани. В частности, президент США заявил иранскому коллеге, что он верит в то, что лидеры заинтересованных стран («шестерка» международных посредников) смогут найти комплексное решение ядерной проблемы. В свою очередь, Роухани выразил надежду, что соглашение по этой проблеме будет заключено в течение трех-шести месяцев²¹¹.

Двумя днями раньше с Хасаном Роухани встретился президент Франции Олланд, который заявил, что его воодушевляют заявления нового иранского правительства, но он хотел бы увидеть за ними конкретные действия со стороны Тегерана²¹².

Следует заметить, что в ИРИ итоги встреч и бесед президента Роухани на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке, особенно его телефонная беседа с президентом Обамой, вызвали весьма неоднозначную реакцию. Это проявилось, например, по возвращении Хасана Роухани в Тегеран. Уже в аэропорту в него стали бросать куриные яйца и ботинки. Хуже того, командующий КСИР генерал Мохаммад Джаafari заявил, что президенту Роухани не следовало беседовать по телефону с Бараком Обамой до тех пор, пока американское правительство не сделает конкретных шагов навстречу Тегерану²¹³. Очевидно, что при таком подходе Иран в принципе не может нормализовать отношения с США.

---

²¹¹ Ефимов В. Историческое событие: Барак Обама позвонил Хасану Роухани [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Iran.News». М., 28 сентября 2013.

http://www.iran.ru/news/analytics/90242/Hasan_Rouhani_pozvonil_Baraku_Obame.

²¹² Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (23–30 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 30 сентября 2013.

<http://www.iimes.ru/?p=18299>.

²¹³ Ефимов В. По итогам визита Хасана Роухани в Нью-Йорк [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Iran.News». М., 28 сентября 2013.

http://www.iran.ru/news/analytics/90292/Po_itogam_vizita_Hasana_Rouhani_v_Nyu_York.

Теперь многое зависит от позиции Верховного лидера ИРИ Али Хаменеи. Если он поддержит президента Роухани, то компромисс Ирана с Западом, в том числе в ядерной сфере, станет возможным.

5.4. Возможный для Ирана компромисс с Западом

До последнего времени духовный лидер ИРИ определял руководителя группы переговорщиков с «шестеркой» международных посредников. В частности, эти функции выполнял секретарь ВСНБ ИРИ Саид Джалили, который выступал против реального компромисса с Западом. Президент Роухани настоял на том, чтобы был принципиально изменен подход к переговорам с «шестеркой» международных посредников. Вместо Высшего совета национальной безопасности эти функции стало выполнять Министерство иностранных дел. Как следствие, руководить группой переговорщиков с иранской стороны стал министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф²¹⁴, карьера которого не является типичной для иранского политика.

53-летний Зариф получил высшее образование в Школе международных отношений при Денверском университете в США и защитил степень доктора философии в Сан-Францисском университете. После Исламской Революции профессиональная подготовка иранцев в США считалась редкостью и вызывала подозрения. Тем не менее Джавад Зариф стал высокопоставленным дипломатом: в течение десяти лет (1992–2002 гг.) он занимал пост заместителя министра иностранных дел, а затем пять лет (до 2007 г.) представлял Иран в ООН. В его функциональные обязанности входило поддержание неформальных контактов руководства ИРИ с американской администрацией. Причем факт скрытых от публики ирано-американских контактов не может вызывать сомнений ввиду наличия общих региональных проблем. Следовательно, министр Зариф способен понимать нюансы современной западной политики и

---

²¹⁴ Переговоры Ирана с "шестеркой" будет вести МИД страны [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Росбалт». СПб., 5 сентября 2013. <http://www.rosbalt.ru/main/2013/09/05/1172514.html>.

умеет вести диалог на языке дипломатии²¹⁵. Это не только качественно повысило профессиональный уровень иранских переговорщиков, но и создало Хасану Роухани дополнительные возможности по непосредственному влиянию на переговорный процесс.

Показательно и другое назначение: на посту постоянного представителя Ирана при МАГАТЭ Али Асгара Солтание сменил Реза Наджафи, который ранее работал в МИДе ИРИ по вопросам политики и безопасности, а также представлял Иран в Комитете ООН по разоружению. Посол Солтание зарекомендовал себя как жесткий переговорщик. Это было хорошо во время президентства Махмуда Ахмадинежада, но стало не нужным при Хасане Роухани, когда высшим руководством республики было принято решение о некотором смягчении отношений с Западом на базе взаимоприемлемого компромисса²¹⁶.

Как уже указывалось, в 2006–2010 гг. Совет Безопасности ООН принял в отношении ИРИ шесть резолюций, четыре из которых носили санкционный характер. В ближайшей перспективе нереально добиться их отмены даже в случае серьезных уступок иранской стороны. Но при президенте Роухани Иран не пойдет на односторонние уступки. Речь может идти только о приемлемом для сторон компромиссе, который может включать следующее.

В качестве первого шага Иран может пойти на приостановку процесса дообогащения урана с 5 до 20% на всех ядерных объектах²¹⁷. Нынешних запасов такого ядерного материала вполне достаточно для работы Тегеранского исследовательского реактора в течение длительного времени. Других существенных потребителей ядерного топлива в ИРИ не создано, а

---

²¹⁵ Бобкин Н. Иран: первый шаг на пути к решению ядерной проблемы [Электронный ресурс] // Информационное агентство Инфорос. М., 22 августа 2013.

<http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=35297>.

²¹⁶ Иран корректирует внешнеполитический курс – Эксперт // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 152.

²¹⁷ В настоящее время дообогащение урана с 5 до 20% осуществляется на предприятии по обогащению урана в Фордо и экспериментальном предприятии в Натанзе. В случае необходимости этот процесс может быть осуществлен на предприятии по обогащению урана в Натанзе.

продажа такого топлива (обогащенного гексафторида урана) за границу в условиях действующих санкций со стороны СБ ООН крайне проблематична.

Одновременно было бы крайне желательно приостановить работу предприятия по обогащению урана в Фордо и допустить инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин, где, по западным данным, проводились испытания нейтронного инициатора (детонатора) для атомной бомбы. Конечно, последний объект Ираном никогда не заявлялся в качестве ядерного. В рамках действующего Соглашения с МАГАТЭ о применении гарантий и отказа от добровольного выполнения Дополнительного протокола (1997 г.) к нему Иран не обязан предъявлять этот объект для инспекций. Однако его посещение инспекторами МАГАТЭ было бы крайне желательно для существенного повышения мер доверия между ИРИ и международным сообществом в ядерной сфере. Это лишило бы Запад самого серьезного на данное время основания говорить о военной направленности иранской ядерной программы.

Наверное, можно было бы также приостановить развертывание в ИРИ новых газовых центрифуг и замену центрифуг Р-1 на более совершенные (например, типа IR-2m). Однако это не носит принципиального характера, так как нынешний ядерный потенциал Ирана уже достаточен для относительно быстрого дообогащения урана с 20% до оружейного уровня, если соответствующее политическое решение будет принято.

Несомненно, что компромисс ИРИ с Западом в ядерной сфере предполагает ответные шаги. В качестве таковых на первом этапе следует, как минимум, рассматривать полную отмену односторонних санкций Запада в банковской сфере и в области страхования морских перевозок, что значительно затрудняет внешнеэкономическое сотрудничество с Ираном на уровне среднего и малого бизнеса ввиду появления существенных финансовых рисков.

На втором этапе переговорного процесса можно двигаться дальше и поставить вопрос о возобновлении действия на иранской территории измененного кода 3.1 к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что предполагает предоставление в Агентство информации сразу после принятия решения о строительстве нового ядерного объекта или существенном изменении предназначения действующего ядерного объекта.

Согласие иранского руководства на возобновление действия измененного кода 3.1 не только значительно укрепит взаимное

доверие, но и снимет излишнюю напряженность по поводу выскаживаний некоторых представителей исполнительной и законодательной ветвей власти ИРИ в отношении, например, строительства 10 новых предприятий по обогащению урана.

Было бы крайне желательно также на этом этапе поставить под гарантii МАГАТЭ предприятие по производству тяжелой воды в Араке и разрешить инспекторам Агентства взять для анализа пробы тяжелой воды, которая хранится в Исфахане. Возможно, что эта тяжелая вода имеет иностранное происхождение, что позволит МАГАТЭ задать Тегерану новые вопросы. Однако решение этой проблемы крайне важно для повышения мер взаимного доверия, низкий уровень которого сейчас практически блокирует переговорный процесс.

Пока трудно понять, на какие шаги мог бы пойти Запад на втором этапе переговоров. По-видимому, можно было бы ослабить давление на Японию и Республику Корею по вопросу закупок иранской нефти, а также разрешить подобную деятельность для некоторых европейских стран (например, Греции и Италии). Возможно, что на внутренний рынок ИРИ могли бы вернуться крупные европейские компании.

С целью повышения уровня взаимного доверия на третьем этапе переговоров Иран мог бы начать добровольное выполнение (до процесса его ратификации парламентом страны) Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантii и поставить под международный контроль излишние запасы гексафторида урана, обогащенного до 20%. Причем последний ядерный материал было бы желательно перевести в форму диоксида урана.

По-видимому, это приведет к инспекции строящегося с 2006 г. подземного объекта, расположенного в 60 км от Тегерана. По информации, предоставленной «Организацией моджахедов иранского народа», этот объект включает четыре тоннеля, два из которых имеют длину в 550 м, и шесть подземных залов. Пока еще рано говорить о ядерном статусе этого объекта. Его посещение инспекторами МАГАТЭ значительно ослабило бы подозрительность к ИРИ со стороны Запада.

Скорее всего, пока не следует торопиться и с ратификацией меджлисом (парламентом) ИРИ Дополнительного протокола (1997 г.). Острой потребности в этом нет, так как его не стали подписывать даже, например, члены ДНЯО – Аргентина и Бразилия, которые уже создали научно-технологический потенциал,

достаточный для производства ядерного оружия. Кроме этого, в Группе ядерных поставщиков нет каких-либо ограничений на сотрудничество с государствами, на территории которых не действует Дополнительный протокол (1997 г.).

Возможно, что Иран мог бы пойти и на приостановку строительства в Араке исследовательского тяжеловодного реактора IR-40.

В качестве ответной меры Запад, наверное, мог бы снять все ограничения на экспорт иранской нефти и природного газа.

На четвертом этапе целесообразно рассмотреть вопрос о возвращении иранского ядерного досье из Совета Безопасности ООН в МАГАТЭ с целью разрешения вопросов о прошлой деятельности Тегерана в ядерной области. Согласно приложению к ноябрьскому докладу (2011 г.) генерального директора МАГАТЭ, таких вопросов накопилось достаточно много. Конечно, далеко не все из них имеют под собой серьезные основания. Однако без их разрешения нельзя говорить о восстановлении доверия между Ираном и международным сообществом в ядерной области. В случае успешности этого процесса неизбежно возникнет вопрос о смягчении ранее наложенных на ИРИ международных санкций со стороны Совета Безопасности ООН. Только тогда можно будет говорить о начале разрешения иранского ядерного кризиса.

Помимо этого, учитывая высокий уровень недоверия между ИРИ и руководством МАГАТЭ, было бы желательно уже на первом этапе согласовать с Агентством Рабочий план по разрешению остающихся вопросов относительно соблюдения Ираном соглашения о гарантиях. Подобный план успешно реализовывался в период 2007–2008 гг. при генеральном директоре Мохаммаде Эль-Барадее. Его принятие и осуществление в нынешнее время позволит не только повысить уровень взаимного доверия с МАГАТЭ, но и значительно сократить к четвертому этапу количество имеющихся вопросов. В этом случае будет существенно легче в перспективе закрыть иранское ядерное досье в целом.

В свете изложенного нельзя не согласиться с известным иранистом Владимиром Сажиным, по мнению которого ситуация вокруг ядерной проблемы ИРИ, жесткие экономические санкции и, соответственно, серьезные проблемы иранской экономики породили понимание в высших эшелонах власти, что изоляция и конфронтация с большинством стран –

это тупиковый и разрушительный путь для Исламской Республики Иран²¹⁸.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности смягчения в отношении ИРИ односторонних американских санкций. Как считает американский эксперт Патрик Клосон из Вашингтонского института ближневосточной политики, президент Обама может без согласования с Конгрессом США приостановить введенные против ИРИ финансово-экономические санкции. О рассмотрении такой возможности в администрации Обамы свидетельствует факт присутствия на последней встрече по иранской ядерной проблеме, которая состоялась 15–16 октября 2013 г. в Женеве, Адама Шубина, директора отдела Министерства финансов США по контролю над иностранными активами²¹⁹.

Таким образом, сейчас и в Тегеране, и в Вашингтоне готовы к диалогу. Конечно, до официального американо-иранского саммита еще очень далеко. Тем не менее встреча президентов Обамы и Роухани в рамках какого-то крупного международного мероприятия становится все более возможной. Для ее подготовки необходимо сформировать общую повестку переговоров, что подразумевает определение путей разрешения иранского ядерного кризиса, согласование позиций по наиболее важным региональным проблемам (Сирия, Ирак, Афганистан), выявление перспективных направлений экономического сотрудничества, а также оценку возможностей по развитию контактов в области спорта и культуры.

На первый взгляд, это кажется абсолютно нереальным ввиду чрезвычайно высокого американо-иранского недоверия, в первую очередь в ядерной сфере. Однако даже Верховный

---

²¹⁸ Сажин В. Иран готов «проявить гибкость» в диалоге по атомной проблеме? [Электронный ресурс] // Радио «Голос России». М., 19 сентября 2013. http://rus.ruvr.ru/2013_09_19/Iran-gotov-projavit-gibkost-v-dialoge-po-atomnoj-probleme-1113/.

²¹⁹ Clawson P. Sanctions Relief for Iran without Congressional Approval. Policywatch 2159. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. October 17.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/sanctions-relief-for-iran-without-congressional-approval>.

лидер ИРИ аятолла Хаменеи стал с пониманием относиться к идее компромисса на переговорах по ядерной программе. Комментируя слова президента Роухани о том, что Иран готов «проявить гибкость» в диалоге с Западом по проблеме иранского атома, Али Хаменеи сказал: «Наши враги остаются нашими врагами, но пришло время гибкости. Она жизненно необходима нам сейчас»²²⁰.

Следовательно, существует принципиальная возможность нахождения компромисса между Ираном и США (Западом в целом). В этом процессе, несомненно, важную роль может сыграть Россия, которая в условиях мощного политического и экономического давления Запада смогла сохранить сотрудничество с ИРИ в ядерной сфере. Этому уделено значительное внимание в следующей главе настоящей монографии.

---

²²⁰ Ibid.

Глава 6.

РОССИЙСКО-ИРАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

6.1. «Настороженное партнерство» при Махмуде Ахмадинежаде

В нынешней сложной международной обстановке, которая обусловлена воздействием огромного количества факторов, Россия прекрасно понимает стратегическое значение Исламской Республики Иран, а также то, что все болевые точки региона так или иначе сопряжены с Ираном. Исходя из этого, сохранение партнерских отношений с Тегераном – одно из условий существенного влияния Москвы на Ближнем и Среднем Востоке.

Вместе с тем российско-иранским отношениям присуща существенная противоречивость.

С одной стороны, в период 1990-х годов Иран был традиционным политическим партнером России в сдерживании суннитских, ваххабитских радикальных группировок, в первую очередь на Северном Кавказе, недопущении изоляции Армении, мирном урегулировании в Таджикистане. Помимо этого, Тегеран активно помогал в свержении режима талибов в Афганистане. В 2000-е годы Москве в целом удалось восстановить свое влияние на Северном Кавказе и в Центральной Азии, что несколько уменьшило потребность в российско-иранском партнерстве. Однако и сейчас Россия и Иран придерживаются общего мнения о недопустимости вмешательства западных держав в региональные дела Кавказа и Центральной Азии, готовы совместно бороться против афганского наркотрафика и исламского экстремизма, а также выступают против военного присутствия НАТО в Каспийском регионе.

С другой стороны, приверженность прежнего руководства ИРИ к ортодоксальной «хомейнистской» идеологии, поддержка им радикальных исламистских группировок и провокационная антizападная и антиизраильская политика на фоне нерешенности региональных проблем усугубляли ситуацию в сфере

международной безопасности вблизи от стратегически важных для РФ регионов Кавказа и Центральной Азии. Причем ввиду территориальной близости любой вооруженный конфликт с Ираном может привести к дестабилизации ситуации вначале на Южном, а затем и на Северном Кавказе. При этом следует учитывать, что население каждой из расположенных здесь республик на порядок меньше населения Ирана, а на территории Азербайджана проживает порядка 1 млн. внутренних беженцев из Нагорного Карабаха.

Серьезные основания для беспокойства вызывают у Москвы ядерные и ракетные программы ИРИ.

Во-первых, реализуемая Ираном программа по обогащению урана экономически плохо обоснована. В этих условиях международное сообщество имеет право критично рассматривать декларируемую Тегераном как исключительно мирную направленность иранской ядерной программы, особенно с учетом имевшей место ранее тайной деятельности в этой сфере.

Во-вторых, параллельно с ядерной достаточно быстрыми темпами реализуется иранская ракетная программа (см. главу 2). Опасность этого очевидна с учетом досягаемости южных регионов России, в которых проживает более 20 млн. человек, включая Волгоградскую и Астраханскую области, для современных иранских баллистических ракет средней дальности «Шехаб-3» («Шехаб-3М») и «Гадр-1».

С учетом вышесказанного, а также ограниченного экономического сотрудничества российско-иранские отношения при президенте Ахмадинежаде стали характеризовать как «настороженное партнерство». Этот термин был введен известным российским иранистом Владимиром Сажиным в его статье «Иранский узел»²²¹.

«Настороженное партнерство» наших стран проявлялось и в ядерной области. В частности, для России было недопустимым, если Иран будет накапливать запасы оружейного урана и плутония, прекратит взаимоотношения с МАГАТЭ, выйдет из ДНЯО и станет очередным де-факто ядерным государством. Поэтому РФ выступала против создания ИРИ замкнутого ЯТЦ как возможной научно-технологической основы для производства ядерного оружия, а также считала необходимым сохранение инспекции

---

²²¹ Сажин В. Иранский узел // Металлы Евразии. М., 2003. № 5.

иранских ядерных объектов со стороны МАГАТЭ и возобновления действия на иранской территории Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий.

В то же время большинство российских экспертов полагает, что руководство ИРИ не приняло политического решения о создании ядерного оружия. В частности, такой позиции придерживается академик Евгений Примаков. По его мнению, иранцы хотели бы пойти по японской модели, то есть достичь такого научно-технологического уровня, который позволит в случае необходимости создать ядерное оружие в течение нескольких месяцев.

Однако Россию крайне беспокоит, что нерешенность иранской проблемы может привести к так называемому ядерному домино, когда вслед за ИРИ ядерное оружие создадут Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Алжир, Сирия и некоторые другие государства. Вместе с тем Москва выступает против введения санкций и принятия решений, в том числе силового характера, вне рамок Совета Безопасности ООН. А сами санкции считает целесообразным соизмерять с реальной угрозой. В противном случае решение иранской ядерной проблемы приведет к катастрофическим последствиям, в первую очередь для всех близлежащих государств.

Излишне агрессивная политика президента Ахмадинежада привела к сближению позиций РФ и стран Запада по иранской ядерной проблеме. Так, по результатам российско-американской встречи на высшем уровне, которая состоялась 23 сентября 2009 г. в Нью-Йорке, президент Дмитрий Медведев сообщил: «Что касается санкций в отношении Ирана, то позиция России здесь проста: санкции редко приводят к продуктивному варианту, но в отдельных случаях их использование является неизбежным, но это проблема выбора». Тем не менее Дмитрий Медведев считал необходимым помочь Ирану принять правильное решение по ядерной программе: «Наша задача – создать систему стимулов, позволяющую решить проблему использования мирной ядерной энергии, с одной стороны, и не допустить создания ядерных вооружений – с другой стороны»²²².

---

²²² Сажин В. Иран: сентябрь 2009 г. Военно-политическая ситуация [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 21 октября 2009 г. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/21-10-09b.htm>.

Москва считала, что международному сообществу было необходимо продолжить переговоры с иранским руководством, по-видимому, расширяя спектр обсуждаемых проблем. При этом учитывалось существенное влияние Тегерана на решение иракской, афганской, палестинской и других региональных проблем. Для России добрососедские отношения с Ираном являлись важным фактором регионального сотрудничества. Подтверждением этого служит тот факт, что осенью 2009 г. РФ проголосовала против проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывавшей Тегеран прекратить преследование политических оппонентов. 20 ноября 2009 г. указанный проект был принят в профильном комитете Генеральной Ассамблеи ООН. В резолюции высказывалась озабоченность по поводу серьезных нарушений в области прав человека в Иране, зарегистрированных после состоявшихся в июне президентских выборов²²³.

Следует признать, что существенное ухудшение российско-иранских отношений произошло с июня 2009 г. Тогда Махмуд Ахмадинежад с использованием административного ресурса относительно легко побеждал во втором туре президентских выборов. Но некоторым в Тегеране хотелось убедительной победы, поэтому было оказано влияние на итоги выборов. В результате возникли массовые беспорядки, которые были пресечены со стороны действовавшей власти. Вскоре в Екатеринбурге состоялся саммит Шанхайской организации сотрудничества, наблюдателем которой является ИРИ. Приняв участие в работе саммита, президент Ахмадинежад, по сути, вынудил Москву признать его победу в избирательной кампании. Последнее сразу поставило РФ под сильный огонь критики со стороны иранской оппозиции. И российское руководство пошло на это, предполагая в дальнейшем доверительный характер взаимоотношений с Тегераном, особенно в таких чувствительных сферах, как торговля оружием и атомная энергетика.

Следующее негативное событие произошло в конце сентября 2009 г., когда президент Медведев узнал от своего аме-

²²³ Проект резолюции, призывающей власти Ирана прекратить преследование политических оппонентов, принят комитетом Генассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Агентство экономической информации «ПРАЙМ-ТАСС». М., 23 ноября 2009. <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B3C32B0B4-C2C8-4102-AF50-181E11AF6D00%7D.uif>.

риканского коллеги о тайном строительстве в Фордо нового завода по обогащению урана. Сооружение такого ядерного объекта можно было оправдать с военной точки зрения ввиду возможности израильского ракетно-бомбового удара по аналогичному объекту в Натанзе. Но это полностью подрывало доверие к Тегерану со стороны Москвы, которая в течение долгого времени не только спасала ИРИ от введения жестких («травмирующих») санкций со стороны Совета Безопасности ООН, но и продолжала сотрудничать с Ираном в области атомной энергетики, несмотря на мощное давление со стороны Запада.

Ухудшающуюся ситуацию в российско-иранских отношениях можно было бы исправить в октябре 2009 г. ввиду согласия «шестерки» международных посредников на прямые многосторонние переговоры с ИРИ. В ответ международное сообщество ожидало получить согласие Тегерана на пакет предложений по дообогащению иранского НОУ за границей. По-видимому, в то время Москва рассчитывала активизировать с Тегераном военно-техническое сотрудничество, что могло привести к поставке в Иран пяти дивизионов зенитных ракетных систем среднего и дальнего радиуса действия С-300ПМУ-1. Согласие иранского руководства на вывоз существенной части накопленных запасов ядерных материалов создавало благоприятный международный фон и ту атмосферу доверия, которая для РФ была крайне необходима. Однако, как уже упоминалось ранее, ИРИ стала уклоняться от реализации достаточно выгодной для нее сделки с целью сохранения значительных запасов НОУ на собственной территории. В случае их дообогащения, если исходить из 1,5 т на октябрь 2009 г., можно было получить свыше 60 кг урана оружейного качества (для производства одной атомной бомбы достаточно 25 кг такого материала). А в мае 2010 г. Тегеран выказал явное недоверие не только Парижу, но и Москве, согласившись вывезти на «ответственное хранение» под контролем МАГАТЭ НОУ не на российскую территорию, а в Турцию.

Напряженность в российско-иранских отношениях еще более усилилась в декабре 2009 г. Именно тогда президент Ахмадинежад сделал достаточно провокационное заявление о своем намерении написать Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну письмо с требованием выплаты компенсаций Ирану за убытки, нанесенные ему другими странами во время

Второй мировой войны. Одновременно он поручил своей администрации оценить ущерб, причиненный его стране государствами антигитлеровской коалиции: Советским Союзом, США и Великобританией. Это могло означать выставление финансовых претензий не только Вашингтону и Лондону, но и Москве. Неоднократное обсуждение иранским руководством аналогичных вопросов в связи с поставкой зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-300ПМУ-1 лишь подтверждало это.

Следующее знаковое событие, которое можно расценить как свидетельство определенного «похолодания» взаимоотношений между Москвой и Тегераном, произошло 19 января 2010 г. Тогда, сославшись на несвоевременную подачу соответствующей заявки, Иран запретил следовавшему в Бахрейн российскому транспортному самолету, на борту которого находился истребитель Су-27СКМ (модернизированная экспортная версия базовой модели), пролет над собственной территорией. Под угрозой срыва оказалось участие российского истребителя в авиасалоне Bahrain International Airshow 2010 (BIAS-2010)²²⁴. Вскоре так же неожиданно требуемое разрешение было получено.

В начале июня 2010 г. вице-президент ИРИ по правовым и парламентским делам Мохаммад Реза Миртаджеддини в ответ на поддержку со стороны Москвы новых международных санкций против Ирана в интервью иранскому информационному агентству «Мехр» заявил, что «Россия заплатит за то, что пошла по стопам американцев, и ее решение, без сомнения, вызовет всеобщее осуждение»²²⁵. По мнению известного ираниста Владимира Сажина, подобный тон был неприемлем в международных отношениях и свидетельствовал только об одном: иранское руководство расписывалось в своем бессилии²²⁶.

Во время Международной конференции по мерам доверия в Азии, которая прошла 8 июня 2010 г. в Стамбуле, президент Ахмадинежад проинформировал, что Иран выйдет из переговоров по ядерной программе, если Совет Безопасности ООН

---

²²⁴ Иран сорвал доставку на выставку в Бахрейн российского истребителя Су-27 // Интерфакс. М., 19 января 2010.

²²⁵ Голосовать по Ирану // Интерфакс. М., 8 июня 2010.

²²⁶ Сажин В. Иранская «благодарность» за российскую помощь [Электронный ресурс] // Голос России. М., 8 июня 2010 г.

http://rus.ruvr.ru/_print/9360743.html.

примет направленную против ИРИ резолюцию. Он также призвал бывшего там премьер-министра Владимира Путина к максимальной осторожности и предложил России сделать все от нее зависящее, чтобы не оказаться на стороне врагов Ирана. В Москве это восприняли как откровенный шантаж или даже предъявленный ультиматум. В ответ российское руководство проявило выдержку и не поддалось на иранскую провокацию. Подчеркнув, что международные санкции не должны быть избыточными и ставить «иранский народ в какое-то ложное положение, которое поставило бы барьеры на пути развития мирной атомной энергетики», Владимир Путин призвал Махмуда Ахмадинежада быть «более коммуникабельным в отношении с мировым сообществом»²²⁷.

Тем не менее российское руководство по-прежнему выступало против силового решения иранской ядерной проблемы. Так, в начале июня 2010 г., накануне своего визита в Париж, премьер-министр Владимир Путин заявил следующее: «А дискутируемое в том или ином смысле применение силы (в отношении Ирана) вообще не стоит обсуждать. Это, на мой взгляд, привело бы к огромной трагедии без всякого позитивного результата в отношении проблемы, которую мы хотим решить»²²⁸.

Естественным завершением такого развития событий стал уже упомянутый Указ Президента РФ № 1154 от 22 сентября 2010 г. «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.», согласно которому была запрещена поставка в Иран ЗРК С-300ПМУ-1. В качестве ответной меры Тегеран подал в Международный арбитражный суд г. Женевы иск на 4 млрд. долл. к российской государственной компании ОАО «Рособоронэкспорт». В настоящее время нерешенность этой проблемы является сильнейшим фактором, который препятствует развитию российско-иранских отношений.

В 2012 г., став снова президентом страны, Владимир Путин внес существенные корректировки во внешнюю политику РФ. Об этом свидетельствовали его первые визиты: Минск (31 мая – 1 июня), Ташкент (4 июня), Астана (7 июня), Париж и Берлин

²²⁷ Колесников А. Владимир Путин нанес точечный ответ по Ирану // Коммерсантъ. М., 9 июня 2010.

²²⁸ Вопрос о применении силы против Ирана не стоит даже обсуждать – Путин // Интерфакс. М., 9 июня 2010.

(1 июня), и, наконец, государственный визит в Китай на саммит Шанхайской организации сотрудничества (5–7 июня).

На полях указанного саммита ШОС состоялась двусторонняя встреча президентов Путина и Ахмадинежада, в ходе которой значительное внимание было уделено разрешению иранского ядерного кризиса на основе ранее предложенного министром иностранных дел России Сергеем Лавровым принципа поэтапности и взаимности²²⁹. При этом Владимир Путин отметил следующее: «Мы закончили большие работы по созданию атомной электростанции в Бушере. Она запущена, работает, набирает обороты и в ближайшее время должна выйти на свою проектную мощность. Мы всегда поддерживали право иранского народа на современные технологии, в том числе и на мирное использование атомной энергии. Но я хочу подчеркнуть – именно на мирное использование. Вы нашу позицию знаете: мы очень последовательные приверженцы нераспространения оружия массового уничтожения. Но мы знаем и Вашу позицию, и позицию всего иранского руководства, которая заключается в том, что Иран не работает над созданием ядерного оружия. Мы исходим именно из этого»²³⁰.

В своей речи президент Ирана заявил: «С теми вопросами, которые Вы отметили, я согласен. У нас есть хороший опыт и в прошлой истории позитивного сотрудничества наших стран. Мы являемся друзьями, двумя соседями, которые должны сотрудничать, должны расширять это сотрудничество: история и будущее от нас этого требуют». Президент Ахмадинежад указал ключевые сферы двустороннего сотрудничества: атомную

---

²²⁹ В 2011 г. Сергей Лавров предложил постепенно смягчать санкции в отношении Ирана в ответ на конкретные шаги Тегерана, направленные на снятие озабоченностей международного сообщества в связи с возможной военной составляющей ядерной программы ИРИ. В Тегеране высоко оценили эту российскую инициативу, поскольку она не ущемляла чувство национальной гордости страны и позволяла выйти из многолетнего кризиса на основе диалога с международным сообществом.

²³⁰ Алдонясов В. Встреча Путина и Ахмадинежада: диалог начинается? [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Iran.News». М., 25 июня 2012.

http://www.iran.ru/news/analytics/81441/b_Vstrecha_Putina_i_Ahmadinezhada_dialog_nachinaetsya_b.

энергетику, военно-техническое сотрудничество (в ИРИ оно рассматривается как составная часть экономического сотрудничества), торговля, транспортная инфраструктура, межбанковские связи, а также межгосударственные стандарты, культура и туризм.

Таким образом, был остановлен процесс «похолодания» российско-иранских отношений, который при президенте Медведеве являлся логическим следствием как наблюдавшегося ранее «настороженного» партнерства, так и крайне неуступчивой, а порой явно провокационной политики Тегерана. Поначалу будущее наших отношений не внушало оптимизма, учитывая достаточно жесткую позицию по иранской ядерной проблеме генерального директора МАГАТЭ Юкия Амано, сохранявшуюся поддержку Тегераном ряда радикальных исламистских организаций, а также далеко не всегда позитивную роль Ирана при решении иракской, афганской, ливанской и йеменской проблем. Ситуация еще более усугублялась из-за отсутствия между нашими государствами прочной экономической базы и негативного отношения к России со стороны иранской оппозиции.

Однако географическая близость наших государств, исторические и культурные связи и обилие общих проблем, в первую очередь по Сирии, подталкивали к восстановлению между РФ и ИРИ полноформатных партнерских отношений. Это проявилось, например, в ходе последнего визита президента Ахмадинежада в Москву, который состоялся в конце июня – начале июля 2013 г. в рамках саммита Форума стран – экспортёров газа. Исключительно важно, что даже учитывая неблагоприятный для Махмуда Ахмадинежада исход президентских выборов (к их проведению не был допущен его сподвижник Эсфендияр Мешай), президент Путин не уклонился от двусторонней встречи со своим иранским коллегой. И для этого были серьезные причины:

- крупный финансовый иск к российской компании ОАО «Рособоронэкспорт»;
- сокращение за 2012 г. двустороннего товарооборота на 40%;
- неопределенность развития отношений между Москвой и Тегераном при новом иранском руководстве.

Информация об этой встрече крайне скучна. Тем не менее известно, что в ходе ее проведения обсуждался вопрос о развитии российско-иранского взаимодействия в ядерной области и в сфере военно-технического сотрудничества, а также в энер-

гетике (экономике в целом) и науке. В частности, Махмуд Ахмадинежад не исключил, что в Иране при российском участии могут быть построены новые атомные электростанции²³¹.

6.2. Российско-иранское партнерство в новых условиях

Первая встреча Хасана Роухани и Владимира Путина состоялась в Москве в ноябре 2003 г. Тогда Роухани в качестве секретаря Высшего совета национальной безопасности провел переговоры с российским руководством по вопросу ядерного досье ИРИ. В частности, он заявил, что вопреки Уставу ООН, США пытаются передать этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности. По мнению иранской стороны, этого было нельзя допустить. В ответ президент Путин заметил: «Иран является участником Договора о нераспространении ядерного оружия, сотрудничает с МАГАТЭ, поэтому обращение в Совет Безопасности ООН лишено смысла»²³².

Именно на этой встрече Хасан Роухани в присутствии журналистов заявил, что Иран приостановил подачу гексафторида урана в газовые центрифуги, установленные на опытном предприятии по обогащению урана в Натанзе. Президент Путин был доволен, что преимущественное право объявить об этом было предоставлено Москве. Вскоре факт такой приостановки был подтвержден инспекторами МАГАТЭ.

В результате проведенных в Москве переговоров Роухани добился поддержки России по вопросу ядерного досье как на уровне СБ ООН, так и в Совете управляющих МАГАТЭ. Это позволило Тегерану избежать международных санкций, которые вполне могли быть введены против ИРИ со стороны Совета Безопасности ООН уже в 2003–2004 гг. Одновременно Роухани удалось установить личные отношения с Владимиром Путиным.

---

²³¹ Владимир Путин встретился с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом [Электронный ресурс] // Первый канал. М., 2 июля 2013. <http://www.1tv.ru/news/polit/236515>.

²³² Rouhani H. National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council. Center for Strategic Research. Tehran, 2011. P. 196.

Вторая встреча Хасана Роухани и президента Путина состоялась в феврале 2005 г., когда стоял вопрос о привлечении зарубежных стран к урегулированию иранского ядерного кризиса. Необходимость в этом возникла из-за того, что переговоры с «большой тройкой» ЕС зашли в тупик. В последнем случае иранское ядерное досье могло попасть на рассмотрение Совета Безопасности ООН.

В ходе этой встречи Владимир Путин Ирану ничего не пообещал, но согласился выступить посредником между Вашингтоном и Тегераном с целью урегулирования ядерного кризиса. Изменение позиции российской стороны было обусловлено тем обстоятельством, что ИРИ больше не могла продлевать процесс приостановки обогащения урана в Натанзе (тогда речь шла уже о месяцах). Владимир Путин проинформировал иранскую сторону, что в случае возобновления работы в Иране газовых центрифуг ядерное досье ИРИ с высокой степенью вероятности попадет в СБ ООН. И Россия этому не сможет помешать.

Вслед за этим Хасан Роухани встретился с Игорем Ивановым, секретарем Совета Безопасности РФ, который сообщил о крайней нежелательности начала работ на предприятии по обогащению урана в Натанзе, во всяком случае, до закрытия соответствующих вопросов с МАГАТЭ.

Вышеизложенное убеждает в том, что в 2003–2005 гг. Россия вела с Ираном партнерский диалог в ядерной сфере. Она не искала себе каких-то дополнительных преимуществ и старалась помочь в разрешении ядерного кризиса. Подобную политику Москва пыталась проводить и в дальнейшем, несмотря на мощное давление со стороны США и других западных государств. Хасан Роухани, как никто иной, это хорошо понимает.

Установленный ранее контакт между Владимиром Путиным и Хасаном Роухани пока развить не удается. Возможная причина этого заключается в том, что победа Роухани на президентских (2013 г.) выборах вызвала у российского руководства некоторую настороженность. В отличие от других кандидатов в президенты ИРИ (например, бывшего секретаря ВСНБ Саида Джалили или мэра Тегерана Мохаммада Галибафа) Хасан Роухани представляет собой более сложную для восприятия политическую фигуру, близкую одновременно и консерваторам, и реформаторам. А реальные изменения внешней политики ИРИ при его президентстве достаточно трудно спрогнози-

ровать, особенно учитывая зависимость Роухани от Верховного лидера.

Кроме того, победа Хасана Роухани вернула контроль над исполнительной властью в стране в руки иранского духовенства, недовольного стремительным ростом политического, военного и экономического могущества Корпуса стражей исламской революции при Махмуде Ахмадинежаде. Это не только приведет к столкновению интересов, но и будет значительно ограничивать возможности президента Роухани при реализации собственной политики.

Главными задачами своей администрации Хасан Роухани определил восстановление экономики, испытывающей растущее давление санкций, и нормализацию отношений с Западом. При этом, конечно, речь не шла об отказе от иранских принципов²³³. По мнению президента Роухани, нужно обуздить американскую силу, ставшую на пути иранского экономического прогресса. Это задача чрезвычайно трудна: одно дело отказаться от воинственной риторики своего предшественника Ахмадинежада в отношении США и Израиля и совсем другое – нормализовать отношения с Западом без коренных изменений во внешней политике ИРИ²³⁴.

В действительности Тегеран готов к изменению лишь «методов» (формы) взаимодействия с Западом. Однако некоторые российские эксперты уже предположили, что Россия во внешней политике ИРИ отойдет на второй план. При этом они не учли, что новое иранское руководство собирается лишь улучшить отношения с Западом. Причем указанные отношения имеют настолько высокий уровень конфронтации, что при президенте Буше-младшем в сентябре-октябре 2008 г., по некоторым данным, рассматривался вопрос о нанесении со стороны США массированных ракетно-бомбовых ударов по иранской ракетно-ядерной инфраструктуре.

---

²³³ Бобкин Н. Иран: первый шаг на пути к решению ядерной проблемы [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Инфорос». М., 22 августа 2013.

<http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=35297>.

²³⁴ Бобкин Н. Иран: станет ли образ нового руководства реальностью? [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. М., 22 августа 2013. <http://www.fondsk.ru/news/2013/08/22/iran-stanet-li-obraz-novogo-rukovodstva-realnostju-22297.html>.

Конечно, в Вашингтоне заинтересованы в некотором улучшении отношений с Тегераном ввиду необходимости усиления своего военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе с целью сдерживания Китая. Одновременно наращивать такое свое присутствие в АТР и держать вокруг ИРИ многочисленные военные базы США не могут, в первую очередь по экономическим причинам. Возможно, что именно поэтому за улучшение отношений с Ираном выступает министр обороны США Чак Хейгел. Его поддерживают вице-президент США Джозеф Байден и государственный секретарь Джон Керри, отчетливо понимающие необходимость сотрудничества с Тегераном по Афганистану, Ираку и, по-видимому, Сирии. Им противостоят американские сенаторы-ястребы, такие, например, как Джон Маккейн и Линдси Грэм, а также сторонники нового «морально-го лидерства США», то есть сохранения любой ценой за Америкой мирового лидерства (к их числу можно отнести помощника президента по вопросам национальной безопасности Сьюзан Райс и постоянного представителя США при ООН Саманту Пауэр).

Категорически против улучшения американо-иранских отношений выступают Израиль и Саудовская Аравия, которые будут всячески это блокировать путем явного и скрытого лоббирования своих интересов.

Внутри Ирана также далеко не все хотят реального улучшения отношений с Вашингтоном. Против этого выступает руководство КСИР, неоконсерваторы и многие другие представители политической элиты ИРИ, по мнению которых любое сближение с США нанесет ущерб национальным интересам страны. Пока неизвестно, смогут ли их переубедить президент Роухани и его сторонники. До конца неясна и позиция по этому вопросу Верховного лидера ИРИ Али Хаменеи ввиду неопределенности возможной, как он считает, гибкости по отношению к США.

Очевидно, что прогресс ирано-западных отношений будет зависеть от успешности разрешения ядерного кризиса. А это возможно только путем компромисса, а не односторонних уступок. Такое понимание в ведущих странах еще отсутствует, что будет значительно затруднять переговорный процесс.

Тем не менее российские эксперты в своем большинстве ожидают позитива по вопросу постепенного разрешения иранского ядерного кризиса. Наиболее авторитетной в этом отно-

шении является позиция Игоря Иванова, который в должности вначале министра иностранных дел, а затем секретаря Совета Безопасности РФ на протяжении многих лет был вовлечен в разрешение этого кризиса. По его мнению, сейчас существует надежда на более гибкую позицию Тегерана по ядерным вопросам. Исходя из личного опыта общения с Хасаном Роухани, Игорь Иванов полагает, что нынешний президент ИРИ является гибким политиком, умеющим без ущерба для национальных интересов находить компромиссные решения²³⁵.

Директор Центра энергетики и безопасности Антон Хлопков считает: «Президент Ирана Хасан Роухани зарекомендовал себя в 2003–2005 гг., когда был главой группы переговорщиков Ирана, как pragматичный политик и дипломат. В этой связи в ближайшие месяцы есть хорошие возможности достигнуть прогресса вокруг иранской ядерной проблемы. Безусловно, не стоит рассчитывать, что кризис полностью будет разрешен в ближайшие недели или месяцы. Однако, на мой взгляд, есть уникальная возможность достигнуть прогресса, в первую очередь, в области доверия между Ираном и странами Запада»²³⁶.

Подобной точки зрения придерживается известный иранист Владимир Сажин, который отмечает, что пред- и послевыборные речи Хасана Роухани свидетельствуют о его стремлении поменять не только имидж Ирана в мире, но и изменить его место и роль. С его точки зрения, в Тегеране началась своеобразная перестройка политического мышления, которая сопровождается уходом от идеологических штампов²³⁷. Несомненно, что это создает, как минимум, позитивный фон для разрешения иранского ядерного кризиса. Однако для реального движения в этом направлении нужны практические шаги со стороны Тегерана с целью подтвержде-

---

²³⁵ Иванов И. Переговоры с Тегераном получили шанс // Коммерсантъ. М., 5 августа 2013.

²³⁶ Сажин В. Иранская ядерная проблема: новый этап переговоров, новые надежды [Электронный ресурс] // Голос России. М., 13 сентября 2013. http://persian.ruvr.ru/2013_09_13/121293713/.

²³⁷ Сажин В. Перестройка или передышка? [Электронный ресурс] // Голос России. М., 25 сентября 2013. http://rus.ruvr.ru/2013_09_25/Iranskaja-perestrojka-nachalas-s-priznaniya-Holokosta-9516/.

ния исключительно мирной направленности национальной ядерной программы. В качестве одного из них можно рассматривать, например, вопрос о допуске инспекторов МАГАТЭ на военную базу в Парчин.

Для российского руководства иранская ядерная программа не является фактором, определяющим уровень двусторонних отношений. Большее значение для нее имеют региональные проблемы Каспийского региона. Поэтому когда в августе 2013 г. планировалось совершить турне президента Путина по каспийским государствам²³⁸, было предложено иранской стороне организовать встречу с президентом Роухани в иранском порту Энзели (Бендер-Энзели). Иранские власти предложили расширить программу визита за счет посещения Тегерана, что позволило бы провести встречу Владимира Путина не только с Хасаном Роухани, но, что более важно, с Верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи. По-видимому, учитывая менталитет иранцев, с этим предложением нужно было согласиться. Однако в администрации Путина посчитали иначе и не стали менять протокольную часть визита (скорее всего, в Москве не захотели повышать статус визита в ИРИ до официального в преддверии российско-американского саммита в Москве, который в дальнейшем так и не состоялся). В Тегеране это было воспринято как признак неуважения, поэтому российско-иранская встреча в августе так и не состоялась.

13 сентября 2013 г. Хасан Роухани принял участие в саммите ШОС, который прошел в Бишкеке. Это стало его первым зарубежным визитом в качестве президента страны. На полях саммита президент Роухани встретился на двустороннем уровне с президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином. В ходе этих встреч состоялся обмен мнениями по сирийскому кризису и иранской ядерной проблеме, который выявил близость занимаемых позиций. Однако никакого прорыва в развитии отношений не произошло, что говорит о трудности этого процесса с новым иранским руководством.

---

²³⁸ Первоначально планировалось, что президент Владимир Путин совершит путешествие с посещением основных портов на Каспийском море. При этом в Баку должна была состояться встреча с президентами Азербайджана Ильхамом Алиевым и Казахстана – Нурсултаном Назарбаевым.

Тем не менее накануне этой встречи посол Ирана в России Махмуд Саджади заявил, что у Тегерана и Москвы много общего, поэтому положительная тенденция в отношениях двух государств «не только будет сохранена, но будет развиваться еще дальше». В частности, обе страны не допускают «вмешательства иностранных сил во внутренние дела других государств».

Посол Саджади проинформировал, что Тегеран пока не получал конкретных предложений от Москвы о военных поставках взамен ЗРК С-300. Однако если речь пойдет о поставках ЗРК С-300ВМ «Антей-2500», то Иран, по его словам, готов проявить гибкость в этом вопросе. Политик заверил: «Если есть какая-нибудь другая система ПВО, которая смогла бы покрыть нашу территорию в рамках общего плана, и если бы цена и время поставок были подходящими, то мы могли бы проявить гибкость». Однако Махмуд Саджади подчеркнул, что президенты обеих стран вряд ли будут обсуждать на встрече этот «несущественный» вопрос, «хотя за президентами остается окончательное решение»²³⁹. Как указано выше, именно так и произошло на встрече в Бишкеке.

В Москве существуют опасения, что Тегеран сможет существенно улучшить отношения с Западом в обход России. Поэтому Россия заинтересована в установлении более тесных (партнерских) отношений с Ираном. Об этом свидетельствует, например, состоявшаяся в начале июля 2013 г. в Москве встреча президентов Путина и Ахмадинежада.

В Тегеране по этому вопросу пока проявляют осторожность. По мнению российского независимого эксперта Александра Кузнецова, «этому способствуют два блока причин: экономический и политический. Первый состоит в том, что главной заботой нынешнего иранского руководства является улучшение экономической ситуации в стране, существенно подорванной санctionями (в этом отношении скорее поможет Китай, чем Россия)... Во-вторых, нынешнее иранское руководство нацелено на прямые переговоры с Соединенными Штатами. Судя по всему, прощупывание возможностей для таких перего-

---

²³⁹ Иранский дипломат: «Общие угрозы» еще больше сплотят Москву и Тегеран [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Вести.Ру». М., 25 августа 2013. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1121589>.

воров уже ведется»²⁴⁰. Состоявшийся 27 сентября 2013 г. в Нью-Йорке телефонный разговор президентов Обамы и Роухани лишь подтвердил это. В таких условиях уменьшается потребность в посреднике²⁴¹ для урегулирования американо-иранских отношений.

Таким образом, дальнейшее развитие российско-иранских отношений подвержено высокой степени неопределенности. Оно будет зависеть как от успешности разрешения ядерного кризиса ИРИ, так и от способности Москвы в новых условиях выстроить с Тегераном подлинно партнерские отношения. Базисом для этого может стать достаточно плодотворное сотрудничество наших стран в ядерной сфере.

6.3. Сотрудничество Москвы и Тегерана в ядерной сфере

Российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере началось в августе 1992 г. на основе подписанного «Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии»²⁴². Этот документ предусматривал кооперацию в области проектирования, строительства и эксплуатации исследовательских и энергетических реакторов, промышленного производства компонентов и мате-

---

²⁴⁰ Александров И.А. К участию Ирана в саммите ШОС и новым тенденциям в ирано-американских отношениях [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 20 сентября 2013.

<http://www.iimes.ru/?p=18246>.

²⁴¹ В 2000-е годы Россия неоднократно пыталаась выступить посредником при урегулировании иранского ядерного кризиса. Однако большого успеха это не имело, а порой иранская сторона не выполняла взятые на себя обязательства, чем ставила российское руководство в чрезвычайно небудное положение перед Западом.

²⁴² Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии по вопросам экспортного контроля. М., 24 августа 1992. <http://excon.minatom.ru/mezhpravsgol/titles/iran1.htm>.

риалов, необходимых для использования в ядерных реакторах и их топливных циклах, производства и применения радиоизотопов. Москва и Тегеран также договорились о сотрудничестве при снятии ядерных объектов с эксплуатации, совместном проведении исследований в области мирного использования атомной энергии, управляемого термоядерного синтеза, производства лазеров и их применения.

Указанное соглашение было ратифицировано Тегераном в апреле 1993 г., что позволило выйти на реальные контракты²⁴³. Первый из них был подписан в январе 1995 г. в Тегеране представителями Всероссийского производственного объединения «Зарубежатомэнергострой» и ОАЭИ на завершение строительства первого ядерного энергоблока в Бушере. В дальнейшем предполагалась поставка со стороны России еще трех реакторов: 1 ГВт и 2 по 440 МВт²⁴⁴.

Одновременно был подписан протокол переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии Виктором Михайловым и вице-президентом ИРИ, руководителем Организации по атомной энергии Ирана Резой Амроллахи, который предусматривал:

- строительство в Иране исследовательских реакторов малой мощности (менее 1 МВт) для подготовки иранских специалистов²⁴⁵;
- максимальное использование на совместно создаваемых объектах иранского персонала, в первую очередь по проекту в Бушере;
- поставку ядерного топлива для энергетического реактора по условиям и ценам, соответствующим мировым²⁴⁶.

Кроме этого, планировалось подготовить и подписать:

- а) в течение трех месяцев – контракт на поставку из России легководного исследовательского реактора мощностью 30–50 МВт;

---

²⁴³ Nuclear News. 1993. May. P. 20.

²⁴⁴ «Christian Science Monitor» о влиянии иранского фактора на американо-российские отношения // ИТАР-ТАСС. М., 4 апреля 1996.

²⁴⁵ Российская сторона обязалась в 6-месячный срок передать в ИРИ технико-экономическое предложение по этому вопросу.

²⁴⁶ Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире. М.: РИСИ, 2003. С. 133–134.

б) в течение первого квартала 1995 г. – контракты на поставку из РФ 2 тыс. т природного урана и подготовку 10–20 иранских аспирантов и докторов наук в год;

в) в течение 6 месяцев – контракт на сооружение в ИРИ урановой шахты; после этого планировалось провести переговоры о строительстве завода по обогащению урана методом центрифугирования²⁴⁷.

Выполняя взятые на себя обязательства, в августе 1995 г. представители РФ и ИРИ подписали контракт на поставку в 2001–2011 гг. ядерного топлива для АЭС в Бушере на сумму 300 млн. долл.²⁴⁸ В этом контракте не была детально прописана процедура возвращения ОЯТ в Россию, так как оно классифицировалось как радиоактивные отходы, ввоз которых в нашу страну был запрещен.

Однако реализовать вышеуказанное в полной мере не удалось как по финансовым причинам²⁴⁹, так и вследствие давления со стороны Вашингтона. Так, к апрелю 1998 г. был подготовлен контракт на поставку в ИРИ исследовательского реактора, который должен был работать под контролем МАГАТЭ на уране со степенью обогащения не более 20%. Однако на десять российских предприятий и учреждений за сотрудничество с ИРИ были наложены американские санкции²⁵⁰,

---

²⁴⁷ Russian-Iranian Protocol. Iran Brief, Policy, Trade and Strategic Affairs. 01.06.1995. No. 8. <http://www.iran.org/tib/public/0818.html>.

²⁴⁸ Patrick H. Iran to Buy 4 Reactors, Says Russia // Moscow Time, 30.08.1995.

²⁴⁹ Контракты, подписанные с ИРИ в первой половине 1990-х годов, частично оплачивались прямыми поставками иранской нефти, цена которой изменялась достаточно сильно.

²⁵⁰ Среди них: ФГУП «Главкосмос», Балтийский государственный технический университет «Военмех», Научно-исследовательский институт приборостроения им. В.В. Тихомирова, ФГУП Новосибирский завод им. Коминтерна, Научно-производственный центр «ИНОР», Некоммерческое партнерство «Межрегиональное объединение строительных организаций», Федеральный государственный унитарный научно-исследовательский институт конструкционных материалов на основе графита, Научно-исследовательский институт «Полюс», ООО «Европалас-2000» и ФГУП «Опытное конструкторское бюро «Факел». В 1999 году в этот список дополнительно попали: Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева и Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники им. Н.А. Доллежаля.

что вынудило российскую сторону отказаться от контракта на поставку исследовательского реактора²⁵¹.

В период с 1992 по 1997 г. российские специалисты подготовили проект шахты для добычи в ИРИ урана, но реализовать его не удалось. По финансовым причинам были прекращены и переговоры о поставке в Иран природного урана²⁵². В результате остался только контракт по строительству АЭС в Бушере, завершить который планировалось к сентябрю 2003 г.²⁵³. Однако значительные трудности объективного и субъективного характера привели к задержке строительства на 10 лет. Как отмечает Анна Луткова из МИФИ, в качестве объективных причин задержки строительства можно рассматривать следующие²⁵⁴:

- в ходе ирано-иракской войны недостроенная АЭС и захваченное туда технологическое оборудование девять раз подверглись масштабным авиационным бомбардировкам, что, в частности, привело к сильному повреждению защитной оболочки реакторного отделения;

- документация к значительной части имевшегося немецкого оборудования была утеряна, что крайне затрудняло как сертификацию оборудования, так и разработку технологий его ремонта (от каких-либо форм сотрудничества Берлин уклонился)²⁵⁵;

- Бушерский контракт стал первым для России зарубежным проектом на строительство энергетического реактора после распада Советского Союза, что потребовало заново выстраивать производственную цепочку, изыскивать финансовые ресурсы и набирать инженерно-технический и строительный персонал;

---

²⁵¹ Ваганов А. АЭС в Бушере будет достроена // Независимая газета. М., 12.05.1998.

²⁵² Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 2007. С. 229.

²⁵³ Unit 1 of Bushehr Nuclear Power Plant in Iran to Be Put into Operation in Sept. 2003 // Inerfax. 15.02.2002.

²⁵⁴ Луткова А.М. Российско-иранское сотрудничество в области атомной энергетики в рамках Бушерской АЭС: современное состояние и перспективы. М.: МИФИ, 2010. С. 8–26.

²⁵⁵ Из поставленных в 1970-х годах в Иран 100 тыс. единиц различного немецкого оборудования только 10 тыс. (10%) были признаны годными к дальнейшему использованию.

– иранские подрядчики, участие которых в реализации проекта носило обязательный характер, оказались не в состоянии выполнить качественно и в срок взятые на себя обязательства; в этих условиях российская сторона была вынуждена согласиться на завершение строительства АЭС в Бушере «под ключ» в 52-месячный срок;

– западные государства наложили эмбарго на поставку любого оборудования для Бушерской АЭС, что, в частности, сделало невозможным поставку из Германии системы управления для реактора;

– российский проект строительства АЭС пришлось адаптировать под существующую площадку, конструкции и оборудование, созданные немецкими специалистами;

– согласно контракту, стоимость строительства не индексировалась, что привело Москву к значительным финансовым издержкам ввиду значительного роста курса евро к доллару в первом десятилетии XXI в.

Даже в таких условиях компания ЗАО «Атомстройэкспорт» продолжала реализовывать контракт стоимостью 1,3 млрд. долл. по достройке и вводу в эксплуатацию энергетического реактора в Бушере. В его осуществлении было задействовано около трехсот российских предприятий²⁵⁶, что создало приблизительно 20 тыс. рабочих мест. Помимо этого, в период всего срока службы энергетического реактора Москва взяла на себя обязательство по поставке для него ядерного топлива и вывоза накапливающегося ОЯТ.

В октябре 2007 г. российской и иранской сторонами были согласованы изменения к контракту о строительстве АЭС, которые обеспечили финансирование проекта до этапа энергетического пуска и установили срок предварительной приемки энергоблока на август 2010 г. В декабре 2007 – январе 2008 г.

---

²⁵⁶ Наиболее активное участие в реализации контракта по строительству АЭС в Бушере приняли следующие российские организации: ОАО «Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт «АтомЭнергоПроект», Опытное конструкторское бюро «Гидропресс», Российский научный центр «Курчатовский институт», ОАО «Ижорские заводы», АО «Электросила», ОАО «Машиностроительный завод «ЗиО-Подольск» и ОАО «Белгородский машиностроительный завод «Прогресс».

была осуществлена поставка ядерного топлива, необходимого для первой загрузки АЭС²⁵⁷. Всего было доставлено восемь партий общим весом около 82 т. С целью подготовки технического персонала Бушерской АЭС в период 2005–2008 гг. в России прошли обучение 700 иранских специалистов²⁵⁸.

Доставка ядерного топлива в реакторное отделение Бушерской АЭС началась 21 августа 2010 г. в присутствии генерального директора государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» Сергея Кириенко и вице-президента ИРИ, руководителя ОАЭИ Али Акбара Салехи. Процесс загрузки активной зоны этого реактора произошел в конце октября. Однако сдать его в эксплуатацию иранской стороне долгое время не удавалось ввиду множества технических проблем, обусловленных, в том числе, отсутствием полной совместимости российского и немецкого оборудования. Это приводило к необходимости периодической выгрузки из активной зоны реактора ядерного топлива.

Так, в феврале 2011 г. при проведении тестирования оборудования первого контура рассматриваемого реактора был поврежден один из главных циркуляционных насосов, поставленных Германией в 1970-х годах. Это создало угрозу попадания посторонних элементов в активную зону реактора, поэтому представители российской стороны убедили иранские власти в необходимости выгрузки ядерного топлива. Эта и другие сопутствующие операции носили предупредительный характер с целью обеспечения безаварийной работы энергетического реактора. Позднее ядерное топливо на АЭС вновь было загружено, что свидетельствовало об устранении имевшейся технической проблемы.

В целом на Бушерской АЭС была обеспечена высокая надежность работы оборудования. Имевшиеся же технические проблемы не следует преувеличивать, так как на рассматриваемой атомной электростанции используется многоступенчатая система защиты для предотвращения аварии, например,

---

²⁵⁷ Контракт на поставку ядерного топлива для Бушерской АЭС был подписан в августе 1995 г. Его стоимость составила 300 млн. долл.

²⁵⁸ Мамедова Н. Иран и Россия в 2008 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 3 марта 2009.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/03-03-09a.htm>.

при разрыве трубопровода самого опасного первого контура. Для этого будет применяться не только система аварийной защиты, но и борное регулирование, позволяющее изменять концентрацию жидкого поглотителя нейтронов – борной кислоты за счет продувки-подпитки первого контура реактора. Учитывая, что давление в этом контуре составляет 160 атм., оборудование с радиоактивным теплоносителем размещается в защитной бетонной оболочке. Кроме того, существует система аварийного охлаждения, которая, в том числе, отводит тепло уже заглушенного энергетического реактора (остаточное тепловыделение реактора типа ВВЭР-1000 спустя сутки соответствует мощности 15 МВт). Все это позволяет предотвращать практически весь спектр возможных аварий, но требует присутствия грамотного и обученного персонала.

Россия заблаговременно подготовила тех иранских специалистов, которым предстоит эксплуатировать Бушерскую АЭС.

Достаточно надуманно выглядит для Бушерской АЭС угроза землетрясений. Сам факт такого события в апреле 2013 г. с магнитудой 6 баллов по шкале Рихтера является лишь поводом для беспокойства, так как российский реактор рассчитан на силу землетрясений до 9 баллов. Именно такое произошло в Японии, но построенные сорок лет назад корпуса японских реакторов АЭС «Фукусима-1» не пострадали. Резервная система охлаждения реакторов и бассейнов выдержки ОЯТ выработала весь заложенный ресурс. Однако основное электроснабжение так и не было восстановлено, что привело к катастрофе. Ситуация усугубилась в результате воздействия разрушительного цунами, высота гребня волны которого составила 14 м. Совершенно очевидно, что возникновение цунами в относительно мелководном Персидском заливе (средняя глубина не превышает 90 м) практически невозможно.

Необходимо вспомнить и о том, что в декабре 1988 г. на северо-западе Армении произошло Спитакское землетрясение, сила которого превысила 7 баллов. Но это не привело к повреждению Армянской АЭС, которая включала два энергобло-ка с реакторами типа ВВЭР-440. На современных реакторах ВВЭР-1000 система аварийной защиты срабатывает автоматически при землетрясениях силой свыше 6 баллов.

В то же время следует признать, что угроза безопасности Армянской АЭС существовала. Энергетические реакторы были заглушены, но для контроля и управления процессами требо-

валось присутствие на атомной электростанции обслуживающего персонала, который, поддавшись панике, покинул свои рабочие места. В результате пришлось срочно завозить специалистов с Кольской АЭС.

Конечно, местоположение Бушерской АЭС в зоне жаркого климата требует особого внимания к системе охлаждения второго контура реактора, который считается достаточно безопасным в радиационном отношении. Этот контур является замкнутым, а его подпитка осуществляется специально подготовленной водой. Применение морской воды предполагается только в системе конденсации второго контура. Следовательно, в нормальных условиях эксплуатации Бушерской АЭС исключается слив в Персидский залив радиоактивной воды.

Летом 2013 г. АЭС в Бушере под контролем со стороны МАГАТЭ была наконец-то запущена на полную мощность²⁵⁹. Контроль за ее работой осуществляют российские специалисты. 23 сентября текущего года Россия передала первый энергоблок Бушерской АЭС под временный контроль иранских специалистов. Гарантия российской стороны на эксплуатацию этого энергетического реактора будет действовать два года. По завершении этого периода Иран получит полный контроль над Бушерской АЭС и возьмет на себя ответственность за ее эксплуатацию²⁶⁰.

Это позволяет рассмотреть вопрос о строительстве там еще двух энергетических блоков мощностью не менее 1 ГВт каждый. Такое строительство, которое должно предполагать передачу иранской стороне некритичных для ядерного распространения технологий, можно представить как продолжение уже реализованного контракта. Но для этого нужен благоприятный фон в виде некоторого улучшения отношений ИРИ с Западом.

Несомненно, что иранцы имеют полное право на строительство АЭС самостоятельно. Но для этого, учитывая сложность создаваемых объектов и непростые отношения с МАГАТЭ, не-

---

²⁵⁹ АЭС «Бушер» заработала после землетрясения [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Дни.Ру». М., 28 июня 2013.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/03-03-09a.htm>.

²⁶⁰ 23 сентября Россия передаст Бушерскую АЭС под контроль Ирана [Электронный ресурс] // Информационный сайт NEWSru.co.il. Тель-Авив, 22 сентября 2013. http://newsru.co.il/mideast/22sep2013/busher_106.html.

обходимо иметь соответствующий опыт. При его отсутствии желательно сооружать такие объекты совместно. По этому пути шли, например, Япония и Республика Корея.

В настоящее время, по-видимому, идут российско-иранские консультации по этому вопросу. Только на их основе может быть подготовлено соответствующее соглашение, которое должно быть поддержано со стороны меджлиса (парламента) ИРИ. По мнению заведующей сектором Ирана Института востоковедения РАН Н.М. Мамедовой, «России нужно тщательно взвесить все «за» и «против», поскольку правительство в Иране может измениться, может измениться политический курс. Заранее гарантировать что-то здесь невозможно»²⁶¹.

Еще одно направление, развитие которого возможно в интересах двустороннего сотрудничества, состоит в проведении российскими специалистами комплексной оценки безопасности иранских ядерных объектов. Потребность в этом обусловлена как отсутствием опыта у иранских специалистов и соответствующего содействия со стороны МАГАТЭ, так и наличием в ИРИ морально и физически устаревших ядерных установок. В первую очередь это имеет отношение к Тегеранскому исследовательскому реактору, где продолжительная работа при отсутствии свежего ядерного топлива привела к существенному снижению мощности работы реактора. Это сделало крайне проблематичным саму возможность тестирования для этого реактора ядерного топлива иранского производства.

Подобные проблемы характерны и для энергетического реактора Бушерской АЭС ввиду использования там по настоянию иранской стороны физически устаревшего немецкого оборудования. Это может привести к возникновению технических проблем, поэтому крайне желательно оставить на этой АЭС некоторое количество российских специалистов и после полной передачи реактора иранской стороне.

Директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин полагает, «что вектор российско-иранских отношений принципиальным образом с приходом нового президента (Роухани) никак не изменится. Напротив, он получит какой-то новый им-

²⁶¹ Сажин В. Важный этап в развитии иранской атомной энергетики [Электронный ресурс] // Голос России. М., 23 сентября 2013.
http://rus.ruvr.ru/2013_09_23/Iranskuju-jadernuju-jenergetiku-spasla-Rossija-5688/.

пульс в связи с тем, что новый президент Ирана будет в большей мере искать взаимопонимания с «шестеркой» по ядерной проблеме Ирана, в которой Россия играет активную роль и выступает со своими собственными позициями, которые гораздо ближе и терпимей к Ирану, нежели позиции западных государств»²⁶². Исходя из этого, должны сложиться благоприятные условия для взаимодействия Москвы и Тегерана в ядерной сфере.

Таким образом, нынешнее состояние российско-иранских отношений, которое характеризуется как «настороженное партнерство», уже является пережитком прошлого. Для разрешения общих региональных проблем в Сирии, Афганистане или Нагорном Карабахе нужно более тесное двустороннее сотрудничество. Этого же настоятельно требует и складывающаяся экономическая ситуация, уже не столь благоприятная, как в недавнем прошлом. Ее улучшить на двустороннем уровне вполне возможно путем, например, строительства новых энергоблоков на Бушерской АЭС, реализации транспортного коридора «Север–Юг» и совместного освоения крупнейшего газоконденсатного месторождения «Южный Парс». В условиях постепенного улучшения отношений Ирана с Западом для установления реального российско-иранского партнерства нужна лишь политическая воля руководителей наших государств. Нет сомнения, что в Москве и Тегеране это отчетливо понимают.

---

²⁶² Персидский код // Современный Иран. М., август 2013. № 23. С. 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иранская ядерная проблема еще далека от своего разрешения. Она возникла в тяжелый для Тегерана заключительный период ирано-иракской войны, когда лучше технически оснащенные войска Саддама Хусейна не только смогли сдержать натиск превосходящего по численности противника, но и стали перехватывать инициативу. К этому времени проживавшие в приграничных районах иранцы уже почувствовали на себе последствия применения Багдадом химического оружия. Но им готовилось новое, более страшное испытание. В Ираке делались отчаянные попытки по созданию ядерного оружия, несмотря на уничтожение в 1981 г. израильской авиацией исследовательского реактора в Озираке. И нет сомнения в том, что Саддам Хусейн пошел бы на его боевое применение, если бы успел создать хоть один ядерный боезаряд.

В таких условиях иранское руководство предприняло ответные меры. Оно закупило по сети «черного» рынка, организованного пакистанским ученым Абдул Кадир Ханом, техническую документацию и ряд компонентов двух газовых центрифуг, которые используются для обогащения урана, а позднее попыталось купить у Исламабада готовый ядерный боеприпас. Конечно, эта деятельность была незаконной, но она диктовалась тяжелейшими условиями, в которых оказалась Исламская Республика.

По-видимому, шахский Иран также стремился к ядерному оружию с целью утверждения себя в качестве региональной сверхдержавы. Не оспаривая самой такой возможности, хотелось бы заметить, что в 1970-е годы вопрос о существовании Ирана как независимого государства на повестке дня не стоял. Иран имел союзнические отношения с Вашингтоном и поддержку со стороны Запада в целом. Одновременно Тегеран сохранял партнерские отношения с Москвой, что исключало его втягивание в процесс советско-американского противостояния периода «холодной войны». Как следствие, военно-прикладные исследования иранских специалистов в ядерной области носили огра-

ниченный характер. Но это не исключало самой возможности создания ими ядерного оружия в обозримой перспективе.

В конце 1980-х годов ирано-иракская война закончилась, но это не сняло проблему взаимоотношений с арабскими государствами, обусловленную серьезными историческими, политическими и религиозными причинами. Она существовала и при шахе, который в конце 1971 г. принял решение об установлении контроля над принадлежавшими ОАЭ островами Большой и Малый Томб в Ормузском проливе. Но эта проблема получила особую остроту после попыток Тегерана экспорттировать идеи Исламской Революции за пределы национальных границ. Позднее аравийские монархии стало все больше беспокоить стремительное повышение региональной роли ИРИ после свержения режима талибов в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке. В результате возникло острое соперничество, которое проявилось в виде суннитско-шиитского противостояния в Бахрейне, Йемене, Ираке и Сирии. Это не могли не учитывать в Тегеране при реализации ядерной программы.

Иранское руководство отчетливо понимало, что государство находится во враждебном окружении и может рассчитывать только на собственные силы. Именно это, по-видимому, подтолкнуло его к возобновлению ядерной программы, не исключающей военной составляющей. При этом следует учитывать, что ИРИ как государство – член ДНЯО имела все основания для законной деятельности в ядерной области. Но такая деятельность постоянно блокировалась со стороны США, обеспокоенных не только ярко выраженным антиамериканским и антиизраильским внешнеполитическим курсом Тегерана, но и его активной поддержкой ряда радикальных исламистских организаций. Как следствие, иранское руководство продолжило начатую в середине 1980-х годов тайную деятельность по созданию в стране ядерного топливного цикла как научно-технологической предпосылки для ядерного оружия, нарушая, таким образом, свои международные обязательства, взятые на себя согласно ДНЯО. Вполне возможно, что пример Северной Кореи показал Тегерану тщетность усилий международного сообщества по сдерживанию ядерного распространения.

Однако создание ядерное оружия при отсутствии средств его доставки не имело смысла. Понимая это и имея существенный задел в области ракетостроения, Тегеран стал форсированными темпами осваивать советские, северокорейские и ки-

тайские ракетные технологии с целью разработки баллистических ракет средней дальности, которые на Ближнем и Среднем Востоке имеют, несомненно, стратегическое значение. В результате были созданы и приняты на вооружение жидкостные ракеты «Шехаб-3» («Шехаб-3М») и «Гадр-1», в ближайшей перспективе возможно окончание работ по созданию твердотопливной ракеты «Саджиль-2». Это позволяет не только нивелировать техническое превосходство ВВС арабских стран, активно закупающих авиационную технику на Западе, но и обеспечить в перспективе ракетное сдерживание Израиля. Однако пока рано говорить о возможности снаряжения указанных ракет ядерными головными частями, а тем более о разработке баллистической ракеты межконтинентальной дальности стрельбы. Другие имеющиеся у ИРИ носители мало пригодны для уверенной доставки ядерного боезаряда на значительное расстояние.

Достаточно долго тайную деятельность ИРИ в ядерной области удавалось скрывать. Это было возможно на этапе продолжавшихся до конца 1990-х годов исследовательских и опытно-конструкторских работ, когда круг привлекаемых лиц был в значительной степени ограничен. В дальнейшем, по мере подключения к ядерной программе представителей технических университетов, расширения производства соответствующих комплектующих на предприятиях оборонно-промышленного комплекса и проведения широкомасштабных закупок за рубежом специального оборудования и материалов это становилось все труднее. Тем не менее в начале 2000-х годов Тегеран смог не только создать секретные, то есть незаявленные в МАГАТЭ ядерные объекты в Натанзе и Исфахане, но и приобрести все необходимое для дальнейшего развития национальной ядерной программы.

В современных условиях скрыть крупное производство в ядерной области уже невозможно. И в 2003 г. международное сообщество предъявило Ирану серьезные обвинения по причине его незаконной деятельности в рамках ДНЯО как безъядерного государства, что могло сразу привести к введению политических и экономических санкций со стороны Совета Безопасности ООН. Но не это пугало иранское руководство. В то время ВС США уже свергли режим Саддама Хусейна и могли приступить к решению боевых задач на территории ИРИ. Это вынудило Тегеран пойти на серьезные уступки: подписать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гаран-

тий и сразу начать выполнение его требований; приостановить все работы по обогащению урана, регенерации ОЯТ и выделению плутония; разрешить инспекторам Агентства проводить проверки иранских ядерных объектов без предварительного уведомления, а также согласиться на применение измененного кода 3.1 к указанному соглашению с МАГАТЭ.

В 2004 г. определенных успехов в решении иранской ядерной проблемы удалось добиться «большой тройке» ЕС (Великобритании, Франции и Германии). В частности, был поставлен под контроль МАГАТЭ завод по конверсии урана в Исфахане и подписаны так называемые Парижские соглашения о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. Большую роль в этом сыграл секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Хасан Роухани.

Тогда у многих возникло ощущение, что существующую проблему можно решить в ближайшем будущем. Но эти ожидания не оправдались, в первую очередь по вине президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, который сразу сменил команду переговорщиков с Западом. Была возобновлена реализация иранской ядерной программы: в августе 2005 г. началась конверсия урана на предприятии в Исфахане, в январе следующего года – исследования в области производства ядерного топлива (обогащения урана). Помимо этого, в феврале 2006 г. Тегеран приостановил соблюдение Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, а в марте 2007 г. – измененного кода 3.1 к этому соглашению. Некоторая вина за все это лежит на «большой тройке» ЕС, которая не была готова к независимой от США внешней политике в отношении ИРИ.

Москва стала принимать все более активное участие в этом процессе, начиная с февраля 2005 г., когда был подписан ряд российско-иранских документов, регламентирующих возврат ОЯТ с энергоблока Бушерской АЭС в Российскую Федерацию, что сняло последнюю озабоченность международного сообщества в отношении этого проекта. В ноябре того же года Тегерану было предложено обогащать уран на российской территории. Это позволяло, с одной стороны, отказаться от передачи ИРИ технологий обогащения урана, а с другой, – содержало реальный выход из тупиковой ситуации. Однако иранское руководство выступило против размещения каких-либо звеньев ЯТЦ вне национальных границ.

В дальнейшем продолжился достаточно безрезультативный переговорный процесс, несмотря на изменение его формата вначале на шестисторонний, а затем семисторонний, включая Иран. В ответ на перманентное ужесточение санкций со стороны СБ ООН, ЕС, США и их союзников ИРИ стала затягивать процесс переговоров, наращивая свой ракетно-ядерный потенциал и проверяя таким образом на прочность глобальный режим нераспространения ОМУ.

В сентябре 2008 г. иранский ядерный кризис до такой степени обострился, что США стали рассматривать возможность его силового разрешения. В Иране к этому заранее подготовились. Так, предприятие по обогащению урана в Натанзе было сразу заглублено в землю и защищено несколькими слоями армированного бетона. Аналогичное предприятие в Фордо вообще создали внутри горы, а его связь с внешним миром ограничивается тоннелями. Последний ядерный объект уничтожить обычными средствами поражения невозможно, однако его дальнейшая работа после многодневных ракетно-бомбовых ударов вызывает серьезные сомнения ввиду, например, выхода из строя вспомогательного оборудования.

С приходом в Белый дом президента-демократа Барака Обамы возникло некоторое окно возможностей для нормализации американо-иранских отношений. Однако взаимная подозрительность и излишне жесткий курс президента Ахмадинежада не позволили реализовать такую возможность. Вследствие этого американцы вновь стали уделять основное внимание мерам давления на Иран, не исключая и нанесение по его ракетно-ядерной инфраструктуре военного удара. Такая ситуация особенно обострилась в 2012 г. во время Ормузского кризиса.

Необходимо отметить, другой мерой давления Запада на ИРИ стали как международные (со стороны Совета Безопасности ООН), так и односторонние политические и финансово-экономические санкции. Конечно, они не служат идеальным средством решения иранской ядерной проблемы, а их поддержка на Востоке, особенно со стороны Китая, Индии, Турции, Японии и даже Республики Корея, не является безусловной. Некоторые сомнения вызывает их реальная эффективность на фоне активного противодействия со стороны Тегерана. Препятствуют реализации санкций и экономические интересы крупных западных компаний. В то же время резкое снижение темпов экономического развития ИРИ, которое не может быть обусловлено

лишь стагнацией мировой экономики и ошибками правительства при президенте Ахмадинежаде, наглядно свидетельствует о серьезной изоляции страны в настоящее время.

Следует признать, что никакие санкции не смогут остановить ИРИ на пути к атомной бомбе, если такое политическое решение будет принято. Однако санкции могут существенно уменьшить возможности иранской элиты по перераспределению получаемых нефтяных доходов через различного рода фонды с целью обеспечения лояльности местного населения и субсидирования продуктов питания и предметов первой необходимости для бедных его слоев. До последнего времени именно нефть обеспечивала иранскому обществу стабильность. Сокращение ее экспорта в несколько раз, обусловленное введением в 2012 г. против ИРИ чрезвычайно жестких финансово-экономических санкций со стороны ЕС, США и их союзников, стало подталкивать правящую элиту ИРИ к поиску путей нормализации отношений с Западом. Это ярко проявилось во время президентской (2013 г.) избирательной кампании, которая была действительно демократичной и свободной, что позволило прийти к власти умеренному консерватору Хасану Роухани.

В настоящее время наибольшее беспокойство у международного сообщества вызывают накопленные в ИРИ запасы гексафторида урана, обогащенного до 20%. Причина этого состоит в том, что время их дообогащения до оружейного уровня, например, на предприятии по обогащению урана в Фордо составляет всего несколько месяцев. Это позволяет Тегерану в случае принятия соответствующего политического решения достаточно быстро выйти на ядерное испытание. На это Совет Безопасности ООН может не успеть отреагировать, а Израиль обязательно нанесет упреждающий ракетно-бомбовый удар по иранской ракетно-ядерной инфраструктуре.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что между ИРИ и МАГАТЭ также отсутствует взаимное доверие. Количество нерешенных вопросов в отношении иранской ядерной деятельности только увеличивается, а доклады генерального директора Агентства не способствуют конструктивному диалогу. Ситуацию в этом направлении можно изменить путем возвращения иранского «ядерного досье» из СБ ООН в МАГАТЭ. Но для этого нужно сделать несколько крайне необходимых шагов: существенно повысить меры взаимного доверия и приостановить в ИРИ не только процесс дообогащения урана, но и работу

предприятия по обогащению урана в Фордо. Эти и другие подобные действия будут демонстрировать искренность Тегерана в осуществлении исключительно мирной ядерной деятельности.

В качестве ответной меры со стороны Запада было бы разумно полностью отменить для Ирана банковские санкции и снять все ограничения на страхование его морских перевозок. При президенте Роухани это вполне достижимо, требуется лишь политическая воля всех заинтересованных сторон.

Несомненно, что Россия занимает важное место в решении иранской ядерной проблемы. Достройка Бушерской АЭС убедительно показала всем, что Москва строго выполняет свои международные обязательства и способствует укреплению режима ядерного нераспространения. Завершение строительства этой АЭС, подписание российско-иранского контракта на поставку для нее ядерного топлива и отсутствие реального строительства других аналогичных объектов – все это ставит под вопрос саму необходимость осуществления в ИРИ широкомасштабного процесса обогащения урана под предлогом отказа от поставок топлива для энергетических реакторов. А исследовательские ядерные реакторы не требуют промышленного производства в этой сфере, что является естественным ограничением для развития иранской ядерной программы.

Россию крайне беспокоит, что нерешенность иранской проблемы может привести к так называемому «ядерному домино», когда вслед за ИРИ ядерное оружие создадут Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир и некоторые другие государства. Вместе с тем Москва выступает против введения санкций и принятия решений, в том числе силового характера, вне рамок Совета Безопасности ООН. А сами санкции считает целесообразным соизмерять с реальной угрозой для международного сообщества.

В нынешних условиях Москва готова внести свой вклад в разрешение иранского ядерного кризиса на основе принципа «поэтапности и взаимности». Совместно с Пекином она может попытаться убедить остальных представителей «шестерки» международных посредников в необходимости нахождения компромисса и реализации принятых решений. Но для этого нужны реальные шаги со стороны Тегерана по повышению прозрачности его ядерной программы.

Следует также заметить, что современные российско-иранские отношения все еще характеризуются как «настороженное партнерство». Это обусловлено слабостью экономических

отношений между нашими странами и ограниченностью сотрудничества в военно-политической сфере, что стало логическим следствием ранее сделанных ошибок на фоне крайне неуступчивой, а порой провокационной политики президента Ахмадинежада. Сейчас ситуация принципиально меняется. Постепенная нормализация ирано-западных отношений создаст для России новые возможности по военно-техническому сотрудничеству и взаимодействию в области атомной энергетики (энергетике в целом), нефтегазового комплекса, транспорта, туризма, науки и культуры. Но это придется осуществлять в условиях нарастающей конкуренции со стороны Запада. От того, насколько хорошо Москва это сумеет сделать, зависит возможность перевода наших двусторонних отношений на уровень реального партнерства.

С другой стороны, в Тегеране отчетливо понимают пределы своего сближения с США. В частности, тот уровень американо-иранской близости, которая наблюдалась при шахе Пехлеви, уже достичь невозможно в силу политических, идеологических, исторических и других причин. Более того, идти в фарватере американской внешней политики ИРИ не сможет, а любые попытки проявления самостоятельности с целью реализации собственных национальных интересов, например, в Сирии, Ираке или Афганистане, встретят ожесточенное сопротивление со стороны США, их европейских союзников и партнеров среди аравийских монархий. В этих условиях Иран как набирающий силы региональный лидер будет вынужден опираться на другие государства, также способные реализовывать независимый внешнеполитический курс. И по мере формирования многополярного мира Россия, как и Китай, будет обязательно нужна Ирану. Именно тогда в условиях взаимного интереса к установлению более близких отношений можно будет поставить вопрос о достижении между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран уровня стратегического партнерства. Однако до этого нужно пройти еще очень долгий путь.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. М.: Палея, 1999.
2. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М.: СВР РФ, 1995.
3. Имам Хомейни. Путь к свободе. Речи и завещание. Второе издание. М.: Палея-Мишин, 1999.
4. Конституция Исламской Республики Иран // Сб. «Весна свободы». М.: Посольство ИРИ в РФ, 1994.
5. Оружие террора: освободить мир от ядерного, биологического и химического оружия. М.: Комиссия по оружию массового уничтожения, 2007. 247 с.
6. Резолюция 1803 (2008) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. Нью-Йорк, 3 марта 2008. <http://www.un.org/russian/documents/scresol/res2008/res1803.htm>.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии по вопросам экспортного контроля. М., 24 августа 1992. <http://excon.minatom.ru/mezhpravsgol/titles/iran1.htm>.
8. Сообщение от 7 апреля 2010 г., полученное от Постоянного представительства Исламской Республики Иран при Агентстве / Информационный циркуляр. INF/CIR/791. Вена: МАГАТЭ, 2010.
9. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.» // Российская газета. М., 24.09.2010.
10. Ядерное нераспространение: Учебное пособие. В 2-х томах. Том I / И.А. Ахтамзян и др.; Под общ. ред. В.А. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002. 528 с.
11. Communication dated 27 August 2007 from the Permanent Mission of the Islamic Republic of Iran to the Agency concerning

ing the text of the Understandings of the Islamic Republic of Iran and the IAEA on the Modalities of Resolution of the Outstanding Issues. Vienna. IAEA. INFCIRC/711.

12. Hearing: Preventing a Nuclear Iran. House Committee on Foreign Affairs. Washington D.C. 2013. May 15.

<http://foreignaffairs.house.gov/hearing/hearing-preventing-nuclear-iran>.

13. *Hildreth S.* Iran's Ballistic Missile Programs: An Overview // Congressional Research Service. 2009. Feb. 4.

14. Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A Net Assessment. London: The International Institute for Strategic Studies, 2011. Feb.

15. Iran's Nuclear and Missile Potential. A Joint Threat Assessment by U.S. and Russian Technical Experts. Washington D.C. EastWest Institute. 2009.

16. Iran's Ballistic Missile Capabilities. A Net Assessment. London: The International Institute for Strategic Studies, 2010.

17. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council. Resolution adopted on 24 September 2005. Report of the IAEA Director General. 2005.

18. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2007. May 23.

19. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2007. Nov. 15.

20. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2008. Feb. 22.

21. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007) and 1803 (2008) in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2008. Sep. 15.

22. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2010. Nov. 23.

23. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2011. Nov. 8. Annex.

24. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report of the IAEA Director General. 2013. August 28.

25. Interview with Hassan Rouhani // Iranian Diplomacy. Tehran, 27.05.2013.

26. The Military Balance 2007. London: The International Institute for Strategic Studies. 2007.

27. *Rouhani H.* National Security and Nuclear Diplomacy. Expediency Council. Center for Strategic Research. Tehran, 2011. 860 p.

28. *Rouhani H.* Beyond the challenges facing Iran and the IAEA concerning the nuclear dossier. Center for Strategic Research // Rahbord. Tehran, 30.09.2005.

29. Statement by H. E. Dr. Hassan Rouhani, President of the Islamic Republic of Iran. Islamic Republic of Iran, Permanent Mission to the United Nations. N.Y., 2013. Sep 24.

http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/68/IR_en.pdf

Литература

1. Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2010.

2. Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во Московского университета, 2002.

3. Алиев С.М. История Ирана. ХХ век. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

4. Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н. Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего Востока. М.: ИВ РАН, 1998.

5. Бобкин Н. США – Иран: возможен ли отказ от политики угроз и санкций // Современный Иран. М., август 2013. № 23.

6. Задонский С.М. Программа Исламской Республики Иран по созданию ядерного топливного цикла и анализ ее экономической обоснованности. М.: Институт Ближнего Востока, 2006.

7. Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М.: Институт Ближнего Востока, 2009.

8. Евстафьев Д. Геополитика ракетного нераспространения // Ракеты и космос. 2001. № 1. Т-1.

9. Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2007.
10. Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2007: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2008.
11. Кайл Ш. Контроль над ядерными разоружениями и нераспространение // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009.
12. Калядин А. Проблемы имплементации решений СБ ООН по иранскому ядерному досье // Ежегодник СИПРИ, 2008: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 2009.
13. Кузнецова Е. Тегеран как яблоко раздора между Обамой и Конгрессом // Современный Иран. М., август 2013. № 23.
14. Луткова А.М. Российско-иранское сотрудничество в области атомной энергетики в рамках Бушерской АЭС: современное состояние и перспективы. М.: МИФИ, 2010.
15. Мизин В.И. Иранская ядерная программа: возможные варианты? // Вестник МГИМО–Университета. М., 2010. № 1 (10).
16. Наумкин В.В., Евстафьев Г.М., Новиков В.Е. Ближний и Средний Восток // Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
17. Новиков В.Е. Проблемы нераспространения ядерного оружия на современном этапе / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: Российский институт стратегических исследований, 2007.
18. Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире / Под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: Российский институт стратегических исследований, 2003.
19. Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране // Иран в современном мире. М.: РИСИ, 2003.

20. Персидский код // Современный Иран. М., август 2013. № 23.

21. Ромашкина Н. Современные угрозы международной системе нераспространения: ядерные программы КНДР и Ирана // Разоружение и безопасность 2004–2005: новые подходы к международной безопасности / Под ред. А. Арбатова; ИМЭМО РАН. М.: Наука, 2007.

22. Сажин В.И. К вопросу о решении иранской ядерной проблемы – уроки 2012 г. М.: Вестник Московского Университета, октябрь 2012. Научный журнал № 4. Серия 25.

23. Сажин В. Иранский узел // Металлы Евразии. М., 2003. № 5.

24. Саруханян С.Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

25. Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра. М. 1998. № 8.

26. Сафранчук И. Иранский ядерный кризис: политические аспекты // Экспорт вооружений. М., 2005. № 6 (ноябрь-декабрь).

27. Силовое решение иранской ядерной проблемы: сценарии и последствия / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы. М., 2008.

28. Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр, 2000.

29. Федоров В. 5-й оперативный флот – на острие внешней политики США // Зарубежное военное обозрение. М., 2012. № 2.

30. Фитцпатрик М. Рост ядерного оружейного потенциала Ирана // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, Монтере, 2013. М.: Национальный институт корпоративной реформы, 2013.

31. Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-Центра. М. 2001. № 18.

32. Хлопков А. Иранская проблема // Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

33. Хлопков А. Ядерная программа Ирана – незаконченная история // У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Север-

ной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

34. Что можно ждать от нового лидера Ирана // Современный Иран. М., август 2013. № 23.

35. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

36. *Ansari A. Iran: A Nuclear ‘Fatwa’?* Chatham House Expert Comment. London, 2012. Sep. 28.

<http://www.chathamhouse.org/media/comment/view/186019>.

37. *Anthony H., Cordesman A. Iranian Weapons of Mass Destruction. Capabilities, Developments, and Strategic Uncertainties.* Washington Center for Strategic and International Studies. 2008. Oct. 14.

38. *Barneby F. The Invisible Bomb: the Nuclear Arms Race in the Middle East.* London: Tauris, 1989.

39. *Buchta W. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic.* The Washington Institute for Near East Policy. 2000.

40. *Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals.* Carnegie Endowment for International Peace. Washington D.C. 2002.

41. *Clawson H., Rubin M. Eternal Iran: Continuity and Chaos.* N.Y.: Palgrave Macmillan. 2005.

42. *Clawson P. Rouhani’s Nuclear Views: An Open Book?* Policywatch 2093. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C., 2013. June 19.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/rouhanis-nuclear-views-an-open-book>.

43. *Clawson P. Talk Is Cheap.* Foreign Affairs. N.Y., 2013. Sep. 24.

44. *Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons.* Washington Center for Strategic and International Studies. 2000. Feb. 7.

45. *Cordesman A., Burke A. The Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Middle East.* Washington Center for Strategic and International Studies. 2004.

46. *Ditto S. Who is Hassan Rouhani?* Policywatch 2147. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. Sep. 24.

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/who-is-hassan-rouhani>.

47. *Fitzpatrick M. Assessing Iran’s Nuclear Programme. Latest U.S. Intelligence Report // Memorandum for House of Common Affairs Committee.* London, 2008. Feb. 20.

48. *Fitzpatrick M.* The Iranian Nuclear Crisis: Avoiding Worst-case Outcomes. IISS. London, 2008.
49. Getting Ready for a Nuclear-Ready Iran / Edited by Sokolski H., Clawson P. – U.S. Army War College. Strategic Studies Institute. 2005. Oct.
50. Great Expectations: Iran's New President and the Nuclear Talks. Crisis Group Middle East Briefing. No. 36. Washington/Brussels, 2013. Aug. 13.
51. *Heinonen O., Henderson S.* Nuclear Talks with Iran: Diplomacy and Diminishing Time. Policywatch 2146. Washington Institute for Near East Policy. Washington D.C. 2013. Sep. 23. <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/nuclear-talks-with-iran-diplomacy-and-diminishing-time>.
52. *Hibbs M.* Reconverting Iran's U_3O_8 to UF_6 . Arms Control Wonk. 2013. Apr. 27. <http://hibbs.armscontrolwonk.com/archive/1748/reconverting-irans-u3o8-to-uf6>.
53. Iran: is There a Way out of the Nuclear Impasse? International Crisis Group, Middle East Report, number 51. 2006. Feb. 23.
54. Iran with Pakistan. Non-Proliferation Review. 1995. Fall.
55. *Jones G.* Iran's Rapid Expansion of its Enrichment Facilities Continues as the U.S. Concedes That Iran Is Getting «Closer and Closer» to Having Nuclear Weapons. Non-Proliferation Education Policy Center. Arlington (USA), 2013. March 19. <http://npolicy.org/article.php?aid=1206&rid=4>.
56. *Katzman K.* The Iran Sanctions Act (ISA). CRS Report for Congress. Library of Congress, Order Code RS20871, updated October 12. 2007.
57. *Kenneth R., Timmerman K.* Countdown to Crisis. Crown Publishing Group. N.Y., 2005.
58. *Koch A., Wolf J.* Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to Bomb? Non-Proliferation Review. 1997. Fall.
59. *Mousavian S.H.* Globalising Iran's Fatwa against Nuclear Weapons. ISIS. Survival. Vol. 55, No. 2. London, 2013. April-May 2013.
60. *Nasr V.* Regime change Obama can believe in. Foreign Policy. Washington, D.C. 2013. July 16.
61. National Intelligence Estimate—Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. Washington, D.C. 2007. Nov.
62. *Perabo B.A.* Chronology of Iran's Nuclear Program. Monterey Institute of International Studies. 1995. Sept. 25.

63. *Rosen J.* A Nuclear Iran: What Does it Mean, and What Can be Done. Institute for National Security Studies. 2007.
64. *Rouhani*: First Presser on US, Reforms, Nukes. Iran Primer. United States Institute of Peace. Washington, D.C. 2013. Jun. 17.
65. *Rubin U.* The Global Reach of Iran's Ballistic Missiles. Institute for National Security Studies. Tel Aviv. 2006. Nov.
66. *Shapir Y.* Iran's Ballistic Missiles Strategic Assessment. Tel Aviv. The Institute for National Security Studies. 2009. Aug. Vol. 12. No. 2.
67. *Spector L.S.* Efforts to Halt Weapons of Mass Distraction on Programs in Iran. Prepared Testimony before the Senate Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs. 1997. Apr. 17.
68. *Squassoni S., Gerami N.* Iran's Plan for Nuclear Compliance. Washington, D.C. Carnegie Endowment for International Peace. 2007. Sep. 6.
69. *Timmerman K.* Iran's Nuclear Program: Myth and Reality // Iran Brief, 30.09.1995.
70. *Webb G.* Iran–IAEA Nuclear Plan Receives Qualified Western Support // Global Security Newswire, 12.09.2007.
71. *Witt W., Walrond C., Albright D., Wood H.* Iran's Evolving Breakout Potential // ISIS Report. London, 08.10.2012.
72. *Wright R.B., Bakhash S.* The U.S. and Iran: an Offer They Can't Refuse? // Foreign Policy, 1997. number 108. P. 124–137.
73. *Zak C.* Iran's Nuclear Policy and the IAEA. The Washington Institute for Near East Policy. Military Research Papers. Num. 3. 2002. 94 p.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце ХХ века". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов**: "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (составлено с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (составлено с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов**: "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков**: "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель**: "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин**: "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (составлено с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко**: "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (составлено с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Составлено с РАН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Составлено с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров**: "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (составлено с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирай диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация" (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".
- 2004 г.
119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Тerrorизм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афghanistan в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Кудлев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтier. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев**: "Современный Судан: от единства к раздому" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З. Мосаки**: "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И. Стародубцев**: "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн**: "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В. Алейников**: "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В. Салийчук**: "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер**: "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед**: "Израиль в Центральной Азии: грэзы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).
245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П. Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays).
In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by
V.Ahmedov
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by
V.Yurchenko
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**.
In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation"
by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in
Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of
essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects"
by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity"
by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries"
(collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunkova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim.

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays).

2013

249. "Tribes, clans and families of Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations" by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From the two-block system to the emergence of the ruling party: (socio-political trends in Israel after the elections for the nineteenth Knesset and the formation of Benjamin Netanyahu's third government)" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

Научное издание

В.В. Евсеев

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ХАСАНЕ РОУХАНИ**

Подписано в печать 02.12.2013 г.

Формат 60x90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 14,25 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 64

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12